

ОЛЕГ ДИВОВ
ЛЮДИ И НЕЛЮДИ

Новый Дивов. Коллекция

Олег Дивов

Люди и нелюди

«ЭКСМО»

1999, 2004

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дивов О. И.

Люди и нелюди / О. И. Дивов — «Эксмо», 1999, 2004 — (Новый Дивов. Коллекция)

ISBN 978-5-04-169842-3

В сборник входит две повести: «Выбраковка» и «Ночной смотрящий» «Выбраковка» «Звёздный Мост», 2004 г. Лучший роман — 1-е место («Золотой Кадуцей»); РосКон, 2005 г. Роман — 1-е место («Золотой РОСКОН»); «Итоги года» от журнала «Мир Фантастики», 2004 г. Лучшая отечественная мистика, триллер, городское фэнтези. «Ночной смотрящий» «Звёздный Мост», 2000 г. Лучший роман — 3-е место; «Басткон», 2000 г. Премия «Меч Бастиона»; «Серебряная стрела», 2010 г. Герой нашего времени. Романы Олега Дивова — выдающиеся реконструкции современности. Истории, которые могли бы случиться с каждым. Автор — член Союза писателей России, Союза литераторов России и Совета по фантастике и приключенческой литературе при Союзе писателей России. Лауреат более 50 различных премий. Содержит нецензурную брань!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-169842-3

© Дивов О. И., 1999, 2004
© Эксмо, 1999, 2004

Содержание

Выбраковка	5
Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	23
Глава пятая	27
Глава шестая	31
Глава седьмая	37
Глава восьмая	43
Глава девятая	50
Глава десятая	53
Глава одиннадцатая	57
Глава двенадцатая	60
Глава тринадцатая	66
Глава четырнадцатая	74
Глава пятнадцатая	78
Глава шестнадцатая	87
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Олег Дивов

Люди и нелюди

(Сборник)

Выбраковка

Глава первая

Хроники повествуют, что во времена его правления можно было бросить на улице золотую монету и подобрать ее через неделю на том же месте. Никто не осмелился бы не то что присвоить чужое золото, но даже прикоснуться к нему. И это в стране, где за два года до того воров и бродяг было не меньше, чем оседлого населения – горожан и земледельцев! Как же произошла такая метаморфоза? Очень просто – в результате планомерного очищения общества от «асоциальных элементов».

Участковый Мурашкин лениво брел по вверенной ему территории. Задворки Второй Фрунзенской всегда считались довольно спокойным местом, а теперь здесь можно было вообще помереть с тоски. Особенно если твоя профессия – защита правопорядка. Мурашкин учтиво раскланивался с бабушками на лавочках, улыбался детишкам, весело махавшим ему из недр кукольно-ярких игровых городков. В какой-то момент участковому повезло: знакомый мужик ковырялся в двигателе «Москвича», но поломка была пустяковая, и вволю почесать языком не вышло.

Заросший грязью пистолет, молчаливая рация, планшет со слежавшимися бланками протоколов – казались лишними и раздражали. Мир вокруг был стерилен, чист и на вид совершенно безопасен: выскобленный асфальт, ровно подстриженные газоны, спокойные лица прохожих. Мурашкин заглянул в пару магазинов, поболтал с продавцами, сонными от дневного безлюдья, и окончительно сник. Уселся на лавочку в сквере, закурил и в легком отчаянии подумал, что опять ему совершенно нечем заняться.

Другой бы на его месте радовался, но участковый Мурашкин был, на свою беду, человек долга. Он с детства уяснил, что добро обязано иметь кулаки, и если ты за все хорошее и против всего плохого – нужно что-то делать. Особых талантов за Мурашкиным не числилось, и он реализовал тягу к переустройству мира естественным образом: после армии пошел в милицию. И только-только ощутил себя на своем месте, как в стране грянули перемены. В первые дни казалось, что новая власть своим знаменитым «Указом сто два» выплеснула на улицы волну насилия. Но волна довольно быстро схлынула и уволокла с собой почти весь тот контингент, что мешал нормально жить добрым гражданам и участковому Мурашкину в их числе.

Надо отдать должное выбраковщикам: они причесали город очень частым гребнем.

Из тех, кого забраковали, не вернулся никто. АСБ недаром обзывало свои машины «труповозками». Неважно, забрали тебя из грязной коммуналки (а ведь не стало их, коммуналок-то, всего за год!) или из роскошного пентхауса тут, на набережной, – урод пропадавал, освобождая место для нормального, честного, достойного человека.

И хотя противно было сознавать, что по всей стране орудует сила, которую не сдерживает закон, стальными тисками сковавший тебя самого, – Мурашкин на выбраковщиков не злился. Он понимал: временная мера. В «Указе сто два» так и писали, черным по белому. Еще пара лет, от силы года три... Поэтому Мурашкину никогда не приходило в голову попроситься в АСБ.

По своему нынешнему безделью он отлично понимал, что значит оказаться выброшенным из жизни. А ведь это ждет каждого из тех, кто сейчас вместо него, Мурашкина, подставляется под бандитские пули. Хотя какие теперь бандиты... Поубивали всех давным-давно. А кого не убили, загнали пожизненно на каторгу. По-честному. Мол, вы, ребята, погуляли за наш счет, теперь потрудитесь на наше благо.

И все-таки интересно, чем займутся парни из АСБ, когда правосудие вернется на привычные рельсы и милиция из профилактической службы опять станет тем, чем ей положено быть. Станный народ там, в Агентстве. Своеобразный, если не сказать больше. «Некоторые, кстати, и говорят, не стеснясь», – подумал Мурашкин. И сразу вспомнил, как на прошлой неделе в отделение зашел выбраковщик. Чего-то ему нужно было от начальника. Мурашкин, без дела ошиваясь во дворе в ожидании, когда ребята сменятся и можно будет пойти вдарить по пиву, сразу его вычислил. Невысокий, даже шуплый, лет сорока, с заметной сединой в черных волосах... Скромный такой. И с ласковыми глазами убийцы. И один лейтенант, видимо знавший выбраковщика в лицо, крикнул: «Какие люди, и без наручников! Смотрите, кто пришел! Да это же Пэ Гусев, вождь палачей!»

У Мурашкина тогда все съезжилось внутри. А тот Гусев просто кивнул лейтенанту, мило улыбнувшись, будто такими репликами выбраковку и положено встречать. Показал дежурному свой значок и прошел к начальнику.

Да, худо придется выбраковщикам, когда их услуги окажутся не нужны. А ведь милиция по большому счету в ножки им должна поклониться. Мурашкин отлично помнил времена, когда от него, человека в серой форме, люди шарахались как от чумного. «Менты и бандиты – родственные профессии», – говорили тогда. Теперь полюбили. Малышня так на руки и лезет, взрослые не воротят морду, а первыми здороваются...

Мурашкин курил и думал: какого черта он тут делает. Можно пойти в опорный пункт и вволю поиграть на компьютере. Можно отправиться домой и приготовить что-нибудь эдакое на обед, жену порадовать. По телевизору смотреть днем нечего: гонят советские фильмы и пропагандистские шоу на тему, как хорошо жить в Славянском Союзе. Жить стало действительно неплохо, а все равно тоска... Участковый сунул нос за пазуху в надежде, что случайно отключил рацию. Но тусклая красная лампочка горела, и динамик еле слышно шуршал.

А то нанести один-другой профилактический визит? Проверить, например, не запила ли вновь эта дура Татьяна. Или в сотый раз попытаться объяснить старому маразматiku Дундукову – вот же фамилия! – чтобы перестал на нее строчить анонимки. Все равно бумажки с подписью «Борец за нравственность» к рассмотрению не принимаются...

От соседней школы донесся оглушительный вопль, будто там резали детей очень тупым ножом. Мурашкин и ухом не повел: это просто началась большая перемена. Но мысли его двинулись по вполне определенному пути. Точно, зайти к Татьяне. Она когда запивает, у нее ошиваются разные типы. Ведут себя обычно тихо, ничего криминального, но два неуравновешенных человека в одном помещении – уже повод к «бытовухе». Не напугали бы дочь.

Бездетный Мурашкин тяжело переживал, когда у симпатичных детишек оказывались непутевые родители. Дай ему волю, он прелестную белокурую шестилетнюю Машеньку отнял бы у Татьяны силой и удочерил. Все равно мать сопьется вконец, и либо на принудительное лечение угодит, либо вообще в лагерь. Только успеет до этого ребенка испортить. Жаль.

Да, к Татьяне. Прямо сейчас. Мурашкин бросил окуроч в урну, поднялся и быстрым шагом двинулся вглубь квартала.

Уже поднимаясь на этаж, участковый почувствовал смутное беспокойство. А когда протянул руку к кнопке звонка, услышал неясный звук, доносящийся из квартиры. То ли стон, то ли плач. За обшарпанной дверью творилось нехорошее. Мурашкин позвонил. Никакого ответа. Он позвонил снова. Внутри завозились и притихли.

– Откройте, участковый! – крикнул Мурашкин.

И опять услышал тот же звук. Точно, это плакал ребенок.

Никаких сомнений: там, внутри, стряслась беда. Участковый отошел к противоположной стене, оттолкнулся и наподдал дверь плечом. Полетел вперед с дверью в обнимку, врезался во что-то мягкое, упал, вскочил.

Хозяйка валялась в коридоре, участковый на пару с дверью хорошо ее ушибли. Мурашкин чуть было не принял женщину за мертвую. Но Татьяна вдруг открыла глаза, тупо поглядела на участкового и буркнула:

– И ты тоже пошел на хер...

После чего с отчетливым стуком уронила голову на пол и, кажется, заснула.

Мурашкин толкнул дверь в комнату и остолбенел. Перед ним стоял незнакомый пропитой мужик и поспешно заправлял рубашу в штаны. А забившаяся в угол Машенька, заливаясь слезами, размазывала по чумазой мордашке белое и липкое.

Дальше участковый действовал четко и стремительно.

И так хладнокровно, как до этого никогда в жизни.

* * *

Телефонный звонок разбудил Гусева в полдень. Гусев, не открывая глаз, свесился с кровати и принялся шарить по полу. Телефон не нащупывался, а свисать было неудобно: какой-то валик твердо врезался в живот. Потом рука зацепила нечто стеклянное, которое тут же упало и покатилося. Гусев заподозрил недоброе, разлепил один глаз и обнаружил, что лежит поперек своего любимого кресла в гостиной, а на полу валяются в живописном беспорядке пивные бутылки.

Кряхтя и постанывая, Гусев сполз на пол и начал тыкаться носом в «пузыри», втайне надеясь, что хоть один да оставил вчера без внимания. Чуть-чуть жидкости прочистить мозги. А заодно вернуть себе дар речи, поскольку телефон, судя по назойливому курлыканию, вознамерился допечь хозяина и призвать к ответу.

Бутылки оказались пусты. Гусев не без труда встал на ноги и поплелся на кухню. Походя он снял с базы радиотрубку и прижал ее к груди, пытаясь хоть так приглушить сигнал.

Трубка задушенно хрюкала с методичностью, достойной лучшего применения. То ли ошибся номером какой-нибудь факс-модем, то ли звонил человек, знающий гусевский распорядок дня и железно уверенный, что абонент дома. Хорошо бы первое, но в чудеса Гусев принципиально не верил. Скорее всего, настойчивые звонки предвещали очередную свеженькую, с пылу с жару, неприятность.

Телефон умолк на пороге кухни, да так неожиданно, что Гусев даже остановился. С глубоким сомнением поглядел на трубку. А потом, будто очнувшись, сунул ее не глядя в пространство (оказалось – в забитую грязной посудой раковину) и прыгнул к холодильнику.

На полочке лежала заначка – две бутылки «Балтики» номер три. Гусев огляделся в поисках открывалки, сообразил, что та после вчерашнего наверняка в гостиной, и, недолго думая, уцепился пробкой за край батареи. Несильно врезал сверху раскрытой ладонью – пробка с тихим звяканьем укатилась под ноги, – и жадно припал к горлышку.

Через несколько секунд бутылка опустела наполовину, а в глазах человека появилось более-менее осмысленное выражение. Гусев тяжело выдохнул, уселся за кухонный столик и мысленно обложил последними словами гадину, разбудившую его раньше времени. Ни особого похмелья, ни физической разбитости Гусев не ощущал. Он просто все еще был здорово пьян. Оставалось только допить пиво, раздеться и лечь в кровать. Хотя бы часика на три-четыре. Инструктаж перед вечерней сменой в пятнадцать тридцать. Хотя какая это смена – так, зайти отметить... Нет больше тройки Гусева. И когда ему теперь дадут хотя бы одного стажера,

черт знает. А в одиночку выбраковщика никто на работу не пустит. Мало ли чего ему в голову взбредет.

Инструкция четко объясняла, почему нужно ходить втроем. И как себя вести в тех исключительных случаях, когда можно вдвоем. Но, на взгляд Гусева, все эти хитрые расстановки уступом, просчитанные для каждой тройки специально, исходя из характеристик оружия и личной психологической устойчивости бойцов, расписывались, только чтобы запудрить выбраковщикам мозги. Он-то отлично знал, почему на самом деле сотрудникам АСБ положено бродить стаяй. Дай Гусеву волю, он бы своих коллег не то что на работу, а просто в магазин за хлебом поодиночке не выпускал.

И себя, ненаглядного, в первую очередь.

Одиноким выбраковщиком, тревожно-мнительный, неуверенный в себе, волочащий по асфальту длинный хвост многочисленных комплексов, представляет для добрых граждан куда большую опасность, чем целая преступная группировка. А поскольку банды, шайки и мафиозные кланы на территории Союза успешно выбраковщиками изничтожены...

Именно на этой фразе вчера Гусева перебили. Начальник Центрального отделения ласково попросил его засохнуть. Гусев засох и сел на место, ловя затылком неприязненные взгляды. Как обычно, его не поняли. Его вообще никогда не понимали. Никто. Всю жизнь.

Хотя, быть может, на этот раз намек получился слишком тонким. Но как еще передать товарищам свою тревогу за их безопасность? Как объяснить, что буквально всем телом Гусев предчувствует беду? А ведь он в АСБ шесть лет, почти с самого начала, и кому еще взвалить на себя тяжкую долю местного оракула? Когда остальные догадаются, что происходит, будет поздно. Один-единственный приказ сверху – и застоявшиеся ОМОНЫ и СОБРы передавят выбраковщиков как котят. С диким наслаждением передавят. Таких, как Гусев, прожженных ветеранов, отловят по одному и тут же застрелят при попытке к бегству. А прочую мелюзгу вообще пачками лопать будут, и не подавятся.

«Нас в Москве осталось чуть больше тысячи. И от силы десять тысяч по стране. Говорят, теперь больше не нужно, ведь всех гадов вы уже поубивали... Мы – остатки прежней роскоши. Мы – жалкие крохи, нас просто смахнут рукавом со стола. А потом накроют стол по новой».

Стараясь не думать о грустном, Гусев прикончил бутылку и задумчиво оглянулся на холодильник. Точно, допить и баиньки. Если, конечно, эта гадина...

Гадина оказалась легка на помине. Среди чашек и тарелок обиженно тренькнуло.

Гусев встал, двумя пальцами ухватил трубку за огрызок антенны и выудил из раковины. Взял полотенце и тщательно протер. Нажал кнопку и хмуро сказал в микрофон:

– Зачем вы меня разбудили?

На другом конце линии раздался страдальческий вздох.

– Паша, как хорошо, что ты на месте! Выручай, старина! Кроме тебя...

– А-а, товарищ подполковник... Ну-ну.

Слышно было, как подполковник Ларионов, начальник близлежащего отделения милиции, угрызается совестью. Выражалось это в сопении и покашливании.

– Паша...

– Вот что-то вспомнить не могу, кто это меня на днях вождем палачей обозвал? – задумался вслух Гусев.

– Да ну! – делано изумился Ларионов.

– Ты же знаешь, товарищ подполковник, я терпеть не могу, когда мне прямо так в глаза правду-матку режут.

– Паша, ну хватит, в самом деле!

– Мне правда глаза колет, понимаешь?

– Хорошо, я им скажу.

– И скажи.

– И скажу! Так скажу, присесть не смогут!

– Вот сейчас походи и скажи. Этому, как его... Ну, летёха такой мордастый. С усами.

– Паша, можно я с тобой закончу, а потом сразу пойду и скажу ему?

Гусев усмехнулся в трубку.

– Он меня боится, – сообщил Гусев заговорщическим шепотом. – Они все меня боятся.

Слушай, подполковник, а ты меня боишься?

– Извини, не очень.

– Как же так?

– А я смелый. Отважный я. Слушай, Паш, тут у нас большая неприятность. Выручи еще разок? Пожалуйста.

– Опять твои психопаты задержанного прибили?

– Если бы задержанного, я бы тебе не звонил.

– А кого тогда?...

– Понимаешь... Мурашкин с пятого участка, прекрасный мужик, взял и застрелил одного уroda. В состоянии аффекта застрелил.

– Ничего не понимаю, – удивился Гусев. – Ваша братия каждый божий день кого-нибудь застреливает в состоянии аффекта. И рисует в отчете самооборону. Напивается до состояния аффекта, а тут навстречу топает мирный гражданин в состоянии аффекта – и пошла-поехала самооборона... Странно, что вы друг друга еще не поубивали. Даром что пребываете в состоянии аффекта с утра до ночи...

Он мог бы еще долго распространяться на этот счет, но Ларионов его перебил.

– Паша, – сказал он. – Я тебя слушаю и балдею. Всю жизнь бы слушал. Позови какого-нибудь юношу из «Московского комсомольца», он с тобой потом гонораром поделится. Но мне действительно нужна твоя помощь.

– То есть твой прекрасный мужик, участковый Какашкин, не умеет писать и не может поэтому нарисовать в отчете самооборону.

– Да он в больнице! – рявкнул Ларионов.

– Почему? В какой?

– В Алексеевской, идиот!

Гусев задумался.

– Ничего себе... – пробормотал он. – Психушка, значит... Ладно, начальник, считай, я тебя простил. Докладывай обстановку.

– Докладываю, – согласился Ларионов. – Имеем два трупа...

– Ты же говорил...

– Нет, он еще и бабу одну грохнул.

– А-а, на почве ревности!

– Гусев, помолчи. Я же тебе докладываю. Имеется выбитая дверь, за ней два трупа, мужской и женский. Значит, женщина – хозяйка квартиры, мужчина – ее сожитель. Еще имеется девочка пяти лет, дочь хозяйки, живая, у нее глубокий шок, судя по всему, было изнасилование.

– Хорошо погулял участковый Какашкин! – ляпнул Гусев.

– Павел!!!

– Извини, старина, это я от неожиданности. Вот же дрянь какая...

Гусев пожалел, что вовремя не прикусил язык. Конечно, он догадался, что к чему. Случай был в каком-то смысле типовой.

Наверное, каждый выбраковщик прошел через это: на твоих глазах некто отвратительный совершает нечто ужасное. И тут тебе впервые в жизни по-настоящему «сносит башню». Вот почему уполномоченным АСБ не положено огнестрельное оружие. Только уродливый пневматический «игольник», автоматический пистолет, стреляющий иголками с парализатором

мгновенного действия. Кстати, побочный эффект этой мгновенности – адская боль. Малость химика перемудрили. Наверное, у них тоже были личные счеты с врагами народа.

– Факт, что насильник – сожитель хозяйки, не вызывает сомнений, – объяснил Ларионов. – Мурашкина подобрали в невменяемом состоянии, и он еще долго ничего не расскажет. Да и нечего тут рассказывать, все ясно. Зашел для профилактики, что-то услышал, позвонил, не открыли, вышиб дверь... И так далее. Нервы сдали у мужика. Клянусь, я его хорошо понимаю. Ничего, подлечится – еще послужит...

Гусев хмыкнул, но от комментариев воздержался. Понятно было, что Ларионов своего подчиненного не сдаст. Тем более участковый скорее попал в беду, чем совершил преступление. Но снова давать ему оружие и власть... «Гусев, окстись, ты и сам ничуть не лучше».

– Короче говоря, был звонок насчет стрельбы, – продолжал Ларионов. – От соседей на центральный пульта. Выхала группа, то есть все уже оформлено. Но, слава богу, у ребят хватило ума на месте разобраться, что случилось, и приостановить дальнейший процесс. Гусев, дружище, возьми все на себя, а? Ты представь, какой офигительный «глухарь» из этого дела получится! Его в принципе спихнуть не на кого!

– Кроме меня, – заметил Гусев. – Разумеется, ни один ворюга не возьмет на душу изнасилование ребенка и двойную мокруху. Да у тебя небось и нет сейчас живого вора. Ты уж, наверное, забыл, как они выглядят. А вот добренький Гусев на что угодно подпишется.

– При чем тут изнасилование, оно, считай, раскрыто. А вот мокруха... Паша, это ведь твой контингент! Запрос я тебе задним числом оформлю. И свидетелей, как положено.

– Знаешь, подполковник, – сказал Гусев негромко. – Я, конечно, о нас с тобой невысокого мнения, но вот в такие моменты удивляюсь – и чего это у нас еще крылышки не выросли? У тебя там, случаем, нимб не проявился? Гос-по-ди! Среди каких уродов мы живем! Это же просто уму непостижимо!

– Берешь?... – спросил Ларионов с плохо скрываемой надеждой в голосе.

– Кроме твоих людей никто этого Какашкина не видел? – деловито осведомился Гусев.

– Мурашкина! Да нет, он как отстрелялся, так на месте и завис. Метался, бормотал что-то. Группа подъехала буквально через пять минут. Вывели его тихонечко... Если кто во дворе и был, так сам знаешь, менты, они вроде китайцев, на одно лицо. А в больницу я его по благу сунул, там все будет шито-крыто.

– К тестю, что ли? – вспомнил Гусев.

– Ну.

– Ладно, – вздохнул Гусев. – Через полчаса зайду. Готовь мне запрос и сопровождающих. Если дашь того усатого лейтенанта, буду отдельно признателен. И бутылка с тебя.

– Да хоть ящик! – радостно взвыл Ларионов.

– Значит, все-таки берешь взятки! – обрадовался Гусев.

– Почему?!

– Откуда у тебя деньги на ящик, ты, подполковник!

– Нам в прошлом месяце опять зарплату повысили. А потом, я для хорошего человека, – твердо сказал Ларионов, – последнюю рубаху сниму!

– Это я-то хороший? – удивился Гусев.

– Конечно, – подтвердил Ларионов. – А если приедешь через двадцать минут, я тебе еще и не такое скажу.

– Обойдусь. Через полчаса встречай.

– Ну, Пашка, ну, выручил! Спасибо!

– Пока еще не за что, – отрезал Гусев и дал отбой.

Минуту-другую он стоял посреди кухни, задумчиво перебрасывая трубку из руки в руку и прикидывая, как навязанную Ларионовым фиктивную выбраковку провести через отчетность Центрального отделения АСБ. Ведь если подходить к вопросу формально, то старший

уполномоченный Агентства Социальной Безопасности Павел Гусев существовал нынче только де-юре. Де-факто ему положено было регулярно являться на инструктаж, а потом вместо работы плестись на все четыре стороны. Ведущий, потерявший за месяц двоих из тройки. Потерявший заодно последние остатки доверия в отделении. Со всех сторон только неприязнь и страх. Впрочем, ему не привыкать. Всегда его по жизни сопровождали эти два чувства. Он боялся, его боялись. Он ненавидел, его ненавидели. И обе стороны, как правило, эти чувства умело скрывали. Гусев себя контролировал, потому что знал: может убить. Все остальные – потому что знали: и правда может.

Только внутри тройки, ушедшей в небытие, Гусев становился нормальным человеком. Ему повезло с помощниками. Атмосферу, сложившуюся в команде, трудно было назвать взаимопониманием. Но вот доверие, готовность прикрыть спину, а то и заслонить товарища грудью, все трое ощущали друг в друге постоянно. Выдвигаясь «на маршрут» в город, тройка Гусева превращалась в единый организм.

Эта команда была неистребима. И прожила бы очень долго, не случись двоим из троих попасть под выбраковку самим.

Глава вторая

В этом – разгадка неслыханной и не имеющей аналогов в мировой истории повальной честности населения Валахии в середине XV века. После того как тысячи воров погибли на кольях или сгорели в пламени костров на городских площадях, новых охотников проверить свою удачливость уже не находилось.

Сентябрь выдался сухим, но прохладным. Лучшая погода для выбраковщика, который по долгу службы предпочитает одежду из плотной ткани и свободного покроя, скорее даже мешковатую, чтобы не так выпирала наружу его профессия. Летом Гусева ужасно раздражала необходимость мазаться специальными кремами и надевать гигроскопическое белье. Иначе он бы просто умер, закованный в спасительную, но абсолютно глухую броню. А сейчас он чувствовал себя замечательно. Легкая, но прочная кожанка с полами до середины бедра удачно маскировала полпуда железа и пластмассы, которые таскал на себе выбраковщик.

Тем не менее у станции метро Гусева вычислили. Он задержался купить сигарет, и тут же рядом притормозил «Соболь» с эмблемой Службы Доставки на двери.

– Помощь не требуется, коллега? – спросил парень в белом халате, высовываясь из окна.

Гусев бросил через плечо сумрачный взгляд, промолчал и снова повернулся к окошку табачного киоска. Протянул было деньги, но тут задняя дверь киоска открылась, и внутрь шагнул некто, судя по выражению лица – хозяин. Гусев присмотрелся, вздохнул, пробормотал: «Извините, у нерусских не покупаем...» и тяжело потопал к соседней палатке. Несмотря на вполне приличное настроение, ходить сегодня было отчего-то трудно.

«Соболь» все не уезжал. Взяв свое курево, Гусев подошел к фургону.

– Что там было насчет помощи? – спросил он угрюмо. – Какая еще помощь?

– Наркологическая, разумеется. Хотите маленький укольчик? Второе рождение гарантировано. Вы же чувствуете э-э... дискомфорт, сразу видно.

– Вот это глаз! – восхитился Гусев.

– Работа такая, коллега. Давайте, заходите.

– Н-нет, спасибо, – пробормотал Гусев. У нарколога было приятное открытое лицо и заразительная улыбка. Но это еще не повод разрешать человеку тыкать в тебя иглками.

– Вам же на маршрут сейчас, верно? Давайте поправим здоровье. Я просто нарушу профессиональную этику, если отпущу вас.

– Как вы меня раскрыли? – спросил Гусев, безуспешно пытаясь оглядеть себя в поисках какого-нибудь вопиющего изъяна.

– Просто характерная моторика. Сейчас она, конечно, сглажена – последствия интоксикации. Но все равно если знать, что искать – видно.

– На психиатра, что ли, учитесь? – догадался Гусев.

– Верно. Не буду же я всю жизнь пьяных по домам развозить. Доставка – это так, ради денег. Ну давайте, ныряйте в наше гостеприимное лоно.

– Не-а.

– Почему?!

– Страшно.

– Тьфу! Поймите, вам через пять минут станет легче. А через пятнадцать – как новенький будете.

– Я с похмелья тревожный, – признался Гусев. – Боюсь автомобилей, низколетящих голубей и врачей-убийц.

Из кабины раздался сдавленный хохоток: водитель подслушивал. Нарколог смерил Гусева взглядом, каким одаривают непослушного ребенка.

– С вас прямо хоть диплом пиши, – сказал он. – Особенно если низколетящие голуби... Не хотите укол, могу смешать микстурку. Но дольше ждать придется. Слушайте, а можно я вам хотя бы давление померяю?

– Я что, настолько плох?

– Жить-то будете...

Гусев сдался и полез в машину, бормоча: «До чего же вы, медики, настырные...» Внутри обнаружился еще один клиент Доставки. Поперек двух кресел развалился молодой человек в парадном флотском мундире. Фуражка у моряка съехала на нос, сбоку из-под нее выбивались неуставные русые кудри.

– Здорово, полундра, – бросил ему Гусев. Тот не отреагировал.

Давление у Гусева оказалось явно пониженное.

– Ну хотя бы валокордин, – предложил врач.

– Делать вам нечего...

– Ваша правда, коллега. Скука жуткая. Третий час уже катаемся, хоть бы кто под колеса упал... В сентябре вообще мало пьяных, в основном работают люди, восстанавливают семейный бюджет, подорванный отпуском, хе-хе...

– А это? – Гусев ткнул пальцем через плечо. – Что же вы его домой не везете?

– Товарищ капитан первого ранга, мичман Харитонов... – неожиданно сообщил в пространство флотский. После чего громко всхрапнул и снова отключился.

– Это мичман Харитонов, – объяснил врач, отсчитывая капли.

– Вижу, что не адмирал Нахимов...

– Вот, пейте. Бедняге нельзя домой, он на службе. Никак до Генштаба не дойдет. Ничего, я ему такой коктейль в вену запузырил...

Гусев проглотил лекарство.

– Спасибо, – кивнул он, возвращая стакан. – Слушайте, доктор... Можно некорректный вопрос?

– Смотря насколько, – улыбнулся врач.

Гусев сначала малость опешил – на его памяти так с выбраковкой не разговаривали, – а потом сообразил: медик совершенно не боится АСБ. Искренне не боится. Наверное, совесть кристально чиста. «Побольше бы нам таких».

– Для вас что, на самом деле все пациенты одинаковы? – спросил Гусев.

– Разумеется. Я же клятву давал.

– Клятва штука хорошая... Но если по-человечески? Все люди разные, и кто-то вам окажется симпатичен, а кто-то, наоборот, противен до тошноты. Как вы с этим справляетесь?

– Ну... Поначалу старался не оценивать. Подходил к вопросу с точки зрения долга. А потом, наверное, привык. Видите ли, больного легко пожалеть, какой бы скотиной он ни был. Больные все страдают.

– Больные все страдают... – Гусев покивал своим мыслям.

– Я, кажется, понимаю, – догадался врач. – У вас схожая проблема?

Гусев замялся.

– Да как сказать, – пробормотал он. – Вряд ли. Медик иногда вынужден быть жестоким к пациенту, чтобы тот потом выздоровел. А мне... А нам приходится делать больно одному человеку, чтобы стало хорошо другим.

– Не вижу особой разницы, – твердо сказал врач.

– Может, она в том, что мы специально учимся не жалеть своих клиентов. Даже провоцируем их на драку, чтобы не было стыдно. А мне кажется...

– Еще бы вы их жалели! – перебил врач. – Так и рехнуться недолго.

«Вот оно, новое поколение, – мелькнуло у Гусева. – Допрыгались. А рассказать моему старику – помрет от счастья. Нет, ошибся я, таких нам даром не надо...»

– Вы еще молодой. Сколько вам, простите?

– Двадцать два.

– У-у... – Гусев улыбнулся. – Все бы отдал на свете, чтобы мне сейчас было двадцать два.

– А вам где-то сорок? Но в любом случае вы мне нисколько не противны, коллега. Ну, я ответил на вопрос, не так ли?

Гусев задумчиво кивнул, выбрался из фургона и остановился, придерживая дверь.

– Вы весьма проникательны, – сказал он. – Я и правда хотел убедиться, что не противен вам. Спасибо за помощь, спасибо за внимание. Совет хотите? Полезный для жизни. Никогда, понимаете, ни при каких обстоятельствах не называйте выбраковщика «коллегой». Мы с вами оба работаем на государство, но заняты совершенно разным делом.

– Отнюдь. Мы оба лечим, – не согласился врач.

– Вам, юноша, с такими взглядами нужно работать в АСБ, – фыркнул Гусев, – а не пьяных по улицам собирать.

– Но я буду работать в АСБ. Уже через год. Меня берут стажером в медслужбу. Так что, может, еще увидимся.

– А-а... Ну да. Конечно. Понятно, – Гусев захлопнул дверцу и ушел прочь.

* * *

Обычно Гусев, выбираясь на улицу, входил в состояние легкой настороженности. Он будто ощупывал пространство вокруг: нет ли где непорядка, не обижают ли кого. Но после беседы с наркологом Гусев погрузился в себя. На эскалаторе он смотрел под ноги, и искомый непорядок заметил, когда уже проезжал мимо. А в эпицентре непорядка молча страдало обиженное существо.

Возле будки дежурного толпилось несколько человек, глядя вниз, на «гребенку» правого эскалатора, который сейчас был остановлен. Сам дежурный почему-то отсутствовал, злобно нарушая служебную инструкцию. Гусев обогнул будку и раздвинул людей плечом. На стыке «гребенки» и пола сидела в неловкой позе небольшая грязно-белая дворняжка. На ее длинной морде застыло выражение безмолвной мольбы о помощи.

Гусев такого раньше не видел, но сразу понял, что случилось. Несколько прядей с растрепанного хвоста собаки каким-то образом защемило между стальными ребрами «гребенки» и тележкой эскалатора. Псине редкостно повезло: хвост у нее все еще был. Наверное, вовремя остановили эскалатор. Неудачно севший на «гребенку» человек теряет минимум половину задницы, а то и жизнь.

– Где дежурный? – спросил Гусев.

– Ножницы ищет, – сказали из-за спины. – Того и гляди угробится кто-нибудь, а ей, видите ли, собачку жалко.

– Ну-ка... – Гусев присел и осторожно, чтобы зря не причинять боли, ощупал собачий хвост, стараясь разглядеть, какие именно белые лохмы защемило, а какие свободны. Псина – как выяснилось, сука – восприняла обследование с глубоким пониманием, разве что дышать не перестала.

Зевак позади ощутимо прибавилось. Всегда приятно участвовать в добром деле, когда им уже занялся другой.

– Вы поосторожнее, молодой человек! Укусит еще...

– Что ж она, совсем дура? – не согласился кто-то.

Собака немислимым образом извернулась и лизнула Гусева в щеку.

– Спокойно, малыш, спокойно... – пробормотал Гусев. – Та-ак, серьезных повреждений не вижу...

– А вы что, ветеринар? – спросили из толпы. Сейчас это уже была настоящая толпа.

– Вроде того, – отозвался Гусев, доставая швейцарский нож и выдвигая кусачки. – Ну, барышня, прощайся с красотой! – и принялся стричь.

«Барышня» все порывалась благодарно лизаться, что здорово тормозило ход операции.

– Молодой человек! – позвали начальственным голосом.

– А? – Гусев вынырнул из-под хвоста.

– Вы что там делаете? – над Гусевым нависла дежурная по эскалатору, дородная тетка с ужасными ножницами для резки металла в руках.

– У вас инструмент неподходящий, – Гусев вернулся к своему увлекательному занятию.

– Что за самодеятельность! – возмутилась дежурная. – На минуту нельзя отойти...

– Да это ветеринар! – объяснили ей.

– Вы правда ветеринар, молодой человек?

Гусеву осталось состричь всего чуть-чуть. Собака, чуя приближение свободы, начала дергаться, и он крепко прижал основание хвоста к полу, чтобы глупышка себе не навредила.

– К сожалению, – пропыхтел Гусев, – уже не молодой. И никакой я не ветеринар.

– Черт знает что такое! – возмутилась дежурная. – Ну ладно, режьте там.

– Вот спасибо... А собака что, местная?

– Да так... Ездит иногда.

– А билет она покупает? – хохотнули в толпе. – Или у нее пенсионная книжка?

– Теперь все равно льгота по инвалидности будет... – миролюбиво сообщила дежурная, чем вызвала дружное веселье собравшихся. – Умная собачка. Всегда аккуратно эскалатором пользовалась, не то что некоторые. А сегодня замешкалась – и бац! Хорошо, я за ней обычно слежу. Едва успела «стоп» нажать. Вот, учитесь, граждане.

– На сходе с эскалатора поднимайте хвост...

– И хвост поднимайте, у кого есть! Сумки повыше держите. А особенно – длинные полы одежды.

Гусев слушал разговоры, посмеивался и работал кусачками. Наконец он выстриг последний запутавшийся клочок, осторожно подвигал хвост из стороны в сторону, понял, что все получилось, отпустил собаку и поспешно встал, пока его не облизали с ног до головы.

Толпа во главе с дежурной разразилась аплодисментами. Собака прыгала вокруг и радостно тявкала. Преисполненный благодарности к свидетелям его подвига, Гусев смущенно кивнул, спрятал ножик и расправил плечи. От этого движения у него из-под куртки предательски сверкнул значок. Наверное, Гусев с похмелья небрежно его прицепил. Самый уголок выглянул, но оказалось достаточно.

Половину толпы – как ветром сдуло.

Дежурная залилась краской и чуть не уронила ножницы.

– Никаких проблем, успокойтесь, – поспешно сказал Гусев.

– Подменить некому было, – пробормотала дежурная. – У нас все на инструктаже по технике безопасности...

– Вот именно что безопасности, – кровожадно поддакнул один из зевак.

– Это кто там гавкает? – спросил Гусев ласково.

Толпа, словно по команде, уполовинилась еще. Гусев, криво усмехнувшись, проводил взглядом беглецов и заметил, что к эскалаторам спешит еще одна женщина в форме работника метрополитена.

– А вот и сменщик, – обрадовался Гусев. – Теперь вы можете с чистой совестью проводить меня туда, где здесь моют руки.

– Конечно... – выдавила дежурная.

– Дамы и господа, оставьте нас, пожалуйста, – мягко попросил Гусев. Люди неохотно разошлись, озираясь. Только какой-то могучий дед с офицерской выправкой подошел к Гусеву вплотную и заглянул ему в лицо.

– Чем могу?.. – учтиво спросил Гусев.

– Вы благородный человек, – неторопливо произнес дед мощным голосом отставного командира. Большого командира, судя по интонациям.

– Есть немножко, – признался Гусев, пряча глаза. – Только не подумайте, что я какое-то исключение. Отнюдь нет.

– У меня к вам вопрос. Скажите, это правда, что АСБ скоро расформируют?

– Насколько скоро, не знаю. Но нас должны распустить, это было прописано в «Указе сто два». Нельзя же без конца терроризировать население.

– Терроризировать? – удивился дед. – Кто это вам сказал? Да пол-России на вас буквально молится! Вы делаете очень нужную работу.

– Мы ее уже сделали. Почти всю.

– Странно такое слышать от уполномоченного АСБ. Впрочем... Честь имею, – дед по военному четко откланялся и ушел.

Гусев, жуя губу, смотрел в его широкую спину. Так и подмывало догнать старика и расспросить, дослужился ли тот до генерала. Позади дежурная шепталась со сменщицей.

– Так вы меня проводите? – обернулся к ней Гусев.

– Да, пойдёмте!

Собака увязалась следом, и Гусев подумал, что вот еще проблема – избавиться от этой спасенной. Желательно ненасильственным образом. По другую руку от выбраковщика мучительно переживала свою будущность дежурная, преступно оставившая пост. Десяток-другой шагов они прошли молча, и Гусев понял, что собака как-нибудь сама отстанет, а вот терпеть присутствие трясушейся от страха женщины надоело.

– Простите, что я вас напугал, – сказал он. – Поверьте, я ничего против вас не имею.

– Вы меня правда не накажете? – встrepенулась женщина.

– За что? – улыбнулся Гусев. – За то, что вы оставили пост в зоне повышенной опасности, потому что не могли видеть страдания живого существа? Бросьте. Вам просто стало жаль собаку. Если у нас даже женщины не будут поддаваться элементарной жалости, в гробу я видел такую нацию. Русские мы или кто, в конце концов? Забудьте.

– Начальник приехал, устроил внеплановый инструктаж, – пожаловалась дежурная. – Я помощь вызвала, гляжу – никто не идет. Понятно, не человек ведь, собака, потерпит. Да и пассажиров мало сейчас, две машины исправно работают... Пять минут жду, десять... Ну, сорвалась и бегом... Так бы я никогда...

– А почему инструктаж в рабочее время? Я думал, на метрополитене порядки очень жесткие.

– Для кого-то жесткие, для кого-то нет.

Гусев посмотрел на часы.

– Жалко, на работу опаздываю. А то подзадержаться здесь, устроить разнос кому следует? Нет, у вас же первой будут неприятности.

– Да уж! – усмехнулась дежурная. – Съедят.

– Видите, – сказал Гусев. – Мне тоже приходится выбирать между жалостью и долгом. Постоянно. Каждый день.

Посреди станции околачивалось двое милиционеров. Гусев вспомнил участкового Мурашкина и подумал, что тот, наверное, почуял бы застрывшую на эскалаторе собаку за километр. «Все-таки самые лучшие защитники и спасатели – это малость сумасшедшие люди. И пока им есть кого защищать и спасать, будет порядок. А когда они перезащищают и переспасают всех-всех-всех... Что тогда?»

Исторические аналогии подсказывали Гусеву, что в таких случаях герои-богатыри сами учиняют дикий бардак. Чтобы было чем заняться.

Конечно, если вовремя не приходят другие богатыри и не ликвидируют первых.

Глава третья

Определенно можно сказать только одно: людская молва и время не преувеличили его жестокость. Иногда он совершал героические поступки, но все же был не героем, а психопатом.

Центральное отделение занимало два подъезда в идущей под снос монументальной развалюхе 1903 года постройки. Наверное, сто лет назад домик был ничего себе, но потом явились большевики. Выполняя историческую миссию запихнуть в господские апартаменты побольше барачной швали, они выкопали под домом глубокий подвал и надстроили два этажа. Здание постояло-постояло да и начало расползаться по швам. В каком-нибудь отдаленном районе на это дело плевали бы до тех пор, покуда через трещины в стенах не начали просачиваться бродячие животные. Но тут дом был в полукилometре от Кремля, поэтому его по-быстрому про-сверлили, а сквозь дырки пустили толстенные стяжки. Жильцы к трубам с резьбой цепляли бечеву для сушки белья. Гусев угодил в первую волну сотрудников АСБ, заселявших офис Центрального, и лично обрывал это замасленное провисшее мочало, на которое смотреть-то было страшно. Невольно в голову лезла картинка: сталкер с мешком хабара ползет по Зоне, а над головой у него тихонько шевелятся на ветру такие вот бородатые веревки...

«Мы с развеселым гоготом крушили перегородки и таскали мебель, а я все оглядывался на ребят и думал: чистой воды сталкеры. Лезут куда-то с наркотическим упорством, добывают то, непонятно что, гибнут ради этого непонятно чего. Неужели и я такой же? Нет, только не я. А внутренний голос твердил: голубчик, разуй глаза! Конечно, и ты тоже. Никто ведь тебя не просил идти на линию огня, сам полез... Как это – никто не просил? Я сам и просил. На коленях ползал. Аргументированно умолял. Требовательно упрашивал».

Гусев взялся за ручку подъездной двери и с усилием потянул. Дверь жалобно скрипнула, отошла сантиметров на тридцать, застряла, но все-таки уступила и отодвинулась еще немного. Гусев не без труда пропихнул себя в открывшуюся щель и сразу наткнулся на дневную смену, бредущую вниз по лестнице. Выражения лиц «дневного» ему не понравились.

С ним хмуро здоровались, кое-кто даже за руку, но чаще приветственно хмыкали и прятали глаза. Никому здесь больше не было дела до Пэ Гусева, суперагента с лицензией на убийство. Он спекся и уже не подлежал восторженному поклонению. «Или это я себя накручиваю? – подумал Гусев. – Ну, устал народ, вымотался. А может, кого-нибудь из наших подстрелили. Хотя вряд ли. Некому стрелять».

На площадке третьего этажа курила, ожесточенно жестикулировала и ругалась матом патрульная группа Данилова. Четыре тройки намертво закупили проход, и Гусев волей-неволей принялся расчищать себе дорогу. Настроение сразу поднялось: несмотря на общее перевозбуждение, его заметили, принялись хлопать по плечу и совать руки. То ли Гусев еще не окончательно спекся, то ли не все так думали, то ли он на самом деле попусту накручивал себя.

Данилов как раз выкрикивал в дверь офиса порцию нечленораздельных оскорблений, когда Гусев осторожно взял его за локоть.

– Пэ! – заорал Данилов прямо Гусеву в ухо. – Ну хоть ты скажи этим негодьям! Почему опять мы?! В прошлом месяце Данила, теперь снова Данила! Что я тут, главный зоофил?! Я в отставку подам! Я уйду в рядовые! Хватит делать из меня этого... Как его...

– Начальника очистки, – подсказали с лестницы. – Полиграф Полиграфович, не переживайте так.

Выбраковщики заржали. Делать им больше ничего не оставалось, только потешаться над собой. Гусев окончательно воспрял духом. Разумеется, вот откуда хмурые лица. «Дневное»

снова погнали на отстрел бродячих собак. И как всегда, старший – Данилов. Бр-р-р... Это называется: любишь расстреливать – люби и могилки копать.

«Именно так – самому копать. А то слишком много романтики вокруг работы палача. Но собаки, конечно, перебор. Собака – это вам не обдолбанный бандит с автоматом. Хорошо еще, когда псина издали чует тебя, пропитанного запахом смерти, и старается убежать. А когда просто стоит и вглядывается в твои глаза... Нет, кончается выбраковка. Еще год назад послали бы мы их с этими собаками далеко и надолго. Подумаешь, заказ Моссовета... Да я когда-то половину этого Моссовета взял за плечико и отвел в труповозку. Сейчас, что ли, там браковать некого? Да запросто. Одно слово – взяточники. Но прошлой осенью по всему Союзу отменили ежеквартальные проверки чиновников на детекторе лжи. Слишком круто, видите ли. Унизительно. Хорошо, мы и без детектора можем, нам хватит малейшего намека. Даже видео не нужно – один микрофончик, одна кассетка. И привет горячий. Здравсте, господа коррупционеры, я старший уполномоченный Агентства Социальной Безопасности Пэ Гусев. Имеете право оказать сопротивление. Имеете право не называть себя. Имеете право не отвечать на вопросы... Пожалуйста, граждане, к дознавателю. А там уж вы сами все расскажете... М-да. Только оперативных данных по Моссовету нам больше не дадут. Все, отрезали».

– Пэ! – требовал Данилов, тряся Гусева за плечо. – Очнись! Ну скажи ты шефу, ты же можешь, я знаю...

– Ничего я уже не могу, – пробормотал Гусев. – Я бы тебе предложил местами поменяться, но ты ведь не согласишься...

На площадке внезапно стало очень тихо.

– ...Да и это не в наших силах, – заключил Гусев.

Данилов отпустил его плечо и сник.

– Разве что... – Гусев оглядел сгрудившуюся на лестнице группу. – Хочешь, я завтра пойду с вами?

– Пэ! Это ты? – раздался из офиса голос шефа. – Никуда ты с ним не пойдешь. Ну-ка, сюда давай!

Сокрушенный Данилов выразительно сплюнул через порог, ободряюще ткнул Гусева кулаком в живот и угромыхал вниз по лестнице, увлекая за собой группу. Некоторые из его людей с интересом оглядывались на Гусева. Все прекрасно знали, что он уже месяц околачивается в резерве. Неужели ему нашли-таки ведомых? Это при нынешнем тотальном некомплекте...

Примерно то же думал и Гусев, шагая внутрь офиса и растирая ногой по коврику даниловский плевок.

– Ничего-ничего, товарищи людоеды и душегубы! – ободряюще гудел Данилов на лестнице. – Это ничего. Бывает...

Шеф стоял в коридоре, засунув руки в карманы и раскачиваясь с пятки на носок.

– Пришел? – зачем-то спросил он. – А ну, поближе.

Гусев подошел к начальству вплотную, набрал в легкие воздуха и мощно дыхнул.

– Ф-фу! – отмахнулся шеф. – Сколько ты куришь, Пэ? Две пачки? Три?

– Ну две. А какая разница? Все равно помру.

– Смерть тоже разная бывает. По мне, уж лучше схлопотать пулю, чем выхаркивать легкие.

– Что, приходилось? – осведомился Гусев с выражением неподдельного интереса на лице.

Шеф тяжело вздохнул.

– За мной... чудовище, – распорядился он.

Чудовище в ответ вздохнуло еще глубже и очень жалостно, но за шефом последовало.

– Что там случилось у тебя сегодня днем? – бросил шеф через плечо. – С каких это пор ты записался в юные друзья милиции?

– Там особый случай, шеф.

– И...?

– Наш случай. Участковый сделал нашу работу.

– ...и от напряжения сошел с ума, – заключил шеф, сворачивая за угол.

Гусев счел за лучшее промолчать.

– Третий особый случай на нашей территории, – сообщил шеф, открывая дверь тактического класса. – Чего встал, заходи.

– За сегодня? – ужаснулся Гусев.

– Да нет, за неделю. Все равно очень много.

Гусев вошел в класс и присел на край парты.

– Убивают преступников на месте? – спросил он. – Да?

– Ну, не всяких, конечно. Тех, кто по идее – наш клиент. И если с личным. В понедельник ночью сняли насильника прямо с какой-то девицы, и тут же его... Забраковали. А делать-то грамотно не умеют, не обучены. Так напугали бедняжку, что она теперь из больницы не скоро выйдет.

– Я себе представляю, – кивнул Гусев. – Народные мстители... Забили ногами. Били долго, обливаясь потом и сладострастно хрюкая.

– Циник ты, Гусев.

– Я выбраковщик, шеф. Откуда у меня эмоции? У меня все подавлено к чертовой матери. Взял за ушко, отвел за угол, посадил в машинку. Был урод – не стало уroda. И главное – его жертва не чувствует себя виноватой, хотя лично приговорила гада. Потому что мы все делаем тихо. Это ведь очень важно – уберечь жертву от комплекса вины.

– Правильно, – кивнул шеф. – Это ты хорошо придумал.

– Да, – сказал Гусев ровным голосом. – Это я придумал.

– А кто спорит? – улыбнулся шеф. – Надеюсь, ты еще не разучился преподавать свою науку молодым.

Гусев коротко мотнул головой.

– Угу, – подбодрил его шеф.

– А я уж думал... – Гусев вдруг сгорбился и спрятал лицо в ладонях.

– Пока даю одного. Серьезных заказов не жди, так – патруль, мелочовка всякая. Но зато сможешь полноценно работать.

– Да хотя бы патруль! – воскликнул Гусев, разгибаясь. Глаза его слегка поблескивали – он с трудом удержал слезы.

– Потерпи немного, Пэ, – мягко попросил шеф. – Объявлен набор стажеров. Я-то думал, о нас совсем забыли. Но теперь есть основания надеяться... Строго между нами, Пэ, – в город потянулась всякая сволочь, которая отсиживалась на периферии. Тихой сапой начинает тут разведку.

– Чуют, гады, нашу слабинку? Разным слухам поверили?

– Да похоже. Но мы их возьмем раньше, чем они успеют развернуться. У Мышкина на днях будет спецоперация, Даниле тоже есть заказ. Я думаю, именно поэтому и молодых набирают. Так что будет тебе и тройка, будет и целая группа. Думаешь, я совсем глухой? Не-ет, коллега, я тебя очень внимательно слушал. Все это время, что ты молчал языком, валял дурака и строил из себя предсказателя. Но, кажется, ты ошибся.

– Я... Я должен сделать конкретные выводы? – осторожно спросил Гусев.

– Пока только один. Хватит болтать. Хватит нарываться. Не отсвечивай, Пэ.

– Ну, если я действительно ошибся и нашу контору не прикроют...

– Держи нос пониже, но обязательно по ветру, – сказал шеф многозначительно. – Может, увидишь такое, чего я не замечу. А пока – готовь тех, кого получишь. Хорошо готовь. Если придет следующее поколение, это будут совсем новые для нас люди. Они ведь настоящего дела

не видели и, надеюсь, не увидят никогда. Вот, например, твой стажер. Славный парнишка, но он даже не очень понимает, каким ветром его занесло в АСБ. И замечательно. Эти... – шеф махнул рукой в сторону лестницы, – слишком хорошо знали, для чего они здесь.

– И теперь их гоняют убивать собак, чтобы они поняли себе настоящую цену? – ввернул Гусев.

Шеф почесал в затылке.

– Черт его знает, – пробормотал он. – Я как-то не задумывался. Знаешь, собаки – это даже неплохо. В конце концов, нашим ковбоям давно пора слегка утихнуть. Сбавить обороты. Пусть хотя бы раз в жизни почувствуют стыд. Иначе их уже не наставить на путь истинный.

Гусев коротко глянул на шефа исподлобья.

– Честные шерифы отстреливают дворняжек... – пробормотал он. – Глупость какая. Вы их только против Агентства настройте. Да еще против себя лично.

– Я, что ли, отстрел собак придумал? – обиделся шеф. – Я просто говорю, что всяким Даниловым и прочим Мышкиным это может оказаться полезно.

– Сомневаюсь. А насчет стыда вообще бред. Они не устыдятся, а только обозлятся. Выбраковщика, который отработал больше пяти лет, можно самого браковать. Или как минимум лечить. Таков мой диагноз.

– Ну пойдешь тогда и застрелишься, – надулся шеф.

– Со мной особый случай, шеф, вы же знаете. Между прочим, так это вы меня сдали подполковнику Ларионову? То-то он был такой ласковый...

Шеф замялся.

– Ближе никого не оказалось. Ты извини, Пэ.

– Тогда нечего подначивать – юный друг милиции и все такое... Да ладно, я на этом деле бутылку заработал. И покуражился вволю над одним ментом усатым. Знаете, как он меня обозвал? Вождь палачей!

– А ты что?

– А я попросил Ларионова дать его мне в сопровождающие. И этот усатый битый час ходил за мной хвостиком по месту происшествия. И все ждал, когда я скажу ему гадость. А я взял – и не сказал. Бедняга чуть не помер от натуги. В жизни его, наверное, так не презирали.

– Уф-ф... – шеф помотал головой, что-то соображая. – Не простят они нам. Ох, чую я, не простят.

– Завидуете Железному Феликсу? – поддел его Гусев.

– Это почему? – насторожился шеф.

– Он весьма своевременно помер. Не стал дожидаться, когда за ним придут и начнут не прощать.

– Устал я от тебя, Пэ, – сообщил шеф. – Тебя послушать, так ты и этот момент тоже предусмотрел.

– Естественно. Я изучал историю карательных органов. Причем не только наших. Этот момент наступал всегда. Рано или поздно власть говорит, что революционный террор исчерпал себя и пора жить тихо-мирно. А что делать с террористами, если они кроме терроризма ничего не умеют? Да казнить их, людоедов, – и так доказать собственную чистоту. Это просто ротация символов власти, шеф. Закон природы. В общем, мне незачем стреляться. У меня есть шанс принять смерть в бою. Уж когда за нами-то придут, мы хорошо повеселимся, верно?

Шеф внимательно оглядел Гусева с ног до головы.

– Хорош фрукт, – признал он. – И все ты врешь. Только что придумал.

– Ага, – кивнул Гусев с самым невинным видом.

– Издеваешься?! – рыкнул шеф.

– Безусловно.

Шеф вытащил платок и утер потную шею. Невысокий, лысый, с намечающимся животом, он даже выглядел разительным противоречием быстрому в движениях, подтянутому и молодому Гусеву. А уж насколько они были непохожи внутренне... Иногда Гусев поверить не мог, что вот этот человек – совершенно нормальный человек – начальник его отделения. И такой же ветеран.

Может, дело было в том, что шеф занимался кабинетной работой и, по слухам, ни разу не ходил «на маршрут». Как загнали его, отставного следователя, в вожди палачей, так он и просидел в кабинете самые кровавые времена. И Гусев еще, когда был в силе, шпынял его постоянно. Мало ли, что ты начальник, – а у меня зато рукоятка пистолета сама в ладонь прыгает. И ты, дорогой начальник, прекрасно это знаешь...

– Ну и черт с тобой, – вздохнул шеф. – Потрепались, отдохнули... Называется, отдохнули. Расслабились, мать-перемать. Сиди, жди, сейчас с ведомым познакомлю.

– Мне как с ним... не очень? – спросил Гусев. – В свете, так сказать, новых веяний?

– Почему не очень? Как обычно. Все что понадобится, то и вытворишь. Тебе же с ним на маршрут ходить, не мне.

– Иголку дам попробовать?..

– Ну, если тебе очень надо – угости. Только учти: судя по личному делу, парнишка резкий. Настоящий ганфайтер.

– Мне бы дело почитать.

– Не положено, – мстительно ухмыльнулся шеф.

Гусев поднял глаза к потолку.

– Ну-ну, – пробормотал он. – Интересно, где этого вашего э-э... парнишку натаскивали на пистолет. В спецназе каком-нибудь?

– Нет, в спецназе он с автоматом бегал, и недолго. Думаю, сам научился. Он по жизни оружие любит. До армии занимался биатлоном. А сейчас – член сборной Москвы по пейнтболу. Давно уже кандидат в мастера. Понял, видно, что мастера не вытянет, и решил пойти к нам.

Гусев почесал в затылке.

– То что надо? – понимающе кивнул шеф.

Гусев неопределенно шевельнул подбородком. Современный пейнтбол, когда бои проводятся на очень близкой дистанции, в искусственных декорациях и без камуфляжа – это действительно было неплохо. Да и пейнтбольный маркер во многом походил на штатное оружие выбраковщиков. У «парнишки» могли быть навыки, которые облегчат ему вживание в профессию. За одним маленьким исключением...

– Неплохо. За маленьким исключением. Скорее всего, мой будущий напарник адреналиновый наркоман.

– Это намного хуже, чем тихий алкоголик? – вкрадчиво поинтересовался шеф.

Гусев в ответ выпятил грудь, задрал нос и холодно сверкнул глазами.

– Ладно, ладно, – шеф сунулся было похлопать Гусева по плечу, но тот уклонился от жеста примирения. – В общем, готовься, я сейчас.

– Зачем спортсмен поперся в выбраковку? – задал Гусев риторический вопрос спине шефа. – Что у него, в детстве бандиты денежку отняли?

– Так он же адреналиновый наркоман! – без тени сарказма напомнил шеф и прикрыл за собой дверь.

Глава четвертая

Постоянная готовность к самообороне была в те времена главным и необходимым условием выживания. Тот, кто пытался уклониться от борьбы, неминуемо погибал.

Будущий напарник оказался выше Гусева почти на голову и значительно шире плечами. На лице неофита застыла вежливая полуулыбка. Судя по всему, он нервничал. Хотя, как отметил гусевский наметанный глаз, меньше, чем мог бы. То ли парень очень хотел стать выбраковщиком и получить от этой работы максимум удовольствия, то ли, наоборот, в свободное от стрельбы время страдал легким добродушием.

– Итак, – сказал шеф. – Это стажер-уполномоченный Алексей Валюшок. А это старший уполномоченный Павел Гусев. Любить необязательно, но жаловать – приказываю.

– Леха, – представился Валюшок, протягивая руку.

– Гусев, – лениво бросил Гусев, небрежно сжимая длинные сильные пальцы. Ручка у «парнишки» оказалась тоже дай бог каждому. Хоть сейчас на лесоповал. – Пэ Гусев, суперагент с лицензией на убийство.

– Вижу, – кротко признал Валюшок.

Гусев испытующе оглядел Валюшка с ног до головы и отметил: задатки у парня что надо. Валюшок совершенно не был похож на выбраковщика. Так, умеренно модный, умеренно интеллектуальный, довольно воспитанный нормальный парень лет двадцати пяти. Все у него оказалось на вид длинное: нос, подбородок, руки, ноги. Длинные волосы, отброшенные назад, лежали на плечах, недельная щетина хорошо гармонировала с прической. Эдакий мушкетер, скорее всего Арамис. Уж больно взгляд хитрющий, и опять эта улыбочка. Слегка расхлябанные движения только подчеркивали общую картину, смысл которой сводился к одной фразе: «Я не опасен, даже наоборот». Блестяще. Это может, во-первых, не раз спасти парня от членовредительства, а во-вторых, не отпугнет его будущих жертв. Тех, кого в выбраковке называли емким словом «клиент».

– Ну-ка пройдишь слегка, – попросил Гусев. – Вон туда.

Валюшок, похоже, ждал подвоха. Легким качком головы он наметил взгляд через плечо в сторону шефа, но одумался и пошел, куда сказали. Довольно скованным шагом и немного ссутулившись. «Растерялся, – понял Гусев. – Знай наших. А то уж больно ты в себе уверен, спортсмен».

Шеф неслышно сместился к двери, уходя с предполагаемой линии стрельбы.

– Кру-гом, – негромко скомандовал Гусев, когда Валюшок, пройдя весь класс, уперся в стену носом. – Стой, раз-два.

Валюшок четко выполнил поворот и встал, снова улыбаясь. Не хотел он быть серьезным. Не чувствовал патетику момента.

Гусев достал сигарету, прикурил, выпустил дым и, не оборачиваясь, бросил шефу:

– А действительно ничего.

– И я говорю – ничего, – согласился шеф.

– Валюшок, – сообщил Гусев, – это такой пельмень.

Шеф хрюкнул, Валюшок прищурился. Не агрессивно, типа «давай-давай».

– Свежеслепленный, – развил тему Гусев. – Только что скручен и обвалян, ждет своей очереди в кастрюлю. Симпатичный такой несваренный пельмешек. Эй, Валюшок! Оружие получил?

– Угу, – отозвался Валюшок.

– При тебе?

Валюшок откинул полу куртки, показав пластиковый ложемент с «игольником». Висел пистолет удобно, хотя Гусев его немного передвинул бы. Но у Валюшка и руки длиннее.

– Комбидрес надел?

Валюшок ударил себя кулаком в грудь, из-под водолазки раздался глухой стук. Парень явно избегал открывать рот, не желая нарваться на следующую подначку.

– Не жмет? Удобно?

– Привыкаю...

Гусев понимающе кивнул. Валюшок должен был пройти месячный курс тренировок со штатной амуницией. Но, конечно, легкий бронеконкомплект, на жаргоне АСБ – «комбидрес», еще не стал его второй кожей. Настоящий-то выбраковщик даже в булочную не пойдет без брони. Московская улица это вам не пейнтбольный зал. Мало ли когда и где честным людям может понадобиться вооруженная защита...

– И как он стреляет? – повернулся Гусев к шефу.

– Я же сказал – ганфайтер, – объяснил шеф, еще немного сдвигаясь к двери. «Подыгрывает ему, – догадался Гусев. – Дает сигнал, что пахнет жареным. Понял уже, что парень мне нравится, и хочет теперь подбросить ему лишний шанс произвести впечатление».

– Хм-м... Эй, Валюшок! Кто такой ганфайтер, знаешь?

– Стрелок, – очень емко, дальше некуда, ответил Валюшок, который принял сигнал шефа близко к сердцу и теперь щетинился невидимыми иглами, как готовый к драке еж. Хотя класть руку на оружие или даже упирать ее в бок не спешил, что Гусев также записал ему в плюс.

«Десять шагов – отличная дистанция. Обычно именно на десяти шагах противник вычисляет нас. Ну посмотрим, насколько хорош стрелок Валюшок. Ты, парень, сейчас ждешь развлечения и намерен получить от него свой кайф – это заметно. Но и насчет добродушия я не ошибся: как-то в тебе одно с другим уживается. Что ж, хорошо. Развлечение я тебе обеспечу. Запомнишь на всю жизнь. Правда, ты еще не понял, как это окажется больно и унижительно. А мог бы догадаться, ведь у тебя в стволе та же иголка, что у меня. Вот поэтому никакой ты еще не ганфайтер – так, просто «ган», один из множества парней, что любят баловаться с оружием. Ну-с, приступим к обучению».

– Молодец, – похвалил Гусев. – В терминах разбираешься. Значит, так, стрелок. Я тебе сейчас прочитаю короткую нотацию. Что такое нотация, ты не в курсе. Докладываю: нотация – это речь назидательного характера, никак не подкрепленная доказательно. Нотацию обычно читает старший младшему или, как в нашем случае, ведущий – ведомому. «Ты должен», – говорит старший. И не объясняет, почему ты должен. Поэтому от нотаций обычно никакого толку. Но их почему-то все читают младшим и ведомым. Понял?

Валюшок слегка улыбнулся: мол, чего тут понимать-то? И так все ясно.

– Если мы сработаемся, – продолжал Гусев, – ты услышишь от меня кучу нотаций. Я буду делиться с тобой опытом, но без практических занятий. Ну... Во всяком случае, мы не будем специально нарываться. Извини, мне не хочется проходить по второму разу то, что я уже изучил на своей бедной шкуре. Но если вдруг настанет случай, когда моя нотация придется к месту... Ага. Вижу, что понял. Умница. Правильно, у тебя не будет времени что-то вспоминать. Тебе придется мгновенно действовать. Поэтому все мои нотации, будь любезен, проигрывай внутри себя. Представляй, как это было. Так, словно и ты участвовал. От того, насколько ты осознаешь смысл каждой моей нотации, будет зависеть твое выживание на маршруте. И если я скажу: «Так нельзя, здесь не стой, туда не суйся», твоя задача – не вякать, а делать, что сказано. Да?

Валюшок кивнул.

– Отлично. Тогда слушай нотацию твоего ведущего Пэ Гусева номер раз. Хороший выбраковщик – это живой выбраковщик. А лучший выбраковщик – это долгожитель. Чтобы стать долгожителем, ты обязан всех и вся опасаться. Не бояться, но опасаться. Ждать, что пер-

вый встречный захочет причинить тебе вред. И заранее ненавидеть его за это. Страх за свою жизнь и ненависть к окружающему миру – вот движущая сила выбраковщика. Каждый вор, убийца, вымогатель, насильник на московских улицах – это, конечно, враг народа. Но в первую очередь он твой личный враг. Он угрожает именно твоей жизни. Хочет растоптать именно твои ценности. Он хочет сделать тебе больно. Знаешь, как больно он может тебе сделать? А вот как...

После такой затянувшейся прелюдии Валюшок уже просто обязан был прыгнуть и упасть за парту. И он прыгнул, одновременно вырывая из кобуры пистолет. Но Гусев его переиграл. На протяжении всей «нотации» он размеренно жестикулировал левой рукой с зажатой в ней сигаретой. И Валюшок попался. Нет, конечно, не на простейший гипноз, а на сам факт гипнотического воздействия. Он начал размышлять, как именно его пытаются сбить с толку. Напрасно. Этого противник и хотел.

Рассевшийся на столе выбраковщик был в невыгодной позиции, но пока Валюшок прыгал и выбрасывал перед собой руку с пистолетом, Гусев от бедра дал короткую очередь по ногам. Валюшок грохнулся об пол с таким звуком, будто задался целью проломиться на этаж ниже. После этого монументального обрушения негромкий стук выпавшего из руки оружия прозвучал чуть ли не музыкально.

– Надеюсь, башку не расшиб, – заметил шеф. – А видал, как он...?

– Подыгрывать не надо было, – сварливо ответил Гусев, засовывая игольник на место.

– Это кто подыгрывал? – возмутился шеф. – Ты сам и подыгрывал! Да он заждался уже, когда ты наконец соизволишь изобразить Клинта Иствуда!

– Заждался и перегорел, – заметил Гусев, слезая с парты и доставая чехол с аптечкой.

– Слушай, Пэ, – задумался шеф. – Ты на работе тоже клиентуре лекции закатываешь?

– Интересное кино! А что такое «птичка», по-вашему? Ее же читать секунд тридцать!

Одно спасение – игольник уже у клиента в ухе. Как правило...

Они пересекли класс и остановились над лежащим в углу бездыханным телом. Голову Валюшок не расшиб, но вид у парня оказался неважнецкий. Парализатор не мешал ему дышать, и глаза жертвы тоже слегка шевелились. Боли в этих глазах оказалось столько, что шеф поспешил отойти подальше.

Гусев присел на корточки, отыскал на бедре у Валюшка желтое пятнышко хвостовика-стабилизатора, осторожно потянул за него и вытащил иглу.

– Одна из трех, – сказал он. – Надо было ниже брать. Парта дурацкая помешала. Ничего, Леша, потерпи. Так надо.

Валюшок страдальчески всхлипнул. За месяц тренировок ему рассказали про выбраковку все, что можно. Но фирменный гусевский приемчик «дать попробовать иголку» в стандартный набор не входил. Более того, никто о нем не знал, кроме шефа и ведомых Гусева. Слушай кому проболтаться, Агентство устроило бы своему эксцентричному ветерану настоящий остракизм. Скорее всего, другие ведущие и командиры групп сочли бы Гусева законченным подонком. Не говоря уже о том, что никакой педагогикой здесь и не пахло, а вот психопатия цвела махровым цветом. Учить ведомого жизни, стреляя в него, – значит навсегда поселить в душе человека ту самую боязнь пополам с ненавистью, о которой Гусев сейчас распинался. Только эта сильная эмоция была бы направлена не против окружающего мира, а против самого ведущего.

Но Гусев считал иначе.

– Вот теперь, – сказал он, доставая шприц с антидотом, – ты знаешь, коллега, что тебе предстоит делать с людьми. Со всяким отребьем, с нравственными уродами, с врагами общества и лично твоими врагами. Но все-таки с людьми, способными кое-что чувствовать. Ты будешь направо и налево раздавать боль. Жуткую боль. Невыносимую.

Он ввел парализованному лекарство и улыбнулся.

– Скоро отпустит, – пообещал он. – И если ты к этому моменту не передумаешь, то милости просим в Агентство Социальной Безопасности. Знаешь, как меня на днях один милиционер обозвал? «Вождь палачей», вот как. А я, дурак, все думал, что последний из могикан.

Глава пятая

Стокер действительно погрешил против истины: Влад не питался кровью своих подданных, предпочитая менее экзотические блюда. Однако свое прозвище он носил более чем заслуженно.

Патруль им достался «урожайный», вечерний – с шестнадцати до полуночи, это Гусев нарочно попросил. Валюшок явился на инструктаж в положенное время, был тих, скромен и по сторонам лишний раз не оглядывался. Хотя посмотреть было на что: по центру города «заступали» группа Мышкина и еще четыре тройки, одна другой колоритнее. И все сидящие в классе, разумеется, нет-нет да бросали взгляд на новичка. Без комментариев вслух, но с откровенной тоской. Внешность и манеры новоиспеченного выбраковщика могли убедить ветеранов только в одном: АСБ вырождается. Сегодня в классе собрались матерые волки, шерифы без страха и упрека, привыкшие к тому, что они – Закон и даже больше. Люди, твердо уверенные, что мир до сих пор не рухнул лишь благодаря им, их желанию служить обществу до последнего вздоха.

Валюшок по таким понятиям даже на помощника шерифа не тянул. Не было у него в глазах безоговорочной готовности бросаться на выручку добрым гражданам. Вот хоть ты тресни – не было. Так, еще один молодой дурак, решивший, что ему на работе позволено будет вволю выпендриваться. Ну и чувствовать себя более защищенным в обычной жизни.

Гусев, который эту повисшую в воздухе легкую неприязнь отлично чуял, на всякий случай поймал взгляд сидевшего неподалеку Мышкина и ему подмигнул. Но Мышкин только неопределенно двинул гигантской нижней челюстью и отвернулся.

«Тем лучше, – подумал Гусев. – Значит, у парня будет меньше шансов сдружиться с нашими бравыми паладинами и нахвататься от них всяких глупостей. Вон, тот же Мышкин на днях нес околесицу насчет господствующей расы и ее великого предназначения. Наверное, это лозунг «У нерусских не покупаем» так на него подействовал. Жутко внушаемый наш Мышкин. Прочтет шизоидную книжку, и тут же заделывается апологетом новой веры. Сначала он был убежденный йог, потом жуткий антисемит, в прошлом году из церкви не вылезал, а теперь, по моему, в нацисты метит. А у него ведь, извини-подвинься, двадцать человек, и он им постоянно мозги компостирует... Может, подарить ему что-нибудь про экстрасенсов? Пускай откроет в себе волшебный дар ясновидения и общается с Космосом. Хотя опасно: вдруг ему прямо из недр мироздания какая-нибудь чушь послышится...»

– ...и обязаны немедленно прибыть в указанную точку, – привычно бубнил шеф. – Также прошу вести себя корректно с сотрудниками МВД. Не далее как вчера один из бойцов группы... неважно, какой группы, позволил себе грубость и нетактичное поведение. С этим надо кончать. Хотя по статусу Агентство находится на равных с МВД, тем не менее одна из наших основных задач – всемерная и неукоснительная поддержка...

– Пусть тогда сами дворняг отстреливают, – прогудел Мышкин. – Если, значит, на равных. А то, короче, совсем обнаглели, взяли моду языки распускать. Мне все Данила рассказал, не извольте сомневаться.

Шеф смерил Мышкина оценивающим взглядом.

– Чтобы это – в последний раз! – процедил он.

– Я больше не буду, – пообещал Мышкин вызывающим тоном. В классе одобрительно захихикали.

– А ты что, тоже в милиционеров бутылками кидаешься? – удивился шеф. – И еще забравать обещаешь?

– А-а... Никак нет, товарищ начальник. Я по поводу, так сказать, выкриков с мест. Но если, значит, какого мента надо забраковать – милости просим. Как говорится, перед законом все равны.

– Но некоторые равнее других, – негромко ввернул Гусев.

Все головы в классе словно по команде обернулись к нему.

– Вы на что намекаете, товарищ Гусев? – прошипел начальник отделения.

– Я ни на что не намекаю, шеф. Я просто говорю, что АСБ в принципе стоит над законом. Но из этого не следует, что мы должны стрелять в бродячих собак. Дворнягами обязаны заниматься органы санэпиднадзора. Их что, упразднили? Или в городе ни одной двуногой сволочи не осталось? Мы, значит, всех подонков уже поубивали? Может, я тогда домой пойду?

– Гусев, – сказал шеф подчеркнуто ровным голосом, что предвещало мощную истерику. – У тебя не язык, а помело. Самый умный? Хочешь на мое место? Ах, не хочешь...

– Если мы уничтожим одну собачью стаю, на ее место придет новая из-за городской черты, – сказал Гусев. – Думаю, наверху это знают. А еще в головном офисе знают, что стрелять по невинным существам выбраковщики не приспособлены, для них это шок. В особенности – когда мимо идут наши славные чистенькие менты и издеваются...

– Мол-чать! – рявкнул шеф. – И после инструктажа – ко мне в кабинет. Оба! И ты, Калинин, тоже!

– Я просто зевнул, – сообщил Калинин.

– Мол-чать! Значит, так. Приказ. С этого дня. Кто поднимет руку на милиционера – в патруль навечно. Пожизненно! Никаких больше специальных операций, никаких премиальных, ни-че-го! Все. Разойтись! Мышкин и Гусев, ко мне!

– А я? – поинтересовался Калинин, демонстративно зевая.

– А ты пошел на маршрут!

– Yes, Sir!

– Что?!

– Будет исполнено, ваше благородие!!!

– Вон отсюда!!! – заорал шеф. – Все! Бегом! Негодяи! Разгильдяи! Всех на мясо! К бандитам в рудники! На лесоповал!

Выбраковщики дружно повскакивали с мест и ринулись к выходу из класса.

– Далеко не уходи, – сказал Гусев на ухо Валюшку. – Покуришь и возвращайся сюда. Я быстро.

Валюшок кивнул и растворился в хохочущей толпе у двери. Кричащего и визжащего начальства здесь не боялись. Здесь боялись начальства спокойного и хладнокровного, готового тебя забракать.

* * *

В кабинете шеф несколько минут топал ногами и плевался, а потом устал, рухнул в кресло, утер лысину грязноватым платком и неожиданно спокойным тоном спросил:

– Гусев, это что, правда?

– Насчет чего? – не понял Гусев.

– Насчет собак.

– А-а, разумеется. Город может прокормить строго определенное число животных. Даже если вывалить очень много еды на помойки, так у каждой стаи все равно есть своя территория. Поэтому число собак в Москве – более-менее постоянная величина. Просто со временем стаи наглеют и слишком часто попадают на глаза. А то и бабушку съедят, которая их прикармливает... Тогда на собак начинают охоту, чтобы знали свое место. Но если выбить одну стаю, освободится ниша для другой стаи. И она непременно придет из-за Кольцевой. И смысл?... И

почему именно мы? И почему непременно со стрельбой? Собак не убивают прямо на улицах, их отлавливают. Народ не любит, когда убивают собак.

Шеф задумчиво поскреб лысину.

– В городе денег сейчас завались, – поддержал Гусева Мышкин. – Так сказать, девать некуда. Могли бы нанять специальных душегубов на это дело. И, короче, Пэ совершенно прав – куда девалась санэпидстанция?

Шеф поглядел на Мышкина косо, но промолчал.

– Напишите запрос, – предложил Гусев. – В комитет по экологии Верховного Совета. То есть не вы лично, а пускай главный по Москве напишет. Пусть напомнит, что собак надо уничтожать правильно, а мы этого не умеем.

Шеф подергал носом и сдался.

– Попробую, – сказал он нехотя.

– Это же, так сказать, нарочно делается, – понизив бас до шепота, сообщил Мышкин. – Короче, сегодня дворняжки, а завтра что? Каждому по метле?

– Метел не дадут, – авторитетно заявил Гусев. – Ты забыл, в городе уже по четыре дворника на подъезд. Тротуары с мылом начали мыть, как в каком-нибудь, блин, Антверпене. Когда ты в последний раз видел под ногами окурки?

Мышкин задумался. Шеф, сопя, открыл ящик письменного стола и достал сигареты. Наверное, подействовало напоминание об окурках.

– Между прочим, коллеги, – сказал Гусев. – Меня только что осенило. Я, кажется, догадался, почему санэпиднадзор так распустил дворняг.

– Я тоже, – хмыкнул шеф. – Ладно, свободны. Но впредь! Чтоб никаких реплик на инструктаже! Ясно?

– Есть! – в один голос рявкнули выбраковщики.

– Не смей перебивать старшего!

– Так точно!

– Несите службу.

– Разрешите идти?

– Брысь.

За дверью Мышкин тяжело хлопнул Гусева по плечу, чуть не вколотив его этой лаской в пол по колено.

– Молодец, Пэ, – сказал он. – Спасибо за поддержку. Вижу, значит, не заржавел. А то разное про тебя... Да! Короче, что там насчет санэпидстанции?

– Мы же всех сумасшедших забраковали, – потирая ушибленное плечо, объяснил Гусев. – И очень жестко. А ты представь, что за типы работали собаколовами! Они сейчас либо в земле, либо в клиниках. И тех, кто подлечится, уже на живодерку не потянет.

– Выходит, мы себе на жопу, так сказать, проблему создали?

– Да нет. Тут одно из двух. Либо ты прав, и это нарочно делается, чтобы Агентство расшатать...

– Нерусских очень много наверх пролезло, – пожаловался Мышкин. – На кого ни глянь – то, значит, почти еврей, то вообще еврей, то совсем жид пархатый. Вот бы их самих в живодеры! А еще лучше – в брак!

– ...либо о нас слегка подзабыли, – закончил мысль Гусев. – Забыли, что мы собой представляем. Не знают, куда приткнуться.

Агентство подчистило страну – дай бог. Работы почти не осталось, да и клиент измельчал. Если сейчас кто-то снова голову поднимет, это все равно капля в море. Менты и без нас справятся. И встает интересный вопрос: а что с нами делать?

Он не стал объяснять, насколько многогранно его видение проблемы, что он думает об участившихся случаях милицейского произвола и многом, многом другом. С Мышкиным нужно было изъясняться коротко и четко, иначе громила переставал слушать и уходил в себя.

– Короче, разгонят нас, – вздохнул Мышкин. – Или... Ты чего так смотришь, Пэ?

– Да нас попросту забракуают, – сказал Гусев.

– Типун тебе на язык! А на фига тогда Агентству молодых набирать?

– А вот они нами и займутся! – ляпнул Гусев и сам задохнулся от нахлынувшего вдруг ужаса. «Черт побери! Это называется – осенило».

– Как вот дам по шее! – рявкнул Мышкин.

– Не надо. Пока не за что.

– Тьфу! – Мышкин угрожающе потряс лапой над затылком Гусева. – Короче, ты меня так больше не пугай. Я теперь неделю спать не смогу. Я, так сказать, мнительный ужасно. Зарраза... Ладно. Ты сегодня без места?

– Да, я в свободный полет, мне надо ведомого обмять потихонечку.

– А хотя бы приблизительно?

– Треугольничком возле офиса. Новый Арбат, Смоленская, Арбат, по бульварам слегка.

– Значит, так сказать, пешим ходом... Значит, Пэ... Короче, в ноль часов жду тебя на стоянке у памятника Маяковскому. Уже чтобы был на машине. Приезжай, ладно?

– Интересное кино, – пробормотал Гусев. – С чего бы это вдруг?

– Значит, нужен, – коротко ответил Мышкин.

– А куда я ведомого дену?

– С собой бери. Это ничего. Заодно, так сказать, и обомнется, хе-хе...

– Ладно... – протянул Гусев задумчиво. – Считаю договорились. Хотя, если честно, не ожидал. Думал, меня уже всё, в пенсионеры записали.

– Тебя не забыли, – сказал Мышкин твердо. – Ну, пока. Живи!

– Живи, – отозвался Гусев старым, почти забытым прощанием выбраковщиков, уходящих на работу.

– Да, вот еще! – Мышкин что-то вспомнил и обернулся. – Короче, меня тут которые помоложе, донимали, так сказать, почему нашу формулу называют, значит, «птичкой». Я подумал-подумал и не стал им рассказывать. Незачем. Давно это было, страна уже, так сказать, совсем другая. Ни к чему им это знать. Да и не поймут толком. Это только для таких, как мы, понятно. Кто, так сказать, не забыл. Правильно?

– Правильно, – кивнул Гусев. – Похоже, ты действительно ничего не забыл.

Мышкин подмигнул, махнул рукой и пошел к выходу, откуда доносились голоса его подчиненных. Гусев свернул в тактический класс.

В углу Валюшок, закинув ногу на ногу, листал какую-то брошюру.

– Это что у тебя? – спросил Гусев. – Устав внутренней службы?

– Нет, – Валюшок поспешно убрал брошюру в карман и встал. – Это памятка.

– Оставь, – усмехнулся Гусев. – Будет тебе сегодня памятка, мало не покажется. Идемте, агент Леха Валюшок. Поздравляю вас с первым выходом на маршрут.

Глава шестая

Надо отдать Тепецу должное – в своем палаческом усердии он не давал поблажки никому, независимо от национальности или общественного положения.

– Мы разве без машины? – удивился Валюшок, когда Гусев, выйдя из подъезда, сунул руки в карманы и, пыхтя сигаретой, бодро направился в сторону Арбатской площади.

– Подумай, – бросил Гусев через плечо, не останавливаясь.

Валюшок догнал ведущего и пристроился рядом. От дальнейших расспросов он воздержался. То ли решил сойти за умного, то ли попросту опасался лезть, что тоже говорило о наличии интеллекта.

Гусев докурил, небрежно выплюнул окурочок в подвернувшуюся урну, промазал и, раздраженно кряхтя, отправился подбирать бычок с асфальта и водворять его куда положено.

– Здесь пешком везде два шага, – снизошел он до объяснения. – А на машине сплошная пробка. Ничего, ближе к ночи покатаемся.

На автостоянке, примостившейся по-над стеной тоннеля, уходящего под Новый Арбат, двое мусорщиков со своим «полотером» усердно вылизывали асфальт, и какая-то смурная небритая личность ковырялась в парковочном счетчике. Гусев свистнул. Его проигнорировали. Выбраковщик перешел дорогу и легонько ткнул небритого пальцем в бок.

Небритый чуть ли не со скрипом повернулся к Гусеву, обнаружив на груди форменный жетон, а на молодом еще пропитом лице – выражение полной отрешенности.

– Привет, – сказал Гусев. – Ты в порядке?

– А-а... – отозвался небритый. – Здорово. Да какой, блин, порядок. Гибель. Похмелиться-то нельзя, выгонят. А я вчера именины отметил. Как начал... В общем, как начал, так и кончил. А что делать, если у меня тормозов нету? Спасибо, не буйный.

– Ну и ну! – восхитился Гусев. – Интересно, что с тобой бывает после дня рожденья...

– На день рожденья теща заходит, она меня придерживает слегка.

– А жена, значит, тоже без тормозов?

– Накрылась у меня жена, – сообщил небритый. – Год уже как. За наркоту.

– Хм, не знал. Извини. Соболезную, – протянул Гусев без тени сочувствия в голосе. – Чего же ты на ней женился? Знал же, чем кончится.

– Думал, справимся как-нибудь.

– С этим не справляются, это лечат. Но мало кому помогает. Ладно. Как я вижу, ты мне ничего интересного рассказать не хочешь.

– А у нас с того раза все тихо. Форменный коммунизм, не на кого стукнуть.

– Но ты посматривай все-таки.

– Будь уверен, начальник.

– Про жену твою узнать? Может, вернется еще.

Небритый перекосялся в ухмылке.

– Не смехи, начальник, – попросил он. – Что я, не понимаю...

– Как раз не понимаешь. Это ведь не каторга, а лагерь.

– Даже если и так – шла бы она...

– Тебе виднее. Ну, пока.

– Бывай.

Мимо проехал, тихо жужжа, «полотер». Один мусорщик сидел за рычагами, второй шел следом, придирчиво оценивая результат. Асфальт за машиной разительно менял цвет. Его будто только положили. Видно было, что моющие средства эта пара не экономит.

– Вы чего так стараетесь? – спросил Гусев. – Начальство ждете?
– Да не, – сказал пеший. – Просто хочется, чтобы было красиво.
– Скоро чихнуть на улице нельзя будет, – буркнул Гусев. – Сразу прибегут двое с лопатами и один с ведром. Где их только набирают, этих маньяков...

– А мне нравится, – сказал Валюшок.

– Мне тоже, – согласился Гусев. – Я просто на самом деле боюсь однажды выволочку схлопотать за то, что жвачку мимо урны выплюнул. И не ответишь ведь.

Они снова пересекли дорогу.

– Слушай, – вспомнил неожиданно Валюшок. – А что ты говорил, будто наркомания лечится? Ее же больше не лечат у нас. Или все-таки...

– Опытный психотерапевт может вытянуть наркомана. Разумеется, не всякого. И это очень кропотливая работа. Причем медикаменты здесь не главное. Быстрая детоксикация занимает, по-моему, часов десять или двенадцать. А психологическая зависимость все равно остается. Важно устранить причины, по которым наркоман хочет уйти из реальности. Садится на иглу только тот, кому положено на нее сесть. Кому очень нужно.

– А кому не нужно?.. – тут же спросил Валюшок.

– Тот и не садится.

– А кому э-э... не очень нужно? – не унимался Валюшок.

– Того после диагностики оставляют в живых и гонят в рабочий лагерь. Поэтому я и сказал, что некоторые вернуться. Лагерь – не каторга, обстановка терпимая... Несчастливыми забитыми животными с навеки потухшим взглядом, но они вернуться. И проведут остаток жизни, стараясь не думать о своем зелье. Не думать, не думать, каждый день изо всех сил не думать... Потому что бывших наркоманов не бывает. Расслабься, Леха. От наркоты только одно верное средство, которое помогает всем, – пуля в голову.

У табачного киоска возле «Праги» Гусев притормозил и заглянул в окошко.

– Как дела? – спросил он.

– Вашими заботами, – сообщили ему из-за витрины.

– Больше не приходили?

Валюшок ответа не расслышал. Гусев довольно хмыкнул.

– Если что – тут же звони, – сказал он продавцу. – И не в милицию, а сразу к нам. Дайка «Кэптен Блэк». Ага, спасибо...

На прилавок легли сигареты. Одну сторону пачки целиком закрывала белая наклейка с крупной надписью «ТАБАК УБИВАЕТ».

– Ого! – воскликнул Гусев. – Началось. Как ты там сидишь, бедняга, к тебе же все пачки на витрине этой стороной повернуты...

– Ужас, – согласился продавец. – До костей пробирает. Брошу курить на фиг. Хорошо еще, на водке не догадались какую-нибудь пакость написать.

Гусев сочувственно кивнул, расплатился, положил сигареты в карман и обернулся к Валюшку. Выражение лица у Гусева оказалось неожиданно злое.

– Не озирайся так по сторонам, ты, рейнджер недоделанный... – прошипел он. – Витрина не хуже зеркала, все отлично видно.

– Виноват, – пробормотал Валюшок.

– Запомни на будущее. Тебя из-за этого мотания головой могут принять за моего охранника, причем за хорошего охранника, потому что ты на телохранителя не похож. А нам это надо?.. Ты не осматривай пространство хозяйским глазом, а живи в нем. Мы не патрулируем территорию, мы просто идем сквозь нее.

– Понял.

– Молодец. Пошли.

Чисто выскобленные ступеньки вели под Новый Арбат, на ту сторону. Под землей, у стеклянных дверей перехода, стоял небольшой столик, заваленный плюшками и напитками. Возле столика двое милиционеров, добродушно посмеиваясь, копались в товаре. Продавец широко улыбался.

У противоположной стены очень кстати обнаружилась урна. Гусев тут же к ней пристроился и начал распечатывать сигареты. Пачка ему досталась строптивая, и обертка улетела в мусор не раньше, чем нагрузившиеся провиантом милиционеры отошли от столика. Гусев отловил их уже на ступеньках.

– Сдается мне, сержант, что этот продавец тебя подставить решил, – ласково сказал он на ухо одному из них.

Сержант оглянулся, подпрыгнул и уронил ватрушку. Его напарник ощутимо переменялся в лице. Потому что Гусев слегка распахнул куртку, и на груди его ярко переливался всеми цветами радуги голографический значок АСБ.

– А в чем дело? – поинтересовался сержант.

– А в том дело, сынок, что этот тип меня отлично знает. И он видел, что я рядом. Но все-таки позволил тебе уйти, не заплатив.

– Да я платил! – возмутился сержант, рассовывая по карманам банки с водой. – У меня свидетели есть. Какого черта! За кого ты меня держишь?!

– Я тебя держу за молокососа, который здесь ходит не больше недели. Иначе я бы тебя помнил. Кстати, вымогатели доморощенные, ну-ка, документики... Леха, продавец удрать пытается. Останови.

Валюшок сбежал по ступенькам вниз и ухватил лоточника за шиворот. Милиционеры, наливаясь кровью, вытащили документы.

– Та-ак... Сержант Логинов. Младший сержант Козырев. – Гусев снял с пояса трансивер. – Центральное! Это Гусев. Ну-ка, проверь мне двух юных блюстителей закона... – он продиктовал фамилии, звания и номера.

– Жду. Та-ак... Ну, их счастье, – он спрятал рацию, вернул милиционерам документы, вытащил блокнот и что-то записал. – Итак, молодые люди, простить вас на первый раз или будете права качать?

Сержант затравленно смотрел на лоточника, которого Валюшок развернул лицом к событиям. Лоточник нагло ухмылялся.

Напарник сержанта вдруг переместился на шаг, заслоняя Гусева от прохожих. Гусев с неподдельным интересом огляделся по сторонам. Валюшок, напротив, встревоженно сунул руку за пазуху.

– Неудобно, – объяснил милиционер. – Люди смотрят.

– А денежки не платить – удобно?

– У нас с собой не было денег, – выдал сержант. – Мы собирались заплатить позже.

– Значит, так, молодые люди. Или платите, или возвращаете товар. За это, – Гусев ткнул носком ботинка ватрушку под ногами, – с вас тоже причитается. И учтите – вы уже в картотеке. Официальное предупреждение за вымогательство.

Сержант опять посмотрел на лоточника. Тот опустил глаза.

– Как же вам не стыдно, а, ребята? – спросил Гусев. – Это же надо – с какого позорного эпизода службу начинаете! А люди, простые добрые люди, перед которыми вам так неудобно, они же надеются на вас. Думают, вы их защищать будете, помогать им... А вы их вместо этого обираете.

– Да он сам нам в руки сунул! – прошептал сержант. – Он познакомиться хотел, решил сделать подарок...

– А вот этой версии я вообще не слышал, – отрезал Гусев. – Потому что она еще страшнее.

– Да ты спроси его!

– Нет проблем, – Гусев спустился к лоточнику. Милиционеры пошли следом, в их глазах читалось откровенное желание дать выбраковщику по голове и нарисовать потом в отчете самооборону. Они действительно были совсем молодые и еще очень неопытные. От новой ошибки их удерживала только рука у Валюшка за пазухой и его прищуренный взгляд.

– Здорово, провокатор, – сказал Гусев лоточнику.

– Здорово, гестаповец, – весело ответил тот.

– Ну, рассказывай, как дело было.

– Да как всегда бывает. Подошли типа познакомиться. Ну, туда-сюда, потом говорят – мы возьмем? Я говорю – берите. Вот и все.

– Скотина! – беспомощно взвыл сержант. – Да я тебя... Врет он все, гнида мелкая! У меня свидетель есть!

– Леха, отпусти человека, – скомандовал Гусев. – Пускай торгует. Ну вот что, детишки. Либо вы делаете, как я сказал, и остаетесь дальше служить с первым и последним официальным предупреждением. Из центра вас, конечно, погонят, будете какое-нибудь Ново-Ебенёво окупывать... Либо вы пытаетесь что-то мне доказать. Тогда я вам прямо сейчас зачитаю «птичку», вызову труповозку, и дальше вы беседуете уже не с добрым выбраковщиком, а с очень свирепым дознавателем. Пять минут психотропного допроса, и вся правда налицо. Что скажете?

На ступенях раздался слоновий топот, и между Гусевым и приунывшими милиционерами вклинился еще один сержант, только пожилой, усатый и грузный.

– А-а! – обрадовался Гусев. – Так это твои гаврики?

Пожилый одним взглядом охватил место происшествия и поставил диагноз.

–! – сказал он. – На минуту оставить нельзя! Посрать отойти невозможно! Сразу же.....!

– Безусловно, – поддержал его Гусев. – Редкостные балбесы. Тут, понимаешь, одно из двух. Либо взятка, либо рэкет. Я, конечно, рэкет нарисовал. Зафиксировано предупреждение. А они ломаются и хотят к дознавателю.

– ...! – сообщил молодым пожилой.

– В общем, ты их забираешь и учишь жизни. А я иду своей дорогой. Так?

– Я их так научу!.. – вполголоса заорал пожилой. – Да вы же меня, уроды, просто.....!

Судя по виду пожилого, расстроен он был донельзя. Не столько взбешен, сколько именно расстроен. Действительно, ситуация дичайшая – он ненадолго оставил подчиненных, и за это время они его макнули в дерьмо по самую кокарду.

– Ерунда, ты-то отмажешься, – утешил его Гусев.

– Как бы не так! – отмахнулся пожилой. – Мне теперь... У-у.....!

– Ну, мы пошли, – сказал Гусев. – Всего наилучшего.

Валюшок прощаться не стал, только руку из-за пазухи вытащил.

Лоточнику Гусев сунул под нос кулак.

– А чего я неправильно сделал?! – возмутился тот.

– Это так, для профилактики. Я же не слышал, о чем у вас был разговор. Может, ты их сам подтолкнул.

Лоточник закатил глаза, воздел руки к небу и длинно выматерился, не хуже пожилого сержанта. Из тирады следовало, что он еще не окончательно сошел с ума и скорее готов согласиться на опасный для жизни нетрадиционный секс, нежели дать взятку официальному лицу – как в процессе отправления указанным лицом должностных обязанностей, так и при иных обстоятельствах.

– И все-таки следи за собой, будь осторожен, – напомнил ему Гусев, удаляясь в переход. – Знаю я твою натуру гнилую.

Лоточник проводил его неприличным жестом.

Милиционеры уже скрылись, так и не вернув награбленное. Вместо них на ступенях появилась дородная некрасивая мусорщица в оранжевой куртке. Она подняла оброненную молодым сержантом ватрушку и задумчиво оглядела ее со всех сторон.

– Да выбрось! – крикнул ей лоточник. – Иди сюда, я тебе пирожок дам... Так уж и быть, с мясом.

* * *

– А почему рэкет – не так страшно, как взятка? – спросил Валюшок, когда они с Гусевым поднялись на другую сторону Нового Арбата и неспешным шагом двинулись вдоль зеркальных стен почтамта.

– Взятка предполагает сговор двух сторон. И если одна из сторон немедленно не стукнула в милицию или АСБ, дело можно очень сильно раздуть. Сегодня они у него плюшками баловались, завтра он их попросит своего хозяина припугнуть. Ну и так далее. А вот если к тебе подходят, забирают товар и не платят, это одностороннее нарушение, к тому же без перспектив развития – теоретически. Ничего, Леха, разберешься. Нам специально оставили несколько таких «вилков», на первый взгляд дурацких. Чтобы можно было с людьми эффективнее работать.

Валюшок согласно кивнул.

– Как-то они по-детски совсем...

– Дураки. Ты думаешь, этот старый прожженный мент их не учил? Еще как учил. В первый же день объяснил – упаси вас господи, ребята, хоть одну конфетку у кого-нибудь взять. Потом всю жизнь не отмоетесь. Ребята сказали «да». Но, оставшись без присмотра, решили хотя бы разок попробовать. Им же, щенятам, нужно самоутвердиться, почувствовать себя большими и страшными. А много и не надо для этого. Большинству хватит и бесплатной плюшки. Кстати, ты не голодный?

– Они даже не пытались толком оправдаться... – переживал Валюшок. – И психологического сопротивления тоже никакого. За спиной только у тебя, когда ты повернулся...

– Да, я по твоим глазам понял. На какой-то миг ребятам очень захотелось треснуть кое-кого дубиной по затылку. И ты все правильно сделал. Хвалю. А насчет оправдания... Гипноз ситуации. Слышал?

– Угу.

– Сам не испытывал? На себе? А некоторые из наших испытали, и очень потом ругались. Мы ведь этих двоих взяли с поличным. Считай, за руку схватили. Тут нужно быть законченным подлецом, чтобы мгновенно перестроиться. Настоящие мошенники – умеют. У них переключение за доли секунды происходит. Был у меня случай...

Гусев закурил. Лицо его вдруг неприязненно скривилось: наверное, случай был печальный. Валюшок с интересом ждал продолжения.

– В общем, брали мы на живца парочку негодяев. Они тонко работали, гады. Один идет и как бы невзначай роняет человеку под ноги пачку денег. Куклу, разумеется. Если человек ее не берет, тут же рядом оказывается второй, подбирает ее, заглядывает жертве в глаза и спрашивает шепотом: «Что делать-то?» И дальше у жертвы выхода нет. Даже если она кричит: «Эй, мужик, ты деньги потерял, а этот поднял», все равно не уйдет. Там был десяток вариантов, как выставить человека виноватым и подвергнуть обыску. Если что – подбегали тут же остальные члены банды, становились вокруг, кричали – мы свидетели, он твои бабки взял... Сам понимаешь, бросали «куклу» человеку, у которого в кармане много денег. Вычисляли в обменных пунктах, когда те еще были, потом стали по магазинам в бумажники заглядывать. И представь себе, запасными вариантами банда пользовалась очень редко. Потому что двое из трех потерявших обычно соглашались поделить добычу с провокатором. Жадные мы все до

ужаса. Наш парень, который наживкой работал, говорил потом – ничего не бойтесь, люди, а бойтесь вот этого пакостного желания хапнуть денег, что плохо лежат. Когда тебе мерзавец в глаза заглядывает и предлагает разделить ответственность на двоих, ты ведь не становишься от этого тоже мерзавцем. Ты думаешь, что тебе просто очень повезло. Может человеку раз в жизни повезти? Считается, что может. Должно.

Гусев умолк.

– И что дальше? – подтолкнул его Валюшок.

– Если жертва доставала свои деньги, их тут же пересчитывали и возвращали с извинениями. Разумеется, незаметно уполовинив пачку. Хотя могли бы и просто ограбить. Но, сам понимаешь, разбой и мошенничество очень разные статьи, а такое ловкое мошенничество еще и сложно доказать. Против него обычный закон бессилён, только АСБ справится. Ну, менты и дали наколку Центральному. Так вот, мы когда взяли этих ублюдков, они нам целый спектакль закатили... Не Москва, конечно, но областной драмтеатр дорого бы дал за таких актеров. А я смотрю на того, который с деньгами работал, и думаю – черт побери, ведь из тебя, идиота, вышел бы отличный фокусник. Ловкость рук невероятная. Выступал бы на сцене, народ бы тобой восхищался... А ты – вот как. Обидно до невозможности. Такая меня злоба разобрала тогда на род человеческий... А эти двое кричат, руками машут, святую невинность изображают. Притом что поняли уже – взяты на живца. Все равно не сдаются. Им наводчика ведут под белы ручки, еще двоих, которые обычно свидетелей изображали – нет, кричат, мы их в глаза не видели, и вообще не местные, через полчаса самолет. У наживки просто челюсть отпадает, я думал, мужик расплатится сейчас. Он, кстати, потом все равно не удержался. Одно дело – свидетельские показания, а совсем другое на собственной шкуре пережить, что это такое, когда ты человеку в глаза плюешь, а он тебе говорит: божья роса. Невыносимо. Просто невыносимо. Самое мерзкое в нашей работе – лицом к лицу с гнусностью людской встречаться. Вот такие, брат, дела.

– И что им было? – спросил Валюшок.

– А я убил их на фиг, – небрежно махнул рукой Гусев.

Валюшок коротко хохотнул, потом осекся.

– Ты не представляешь, как это было мерзко, – объяснил Гусев. – Мне просто делать ничего не оставалось, у меня ощущение было, что я сейчас утону в этом океане лжи. И, главное, «живца» очень жалко, это ведь мой ведомый был. Ну, я взял и грохнул двоих прямо на месте. Оказалось, правильно сделал, потому что ребята мне аплодировали.

Валюшок шмыгнул носом и полез за сигаретами.

– Наводчик только расстроился, – вспомнил Гусев. – Обосрался, бедный. Но тут же признался во всем. А еще один из банды в обморок упал. Они всегда так – как запахнет жареным, становятся очень сентиментальными. За что отдельно воров ненавижу... Леш, не закуривай пока. Мы сейчас на секунду вот в этот магазин заглянем. Или, хочешь, постой снаружи. Ничего особенного, я просто хочу посмотреть, нет ли нового приличного кино.

– Я тоже хочу, – сказал Валюшок и открыл Гусеву дверь.

Глава седьмая

Кол оказался также весьма эффективным регулятором экономической деятельности: когда несколько семиградских купцов, обвиненных в торговле с турками, испустили дух на рыночной площади в Шесбурге, сотрудничеству с врагами веры Христовой пришел конец.

В магазинчике играла музыка, красивая, но страшноватая. Кто-то жутким голосом ревел на гитарном фоне нечленораздельное. Гусев прислушался и опознал Кинчева. Песня была ему незнакома и не особенно понравилась. Чересчур уж выворачивала душу.

В стеклянный прилавок уперся толстым животом покупатель – маленький азербайджанец в дорогом спортивном костюме. Представитель обреченной на вымирание породы: недавно вброшенный в массы лозунг «У нерусских не покупаем» людям понравился, и могущество чернявых диаспор таяло на глазах. Но пока они еще хорохорились. Как этот, например. Даже со спины чувствовалось: вот настоящий хозяин жизни, из тех, что с московской пропиской и тридцатью тремя зубами девяносто шестой пробы.

– Так ты, нах, сделаешь? – спрашивал он у продавца, молодого парня, бросившего на Гусева подозрительный взгляд.

– Я же сказал – на будущей неделе сделаю.

– Но ты, бля, обязательно, нах, понял?

От интонаций азербайджанца Гусева покорило еще больше, чем от завываний в динамиках. Кроме того, хозяин жизни не обратил внимания на важный момент: продавец снова покосился на Гусева. Хозяину жизни было совершенно наплевать, кто там сзади вошел в дверь. Что Гусева окончательно взбеленило.

Валюшок уткнулся носом в угловую витрину, набитую компакт-дисками. Гусев встал рядом с азербайджанцем, осмотрелся, понял, что интересного ничего здесь нет, прослушал еще серию «бля» и «нах», слегка приглушенных вокальными упражнениями Кинчева, и почувствовал, что тоже очень хочет на кого-нибудь наорать.

– Ну ты, бля, понял, я, нах, зайду. А это что за хня воеет?

– «Алиса», – объяснила девушка, сидящая за кассой.

– Какая, нах, Алиса? Девочка?

– Группа! – усмехнулась кассирша. – Кинчев.

– Никогда не слышал. Ну и хня! – возмутился азербайджанец. – Я и то, бля, лучше спою.

Ладно, нах, пока.

Он повернулся, чудом не задев Гусева животом, и вышел. Кинчев, будто по команде, немедленно стих. Продавец и кассирша переглянулись, оба с легкой усмешкой.

– Что у вас новенького? – спросил Гусев

– А что вас интересует? – вид у продавца был немного смущенный.

– Да вообще свежее что-нибудь.

– Вот этот не смотрели? Милицейский боевик.

Завязалась оживленная беседа, точнее оживился продавец, а Гусев хмыкал и кивал. Постепенно на прилавке выросла стопка из пяти-шести кассет. Валюшок заинтересовался, подошел к Гусеву и заглянул через плечо. Судя по подбору фильмов, какой-либо вкус у Гусева отсутствовал в принципе. Кое-что оказалось совершенным позорищем, Валюшок такое не стал бы смотреть даже за деньги. Реши сейчас Гусев расплатиться и забрать фильмы, он бы здорово упал в глазах ведомого.

Но Гусев платить не стал. Вместо этого он упер руки в бока, раздвинув полы куртки так, что видны стали кобура на поясе и значок на груди.

У продавца отвалилась челюсть.

– Леша, дверку прикрой, – сказал Гусев ласково.

Валюшок метнулся к двери, набросил стопор и перевернул табличку с надписью «открыто/закрыто». Ему было уже не стыдно за Гусева, хотя он совершенно не понимал, что ведущий затевает.

– Значит, так, молодые люди, – произнес Гусев еще более ласково. – У вас в магазине стоит какое-то чмо, матерится, как извозчик, наглеет и чего-то требует. Заказывал он порнуху, верно? На это мне наплевать, порнография у нас запрещена, но вещь на самом деле полезная, так что фиг с ней. А вот остальное...

Продавец стоял с каменным лицом и часто-часто моргал. Кассирша съежилась; наверное, она хотела спрятаться под свой аппарат, но размер бюста не позволял.

– Мои знакомые азеры таких, как этот торгаш, считают позором своей нации, и я их понимаю, – Гусев не повысил голоса, напротив, заговорил еще тише, и в интонациях его прорезалась тоска. – Но вот из-за таких, как ты, – Гусев ткнул пальцем, отчего продавец тоже съежился, – всякие уроды чувствуют себя в нашем городе как дома. Покупатель всегда прав, но тут был не покупатель, а распоясавшийся хам. Поэтому слушай приказ. Если в следующий раз этот урод сюда явится, гони его в шею. Если погнать кишка тонка, хотя бы не заискивай перед ним, веди себя достойно. А чтобы у тебя, сынок, не отшибло память...

– Он с хозяином знаком... – выдавил продавец.

– Значит, и хозяину твоему внушение не повредит. Вы меня поняли, детишки? Или что-то ускользнуло? Вы думали, наверное, что раз есть выбраковка, значит, уже не нужно быть гражданами – злые кровожадные дяди все сделают за вас? Уничтожат всех уродов, и начнется золотой век? Фигушки! Каждый должен заплатить за покой и безопасность, понимаете, каждый! Мало перестать мусорить на улице, нужно еще и человеческий мусор кидать туда, где ему место. А хозяин будет спрашивать, что здесь произошло, – объясните. Так и скажите – выбраковщик заходил. Старший уполномоченный Центрального отделения АСБ Павел Гусев. Очень злой выбраковщик, и очень расстроенный тем, что вы потакаете хамью. А это вам, дорогие мои москвичи, в назидание и на долгую память.

Гусев шевельнулся, и Валюшок обомлел. В руке старшего появилось оружие. Но совсем не пневматический игольник, а очень красивая огнестрельная пушка, в которой даже полный чайник опознал бы по характерному дизайну итальянскую «беретту».

Продавец и кассирша, хором взвывая не хуже Кинчева, метнулись в угол и затихли там. А Гусев аккуратно подровнял стопку кассет, лежащую на стеклянном прилавке, упер в нее ствол, поставив оружие вертикально, и нажал на спуск.

Пистолет глухо жажнул, кассеты с хрустом осели, внутри прилавка что-то разлетелось в клочья... и, как в замедленной съемке, пошло трещинами и начало рушиться фронтальное стекло. Верхнее стекло, долю секунды подумав, тоже растрескалось и обвалилось вниз.

– Стекло дрянное, – объяснил Гусев в наступившей тишине. Он попрыгал, чтобы отряхнуть с себя осколки, и убрал пистолет за пазуху.

– Я думал, красиво получится. Но так даже еще поучительнее. Счастливо, молодые люди. Подумайте о том, что я сказал. Выбраковка много всякой сволочи поставила на место, но на нашем горбу вы в рай не въедете. Извольте потрудиться хоть чуть-чуть. И большой привет хозяину!

На улице Гусев достал сигареты. Вид у него был вполне довольный. Валюшок протянул ему зажигалку.

– Спасибо, – отмахнулся Гусев. – Ветер. Я лучше сам. Вот так мы иногда читаем нотации, агент Валюшок.

«Круто читаете, – подумал Валюшок. – Ничего не скажешь, круто».

Но внутри себя он не чувствовал особого протеста. Ему, кажется, стало понятно, чего выбраковщик Гусев хочет добиться от людей. Возможно, Гусев переигрывал. Но сказать, что его позиция в корне неверна или как-то расходится с общепринятой моралью, Валюшок не смог бы.

Скорее наоборот: Гусев требовал слишком многого.

«Интересно, – мелькнуло у Валюшка в голове, – а сам-то ты, Гусев, давно таким замечательным стал? И почему, каким образом?»

Впрочем, ответ на этот вопрос он рассчитывал вскоре найти.

* * *

На подходе к Дому книги сворачивались аварийки Мосводоканала: усталый народ в касках тянул какие-то шланги и с грохотом закрывал канализационные люки. Вокруг, жужжа, сновал целый табун «полотеров». Один из уборочных комбайнов чуть было не переехал слегка зазевавшегося Валюшка.

– Эй! Полегче, ты, Шумахер! – рявкнул тот, отскакивая в сторону.

– Закрой помойку, – хмуро посоветовали ему. – Для тебя же стараемся, тормоз.

– Слушай, а действительно, чего они суровые такие? – спросил Валюшок Гусева, опасливо поглядывая на армию мусорщиков, полирующих тротуар.

– Нормальная реакция. Мы гадим, они убирают. За что им нас любить?

Возле палатки, где торговали хот-догами, закусывала целая компания – трое выбраковщиков из группы Мышкина и громадная рыжая дворняга.

– Комплекс вины? – осведомился Гусев у старшего тройки, кивая на собаку.

– Да иди ты... – огрызнулся ведущий. – Пришла, села, попросила – угостили. Не хватало еще перед собаками грехи замаливать. Проще тогда зарезаться. Сегодня угостил, завтра пристрелил – это что, по-твоему, комплекс вины? Хотя да... Нас уже месяц на собак не посылали. Да я их вообще терпеть не могу... Слушай, Гусев, ну тебя в баню! Надоел со своими подковырками.

Ведущий бросил собаке огрызок хот-дога и с тоской посмотрел, как жадно та ест: аж за ушами трещит.

– А я так уже не могу, – пожаловался он. – Никакого аппетита. Жую, потому что надо. Пью, когда наливают. Трахаюсь чисто из принципа. Гусев, ты же умный, скажи – когда все это кончится?

– А ты застрелись, – посоветовал Гусев.

Ведущий пренебрежительно фыркнул.

– Сто раз пробовал. Взвожу курок, гляжу в дуло и понимаю – ничего меня не удерживает. Могу нажать, понимаешь? Запросто. И такая скука разбирает... А потом вспоминаю: мне же на работу завтра. Вдруг случится что-нибудь забавное? Так и живу.

– А ты из игольника – в ногу. Повалешься часок под наркозом, сразу жизнь медом покажется.

– Больно же! – вытаращился в ответ ведущий.

Валюшок у Гусева за спиной выразительно шмыгнул носом.

– Вот я и говорю – тут же проснется интерес к жизни, – сказал Гусев.

– Ты маньяк, – заключил ведущий. – Эй, деятели! Вы доели? Пошли на маршрут.

– Можно еще по мусорщикам пострелять, – не унимался Гусев. – От души. Немотивированно. Гляди, сколько их тут. Достает огнестрел – и давай колошматить. Сразу тонус повысится, гарантирую.

Ведущий зевнул, поманил своих подчиненных и, никак не комментируя добрый совет, ушел. Один из ведомых украдкой показал Гусеву большой палец. Видимо, начальник здорово достал его своими излияниями.

Гусев взял два хот-дога и воды, одну порцию отдал Валюшку и принялся жевать. У него с аппетитом, кажется, было все в порядке. Собака подвинулась ближе.

– И много в Агентстве таких? – спросил Валюшок, кивая в сторону удаляющейся тройки.

– Вагон, – промычал Гусев, жуя. – Но этот – явный кандидат на выбраковку.

– То есть?

– Ротация кадров. Самоочистка. Однажды ты собираешься на работу, а к тебе в дверь стучатся твои собственные ведомые. И говорят: «Извини, старик. Ты имеешь право оказать сопротивление. Имеешь право не называть себя. Не отвечать на вопросы...» Ну и так далее.

Валюшок покачал головой и бросил собаке огрызок хлеба. Гусев свой хот-дог доел без остатка.

– А с тобой так случилось? – поинтересовался Валюшок.

– Нет, ко мне еще не приходили.

– Это видно. Нет, я...

– Что видно? – неожиданно зло огрызнулся Гусев.

– Все, извини.

– Леша, – Гусев резко сбавил тон. – Сегодня у тебя первый выход на работу. Потерпи немножко, хотя бы месяц. Уверяю – тебе все станет ясно. У выбраковки есть побочные эффекты, которые словами не опишешь, их нужно прочувствовать.

– Извини, – повторил Валюшок. – Просто очень много вопросов. Нам на подготовительном ничего не говорили о порядках внутри Агентства. Интересно, почему?

– Вот и еще один вопрос. Не знаю, Леш. Я понятия не имею, как сейчас организована подготовка. Кстати, сколько вас было?

– Человек двести.

– Ско-олько? – не поверил Гусев.

– На моем потоке две сотни.

– На потоке... Ого!

– Да, было три потока. Это много?

Гусев крепко взял напарника за отворот куртки.

– Никому. Больше. Здесь. Об этом. Не говори, – выдохнул он. – Понял?!

– Ага. Почему?

– Жить хочешь? Долго и счастливо? – спросил Гусев. – Хотя нет, счастливо уже не получится. Но хотя бы долго?

– Ничего не понимаю, – медленно произнес Валюшок.

– Вот и отлично. Никому здесь, в Центральном, не говори, сколько вас было. Кстати, а остальные куда подевались?

– Да черт их знает. Меня сразу после выпуска в Центральное направили, и я...

– Ладно, подождем, – Гусев отпустил ведомого и достал сигареты. – Скоро все прояснится. Как раз за месячишко. И ты подрастешь за это время, и я уже буду готов что-то тебе объяснить. Договорились?

– Хорошо, – Валюшок тоже закурил. – Еще вопрос можно? Не беспокойся, он по другой теме.

У Гусева под курткой запищал трансивер. Он жестом попросил Валюшка обождать, достал маленькую черную коробочку и нажал кнопку. Держал он рацию возле самого уха, как мобильный телефон.

– Гусев, прием.

– Диспетчер. Вы где?

– У Дома книги, ближний к Центру угол.

– Ждите.

Гусев скорчил рожу.

– Сейчас припадут, – шепотом сообщил он Валюшку.

Диспетчер не заставил себя долго ждать.

– Вызов на Поварскую...

– Мы пешком.

– Я в курсе. Вам идти пять минут. Фургон выехал. Приготовьтесь, возможно противодействие службы безопасности...

– Та-ак, это то большое офисное здание, да?

– Нет, другое...

Гусев швырнул недопитую банку воды в урну и, махнув Валюшку, сорвался с места. Быстрым шагом они углубились во двory. Гусев на ходу слушал, что ему говорит диспетчер, и постепенно лицо его приобретало брезгливое и утомленное выражение.

– Все, понял, ждите доклада, – сказал он наконец, убрал трансивер на пояс и вытащил очередную сигарету.

– Трудный случай? – спросил Валюшок, заранее напрягаясь и расправляя плечи, и без того широкие.

– Да нет, – Гусев закурил и прибавил ходу. – Случай несложный, но противный. Идем обезглавливать независимый пенсионный фонд. У президента уже два предупреждения за насильственные действия. А теперь он секретарше морду разбил при попытке изнасилования. Прямо маньяк какой-то. Ничего, в каменоломнях ему будет, куда руки приложить.

– Да уж...

– Не перебивай. Теперь слушай, какие наши дела. Хреновые они. Надо изъять клиента из офиса немедленно и втихую. Никакие документы еще не готовы, милицейского прикрытия нет. Есть только устное заявление потерпевшей. Она сейчас в офисе, уйти сама не может, а ей было сказано, что если пикнет, вообще убьют. Она напугана, я ее понимаю. А главное – этот тип неуправляем, и с минуты на минуту ситуация может обостриться. Так что наша задача пройти в офис, на месте разобраться и действовать. Главное – девчонку защитить. Неплохо для первого дня, а, суперагент Валюшок?

Суперагент Валюшок в ответ что-то промычал и напрягся еще больше.

– Можно, конечно, прямо на входе назвать себя, – заметил Гусев. – Но тогда даю сто процентов, что пока мы будем подниматься, охрана предупредит шефа: идет АСБ. Были уже прецеденты... Если этот козел девчонку в окно выбросит, чтобы лишнего не болтала, нас с тобой по головке не погладят.

– Ты серьезно? – не поверил Валюшок. – Так вот прямо возьмет, и в окно?..

– Разумеется. Такое случалось уже сто раз. Они же все психопаты, эти насильники, им как в голову вступит, не соображают ни хрена. Его, конечно, допросят, и на каторгу он загремит, но девчонке – конец. А оставлять тебя одного стеречь охрану я не имею права. Вот такая, блин, засада. Понял теперь, почему выбраковка ходит минимум по трое?

Валюшок утвердительно хмыкнул.

– В крайнем случае всех поубиваем, – утешил его Гусев.

На Поварской выбраковщик обогнала машина «Скорой помощи», проскочила вперед метров на сто и ловко причалила к тротуару.

– А вот и наша труповозка, – показал на «Скорую» Гусев. – Как часы работает. Значит, так, агент Валюшок. В здании действовать строго по схеме номер два. А именно?...

– Свою принадлежность к АСБ не обнаруживать, поперед бабки не лезть, держать тебе спину, – отрапортовал Валюшок.

– Всячески оберегать ведущего, для чего активно вертеть головой и таращить глаза, – заключил Гусев с усмешкой. – Так, снимаем значки, прячем в карман. И застегнись. Нет, постой. Ну-ка, кру-гом!

Гусев придирчиво оглядел Валюшка: не выпирает ли из-под куртки оружие. Похлопал себя по бокам. Нет, здесь понадобится чертовски опытный взгляд. Как хорошо, что «комбидрес» слегка гнется и не сковывает движений... И вдвойне хорошо, что Валюшка, как стажера, еще не успели навьючить тяжелой сброей, положенной ведомому, – сверхплоский ноутбук, мобильный ретранслятор, сканер отпечатков и прочая техника.

«Кажется, пробьемся».

– Вперед! – скомандовал Гусев. – И... погоди. Честное слово, Леш, это все какая-то нелепая случайность. Слишком круто для твоего первого дня!

Глава восьмая

Суд в его времена был простым и скорым: бродягу или вора, независимо от того, что он украл, ждал костер или плаха. Та же участь была уготована всем цыганам, как заведомым конокрадам и вообще людям праздным и ненадежным.

«Скорая» пристроилась за грузовиком, и в поле зрения охранной системы офиса не попадала. Гусев и водитель «труповозки» обменялись издали многозначительными взглядами. Валюшок своему ведущему от души позавидовал. Выбраковщики отличали друг друга на улице, пользуясь несложным комплексом условных знаков. Но Гусеву такие методы были ни к чему: его, похоже, все знали в лицо. «Интересно, а бандитам он тоже всем известен? – подумал Валюшок. – Вряд ли. Те, кто его видел, недолго оставались на свободе, а на каторге гусевский словесный портрет без надобности, все равно оттуда не возвращаются... Удивительно – сколько ни пытался, не могу представить себя на каторге. Мне туда просто не попасть. И это, черт побери, здорово. Неужели я такой хороший человек? Получается, хороший. А Гусев? А те выбраковщики, которым он сам зачитывал «птичку»? Наверное, они тоже поначалу были славные парни, но работа их сломала. Ничего, я не сломаюсь. Я для этого слишком точно знаю, что такое хорошо, а что такое плохо».

У двери офиса Гусев на секунду замялся, что-то то ли соображая, то ли вспоминая, а затем решительно нажал кнопку звонка.

- Да! – отозвался динамик, встроенный в стену.
- К господину Юрину посетители, – сообщил Гусев.
- Вам назначено?
- Разумеется! – бросил Гусев.

Дверь щелкнула замком, и они вошли.

Охраны на проходной оказалось немного – трое, но каждый по отдельности мог бы скрутить обоих выбраковщиков в бараний рог. Особенно Гусеву не понравился самый пожилой из секьюрити, явно начальник смены. В нем чувствовался опытный боец, возможно бывший оперативник, привыкший брать врага хитростью и реакцией. «Ох, расколется он нас, – мелькнуло в голове. – Не вижу металлодетектора, но все равно мы рискуем. Может, все-таки представиться?»

Размещался пост бестолково, иначе не позволял тесный вестибюль. Здесь было узко. Стойку с компьютером и мониторами слежения развернули единственно возможным образом. Скученность охраны давала Гусеву преимущество при внезапной атаке, но сильного облегчения от этой мысли он не испытал. Гусев терпеть не мог честный бой на равных. Пояса охранников украшали массивные газовые револьверы, но под стойкой, за которой сидел их старший, наверняка пряталось нечто крупнокалиберное. «И, может быть, даже с патроном в стволе. А чего я так нервничаю? Давно не работал, вот отчего».

- К господину Юрину, – повторил Гусев. – Фамилии – Купченко и Бунин.
- Документы, пожалуйста.

Выбраковщики достали удостоверения личности. Гусев по документам выходил неким Купченко, вице-президентом по общим вопросам торговой компании с названием блеклым и незапоминающимся. Валюшку по молодости лет досталась расплывчатая характеристика «менеджер по маркетингу».

Начальник охраны бросил взгляд на монитор компьютера, согласно кивнул и отдал гостям их карточки.

- Пятый этаж. Лифт вон там, по коридору.

– Спасибо.

Коридор оказался длиннющий, метров тридцать. Чувствуя спиной неприятный оценивающий взгляд, Гусев пошел, куда сказали. Позади гулко топал Валюшок.

– Кто приглашение устроил? – негромко спросил он в лифте.

– Потерпевшая. Обычно так и бывает. Люди помогают нам весьма охотно. Только вот их мотивы... – Гусев скривил лицо и чуть не сплюнул под ноги, но передумал.

– Этот Юрин сам нарвался.

– Ну, она тоже штучка. Дала бы ему по яйцам, а потом в хрюсло – и все дела. Не исключено, что он бы ее резко зауважал.

– Есть очень много людей, не способных дать сдачи. И, по-моему, это естественно, – заметил Валюшок.

– Спасибо, просветил. А то я не знаю? Сам такой.

Валюшок склонил голову на плечо и смерил Гусева взглядом, полным сомнения.

– Для таких и работаем, – заключил Гусев, выходя из лифта. – Только вот обида – день ото дня бедные овечки становятся все подлее... Так. А куда это нас занесло?

Лифтовый холл открывался в небольшой зальчик с кучей дверей. В центре красовалась мощная конструкция – рабочее место как минимум трех секретарш. Из-за стойки виднелась аккуратная женская прическа. Сухо потрескивали клавиши.

– Привет, – сказал Гусев, перегибаясь через стойку.

– Здравствуйте, – ответила молоденькая девушка, отрывая глаза от клавиатуры. Взгляд у нее был напряженный, и где-то в глубине его прятался испуг. – Чем могу?...

«А господин Юрин охоч до свежатинки, – усмехнулся про себя Гусев. – И жаден, судя по всему. Печатать девица толком не умеет, едва школу окончила, согласна на любой оклад... А на что еще ты согласна, бедная девочка? И сколько вас таких по всему миру, несмышленных и остро нуждающихся в защите? Что с вами будет, когда меня пристрелят?»

– Вы к кому? – спросила девушка, возвращая Гусева к реальности.

– Господин Юрин у себя?

– Вам назначено?

Гусев достал из кармана значок, коротко сверкнул им и прицепил на место – за лацкан. Испуг из глаз девушки переместился на все лицо.

– Знаешь, почему мы здесь? – спросил Гусев мягким полупшепотом. – Вижу, что да.

Девушка еле заметно кивнула.

– Президент у себя. Один, – прошептала она, указывая глазами направление. Гусев оглянулся на дверь, за которой сидел господин Юрин, не подозревая еще, наверное, что его ждет.

– А Марина где?

– Вон там, в комнате отдыха...

– Спасибо. Господин Бунин, постойте здесь, развлеките барышню, заодно последите, чтобы клиент никуда не делся. Мне понадобится минуты три-четыре.

– Слушаюсь, господин Купченко, – отбил подачу Валюшок.

Пострадавшая сидела с ногами на диване, прижимала к щеке пакет со льдом и роняла тихие слезы в чашку кофе. Даже сейчас, в растрепанном виде и, похоже, не менее растрепанных чувствах, выглядела она стопроцентной шлюшкой. Из тех, которых положено без лишних прелюдий хватать и валить в койку, а за неимением постели – раскладывать на офисной мебели. Крайне неудачная конституция: мощный сексуальный призыв в сочетании с дешевой внешностью. «Не повезло тебе, Марина».

– Сексопатолога вызывали? – осведомился Гусев, присаживаясь напротив и демонстрируя значок. – Все, милая, успокойся, с этого момента ты под защитой АСБ. Ну-ка, щечку покажи.

Марина подарила Гусеву злобный, хотя и несколько одноглазый взгляд, и на секунду отняла лед от щеки. Гусев цыкнул зубом: удар обернулся не только синяком и отеком, Юрий капитально рассек девушке скулу. Если бы не благоприобретенная (или врожденная) стервозность, Марина давно уже сидела бы в травмопункте. Но ей хотелось отомстить, и Гусев ее понимал.

– Спасибо, что сделала пропуск, – сказал он. – И спасибо, что дождалась. Хорошо, что я это увидел воочию. Легче будет прострелить твоему шефу башку. Считаю, ты ему подписала смертный приговор.

Это Гусев врал. Если Юрий не будет особо артачиться при задержании, он еще поживет. Но Гусева интересовала реакция девушки.

– Он тут вытворяет такое... – Марина всхлипнула. – Его убить мало. Вы других наших девчонок расспросите... Они просто боятся.

– Расспросим обязательно. Значит, так... Внизу стоит машина «Скорой помощи». Это наша. Уедешь на ней. Тебя сразу зашьют, потом сделают пластику, мордашка будет лучше прежней. Не беспокойся, все операции за счет АСБ. Плюс тебе капнет неплохая сумма за моральный и физический ущерб. Теперь слушай меня очень внимательно. Я старший уполномоченный Центрального отделения Агентства Социальной Безопасности Павел Гусев. Ты обвиняешь президента фонда господина Юрина в сексуальных домогательствах и физическом насилии. Сейчас у тебя есть возможность отказаться от этого обвинения. Подумай и скажи – обвиняешь ты его или нет.

– А что ему будет? – спросила Марина. Видимо, гусевский намек на прострел башки ее не убедил.

– Юрий – закоренелый враг общества. Его уже дважды предупреждали о неподобающем поведении. Не знала? Юрий любит избивать людей, выбирая тех, кто послабее. Так что будет ему выбраковка. Он исчезнет. Навсегда.

– Вы его убьете? – с надеждой спросила Марина.

– Честно? Вряд ли. Сначала ему придется заплатить болью за боль. Искупить свою вину на каторжных работах. И в один прекрасный день он там умрет. Кстати, бежать с каторги нереально. Я видел, я знаю. Итак, ты обвиняешь его? Подумай и ответь.

– Да! – выдохнула Марина. – Я обвиняю его.

– Договорились. Тогда сиди здесь, – приказал Гусев, вставая. – Минут через пять твоя напарница постучит в дверь. После этого выходи из офиса и садись в «Скорую». Понятно? Ну-ка, повтори.

– Когда Ленка постучит... Он ведь и ее чуть не изнасиловал, скотина-а!..

– Что ты сделаешь, когда Лена постучит?

– Выйду на улицу, сяду в «Скорую»... У-у-у...

– Умница, – похвалил Гусев и вышел за дверь.

Валюшок о чем-то вполголоса беседовал с Леной.

– Ну и обстановочка тут, – сообщил он Гусеву. – Прямо хоть через одного расстреливай.

– Дознаватель разберется, – отмахнулся Гусев. – Все тихо?

– К Юрину зашел какой-то тип, я не стал его задерживать.

– Черт! – напрягся Гусев. – Он на тебя не отреагировал?

– Леночка выручила.

– Я сказала, что это курьер, – улыбнулась Лена. – А у президента сейчас первый вице-президент. Он на минутку, ему уезжать.

Легок на помине, из кабинета вышел дорого одетый мужчина. На выбраковщиков он даже не посмотрел, с головой углубившись в какие-то бумаги, и скрылся за углом.

Гусев оттер Валюшка плечом и заглянул Лене в глаза.

– Ты чудо, – сказал он. – Медаль не обещаю, но признательность гарантирую. Теперь блокируй связь, пожалуйста. Не хочу, чтобы нас беспокоили. Если сунется в кабинет мелкая сошка – у Юрина важные гости. Если кто-то из менеджеров высшего звена – черт с ними, пускай. Может, с собой прихватим. Ты же понимаешь, у нас план. На этой неделе приказано расстрелять десять президентов и двадцать вице. А также спасти не меньше сотни заколдованных принцесс, вот, вроде тебя.

Польщенная Лена залилась краской.

– Не такие уж вы и страшные, господа секретные агенты, – пробормотала девушка, отводя взгляд.

– Приятно слышать, – улыбнулся Гусев. – Когда мы с Юриным войдем в лифт, постучи в дверь, за которой сидит Марина, пусть тоже спускается. Ага? Заранее благодарен. Леха, за мной.

В кабинет они вошли без стука. Клиент играл на компьютере. Он оказался раскормленным дядькой лет пятидесяти с короткой стрижкой и маленькими глазками. «Ох, порезвятся тут наши дознаватели, – подумал Гусев. – Ставлю десять против одного, что этот президент на самом деле зицпредседатель, пустое место. От скуки лапает секретарш, чтобы хоть как-то время с толком провести. Вопрос: зачем он тут нужен такой? Однако кранты пенсионному фонду».

– Ну? – буркнул увлеченный игрой президент, не отрываясь от монитора.

– Господин Юрин? – сладким голосом осведомился Гусев.

Юрин сообразовал поднять глаза на выбраковщиков.

– Да, а в чем дело? – спросил он лениво. – Проходите, садитесь.

– Благодарю вас. Я старший уполномоченный Центрального отделения Агентства Социальной Безопасности Павел Гусев...

Юрин перестал шевелить «мышкой» и уставился на гостей уже более осмысленным взглядом.

– Это уполномоченный Алексей Валюшок, – продолжал Гусев. – Господин Юрин, вы обвиняетесь в сексуальных домогательствах и физическом насилии, повлекшем за собой...

– Су-у-ка!!! – взревел Юрин и так дал кулаком по клавиатуре, что она чуть не разломилась, а компьютер протестующе заверещал. Гусев привычным движением откинул полу куртки. Глаза Юрина уткнулись в рукоятку игольника и застыли. Он медленно поднимался из-за стола, и Гусев подумал, что дело плохо. В ярости этот тип не контролировал себя.

– Вы имеете право оказать сопротивление! – голос Гусева предупреждающе зазвенел. – Имеете право не называть себя! Имеете право не отвечать на вопросы! Согласно Кодексу законов о социальной безопасности вы поступаете в наше распоряжение. В случае неповиновения вы будете обездвижены или убиты. Предупреждаю – любое ваше движение может быть истолковано как агрессия. Приказываю оставаться на месте. Руки на стол!

Юрин с видимым трудом овладел собой и замер. Глаза его оторвались наконец от рукоятки игольника и переместились на гусевский значок.

– Обыскать, – распорядился Гусев.

Валюшок не спеша, чтобы не испугать клиента, приблизился к Юрину и довольно ловко его ощупал.

– Чист.

– Понял. Юрин, вы меня слышите? Вы признаете себя виновным?

– Нет... – выдавил Юрин. – Нет! Да нет же!

– Хорошо. Юрин, сейчас мы с вами выходим из офиса на улицу. Выходим не спеша, без резких движений. Хотите жить – подчиняйтесь. Малейшая провокация – стреляю. Вы идете первым, мы за вами. Ясно?

– Ребята... – умоляюще протянул Юрин. – Да она же сука... Блядь поганая... Она меня шантажировала...

– Этим займется следствие, – пообещал Гусев. – Гарантирую – если вас подставили, все будет хорошо. Вы получите компенсацию за моральный ущерб. Возможно, с вас даже снимут одно предупреждение. Лица, виновные в оговоре, будут жестоко наказаны. А пока – делайте, что я говорю. Мы уезжаем.

Юрин едва заметно кивнул. Похоже было, что он мучительно рассуждает: кинуться на обидчиков с кулаками или заплакать.

– Выполнять, – сказал Гусев. – Двигайтесь, Юрин. Выходим.

Любой нормальный человек на месте Гусева посоветовал бы Юрину не искать защиты у охранников: мало ли, что задержанному в голову взбредет, лучше уж предупредить. Но Гусев осознанно промолчал. Он недаром сказал «лица, виновные в оговоре», употребил множественное число. Если Юрин виноват, то намек, что обвинила его не только одна «блядь поганая», должен окончательно вывести клиента из равновесия. Нечего лишней раз подсказывать ему, что можно натравить охрану на выбраковщиков, а самому под шумок удариться в бега. И так догадается. Гусев поймал себя на том, что хочет стычки. Теперь, увидев изуродованную девчонку, – хочет. Он вернулся на работу, он вошел, кажется, во вкус.

«Стрелять в нехороших парней – неужели я всю жизнь к этому стремился? Разве я больше ни на что не годен? Да, но кто тогда будет стрелять, если я такой возвышенно-брезгливый? Другой, кого я не смогу контролировать. А вдруг однажды этот другой постучится в мою дверь? Если ты взял на себя право решать, кто хороший, а кто плохой, – будь готов, что тебя могут забраковать тоже. А значит, нужно становиться выбраковщиком самому. И это самый разумный выбор».

Юрин вышел из кабинета тяжелым волочащимся шагом приговоренного и сразу направился к лифту. Гусев махнул на прощание Лене, а сам мысленно отрепетировал, как рвет из кобуры игольник. Стычки в вестибюле было уже не избежать. Разумеется, ведь Гусев забыл очень важный момент: не выяснил, предупреждают ли охрану, что выходит президент. Ему ведь должны подогнать машину! «Непростительная ошибка, но уже поздно сворачивать назад. Я не хочу, чтобы этот урод поедал злобным взглядом убийцы Лену, которая будет звонить вниз и отдавать фальшивые распоряжения. Ей потом с этим взглядом жить и жить. Я слишком хорошо знаю, как это бывает: на тебя один раз посмотрели, а ты через пять лет просыпаешься в холодном поту. Ничего, справимся. Хорошо, что наручники клиенту не надели – уж больно поза скованная была бы... Или застегнуть его? А чего я так нервничаю, собственно? На проходной охранникам покажу значок – и никаких проблем».

И снова Гусев поймал себя на том, что хочет драки, хочет кого-нибудь подстрелить. «Окончательно с ума схожу, что ли?»

В лифте они спускались под шумное сопение Юрина.

Охрана заметила босса издали, от самого лифта, и отреагировала на его появление вставанием с мест и напряжением тел. Юрин пока вел себя разумно, надвигаясь на пост по центру коридора. Гусев и Валюшок шли следом, держась уступом, Гусев впереди и левее. Частично Юрин его закрывал, а самое защищенное место досталось Валюшку. Выбраковщики часто занимают безрассудные на первый взгляд позиции, заслоня друг друга. При этом ухудшается обзор, сектора обстрела значительно сужены. Но, во-первых, такое построение сплошь и рядом сбивает противника с толку, он принимает тебя за идиота – а зря. Во-вторых, у людей из АСБ все просчитано заранее, они будут стрелять, а не отстреливаться. А в-третьих, если случится нештатная ситуация, кто-то обязательно должен остаться жив и завершить огневой контакт в пользу Агентства.

Сейчас все было бы ничего, вот только старый опытный боец держал в руке то, чего Гусев так опасался, – карабин «Сайга». Держал пока стволом вниз. Старый и опытный почувал

неладное, но боялся перебдеть и огрести нахлобучку. Похоже, охране здесь платили неплохо, и начальник поста держался за свое место.

«Переломает мне все ребра, – подумал Гусев. – А то и проникающих наделает. Фигушки, ребята, я вам не мишень. Самое время обогнать Юрина и предъявить нагрудный знак».

Он прибавил шагу, но опоздал. Когда до поста оставалось метров десять, у Юрина сдали нервы.

С воплем: «Мочи их!!!» – клиент бросился в подвернувшуюся справа приоткрытую дверь.

Точнее, попытался это сделать.

Приблизительно на букве «и», когда юринская туша полностью закрыла от охранников Валюшка, Гусев уже вырвал из кобуры игольник и нажал на спуск. При этом он прыгнул влево, отчаянным маневром оттягивая внимание противника от ведомого.

Пистолет затрещал, и с полдюжины игл украсило темную форму начальника поста желтыми точечками стабилизаторов. Начальник успел развернуться к Гусеву и выбросить в сторону опасности руку с карабином. Грянул выстрел, пуля ушла в потолок.

Оставшиеся двое охранников почти достали свои револьверы, но Гусев успел срезать обоих длинной очередью. Машинально, не думая, он нажал кнопку выброса магазина и стремительным движением перезарядил оружие.

Юрин наконец-то завершил падение и с грохотом рухнул на четвереньки в дверном проеме.

Охрана сползала по стенам на пол.

Валюшок, не успевший сделать ни единого выстрела, шумно выдохнул, убрал пистолет в кобуру и от души пнул Юрина под копчик. Получив ускорение, тот исчез за дверью, где мгновенно вскочил. Дверь захлопнулась, шелкнул замок.

– По-мо-ги-и-те! – раздалось из-за двери. – У-би-ва-а-ют!!!

– Что же ты его упустил? – спросил Гусев укоризненно. Он спрятал игольник, нагнулся и подобрал опустевший магазин.

Валюшок помотал головой и развел руками.

– Обалдел, – сказал он. – Виноват.

– На по-о-мощь!!! – надрывался Юрин. – Ка-ра-ул!!!

Гусев подергал дверную ручку и убедился, что перед ним возникла преграда.

– Эй, задержанный! – прогремел он так, что перекрыл крики Юрина.

– Две секунды на открытие двери!

Юрин в ответ длинно выматерился.

– Беги, зови наших из труповозки, – сказал Гусев Валюшку. – Обязательно с носилками.

Валюшок перепрыгнул через тела поверженных охранников и выскочил на улицу. Гусев почесал в затылке и вытащил сразу оба пистолета.

– Все, ты меня достал! – сообщил он в сторону двери. – Сейчас будет экзекуция. Сам напросился. Ох, я тебя...

Дальше развивать тему он не стал, а просто трижды выстрелил из «беретты» в область замка. Дверь разворотило так, что даже пинать ее не пришлось – отлетела сама. Гусев шагнул в комнату, оказавшуюся маленьким складом, набитым какой-то бумажной продукцией, наткнулся на остолбеневшего Юрина и смачно врезал ему рукояткой «беретты» промеж глаз. Юрин охнул и с размаху сел на задницу. Гусев дал клиенту секунду-другую посидеть, чтобы прочувствовал, как душевно ему вломили, а затем почти не целясь пустил Юрину иголку в ногу. Виновник безобразия тихонько всхлипнул и упал навзничь.

– Вот так-то, – сказал Гусев. Он снял пистолеты с боевого взвода, убрал их на место, закурил и с наслаждением затянулся.

В дверь ворвался экипаж «труповозки» – трое мордоворотов, изображающих бригаду «Скорой помощи». За их спинами маячил Валюшок.

С другой стороны коридора пошел лифт. Наверное, спускалась Марина. Любому другому на ее месте Гусев не позавидовал бы, но эта девчонка и так за сегодня насмотрелась на всякое. Вряд ли ее особенно расстроит творящийся у выхода бардак.

– Где клиент? – спросили у Гусева деловито и требовательно.

– Вон, – махнул рукой Гусев, отходя к посту, садясь на место начальника и закидывая ногу на ногу. – И потерпевшая сейчас подойдет.

– Пусть тогда поторопится.

– Леша, будь другом, сбегай, приведи ее. А-а, вот и она.

Гусев достал рацию и вызвал Центральное.

– Это Гусев, – сказал он. – Клиент пытался бежать, обездвижен, сейчас грузим...

– Не «грузим», а «грузят», – поправили его «медики». Двое из них, отдуваясь, проталкивали носилки с Юриным через узкую проходную, а третий, с фонендоскопом на шее, руководил.

– ...служба безопасности была спровоцирована клиентом и оказала сопротивление. Есть три незапланированных обездвижки. Немедленно сюда группу поддержки, милицейское прикрытие и обязательно нашего дознавателя, чем скорее, тем лучше. Похоже, здесь полно работы для него. Я остаюсь на месте, буду встречать. Только поскорее, ладно? Все, жду.

У проходной остановилась потерпевшая, щеку она теперь зажимала платком.

– Круто, – сказала Марина, оглядев лежащие на полу тела.

– Ну-ка, девушка, что это у нас такое? – подскочил к ней «врач». – Та-ак, посмотрим...

Ничего страшного. Пойдемте, пойдемте...

– Счастливо, – бросил Марине Гусев.

– Пока, – вздохнула она. – Спасибо.

Валюшок подошел к бездыханному телу начальника поста, нагнулся и осторожно защелкнул предохранитель карабина, лежащего рядом на полу.

– Лихо ты их, – признал он. – Только в следующий раз меня не береги так, ладно?

– Тебя клиент перекрыл, – буркнул Гусев.

Валюшок поднял глаза на дырку в потолке и ничего больше не сказал.

Глава девятая

Смерть Влада вызвала среди современников оживленную дискуссию: куда направилась его душа – на небеса или напрямик в пекло? Сторонники обеих точек зрения приводили свои аргументы, но со временем возобладал третий вариант, который и лег в основу легенды.

«Группа поддержки» объявилась минут через пятнадцать: три тройки выбраковщиков во главе с дознавателем АСБ. Выглядел дознаватель как форменный душегуб – нечто среднее между ожившей смертью и Дракулой из дешевой кинострашилки. Приданный группе милицейский представитель что-то ему рассказывал, а монстр заразительно смеялся и хлопал в ладоши.

– Ты не слыхал эту хохму, Пэ? – спросил дознаватель у Гусева, поднявшегося из кресла ему навстречу. – Парня спрашивают: чего это у тебя ухо в кровище? Да вот, говорит, пытался с собой покончить, ухо размочалил. Промазал, короче. Как же это: сам себе в голову стрелял и промазал? А ты попробуй, говорит, попади в таких условиях – я же на бегу стрелял...

Гусев одобрительно фыркнул.

– По-моему, я этот анекдот читал когда-то. Здравствуйте, товарищи.

– Ну ты и наколбасил тут! – заметил милицейский капитан, озирая поле боя.

– Завидно? – спросил Гусев, хитро прищурившись.

– Фу! Трое с газушниками, ты стрелял первым, разумеется...

– Туда посмотри, – Гусев ткнул пальцем вверх.

Милиционер поднял голову, увидел пулевое отверстие и впал в глубокое раздумье.

Под ногами принялись надрывно стонать: это первому охраннику вкатили антидот. Валюшка передернуло. Он уже испытал на себе, как бывает плохо, когда действие препарата обрывается искусственным путем.

– Отойдем, – посоветовал дознаватель, косясь на пострадавшего. – А то мало ли. Обувь потом не отчистишь, вонять будет неделю. Ну, Пэ, докладывай. Мы слушаем.

Гусев начал рассказ – очень сжато, но ничего не упуская. Валюшок отметил: первым делом его ведущий объяснил, что охрана не виновата, поскольку не знала, с кем имеет дело. Все-таки было в этом странном человеке нечто от средневекового рыцаря. Возможно, он понимал справедливость и порядок в несколько утрированном виде, но элементарной честности ему было не занимать.

Тем временем группа поддержки разделилась: двое выбраковщиков остались у двери, еще двое заблокировали лестницу наверх, пятеро набились в тесный лифт и уехали, как сказал один из них, «закрывать этажи». Дознаватель и милиционер делали пометки в блокнотах. Очухавшийся начальник охраны уполз под стойку, и там его жестоко рвало. Остальные двое лежали пластом и хрипло дышали. На бедняг вообще не обращали внимания – помочь им сейчас было нечем, а опасности они не представляли.

«Хорошо, что меня не тошнило, – подумал Валюшок. – Нет, Гусев, я тебя за ту выходку со стрельбой по мне не простил. Но, кажется, я догадываюсь, зачем это было. В первую очередь ты хотел, чтобы я не мучил попусту людей, посылая иголки направо и налево. Интересно, каждого новичка в АСБ встречают такой церемонией?»

На пульте звякнуло.

– Эй, молодой! – крикнули от двери. – Глянь, кого нелегкая принесла.

Валюшок не рискнул зайти за пульт охраны: там было грязновато и лежало слабо шевелящееся тело. Он просто лег на стойку боком. Система здесь была стандартная, уроки в под-

готовительной группе не прошли даром – он мгновенно увидел нужные кнопки, а заодно разглядел и посетителя.

– Ничего особенного, – сказал он. – Мужик как мужик.

– А ствол... Ствол он в какой руке держит? – тревожно спросил один из выбраковщиков, суя руку за пазуху. Это было сыграно очень натурально, и Валюшку понадобилась целая секунда, чтобы понять: над ним смеются.

– У него на плече гранатомет, – парировал он и нажал на кнопку. – Да!

– Что, заснул? Открывай давай! – рявкнул динамик.

Дознаватель обернулся на голос с радушной улыбкой и сделал Валюшку знак: открывай. От двери махнули рукой. Валюшок послушно разблокировал замок. Визитер шагнул на порог, окинул помещение хозяйским взглядом и побледнел.

– Здравствуйте! – обрадовали его. – Здесь Агентство Социальной Безопасности. Предъявите удостоверение личности, будьте любезны.

– Я председатель собрания акционеров, – хмуро представился вошедший.

– Замечательно! – воскликнул дознаватель. – Где же вы были? Идите скорее к нам!

Вошедший перестал бледнеть и начал заливаться краской.

– Ну, мы пошли отчеты писать? – спросил дознавателя Гусев.

– Давай. Эй, юноша! С боевым крещением вас.

– Спасибо, – пробормотал Валюшок.

– Живи! – напутствовали его.

* * *

Они быстро дошли до офиса, причем Гусев всю дорогу молчал. Только на вопрос, разве не положено отчеты писать по окончании дежурства, он сообразовал ответить загадочной фразой, после чего снова умолк.

– Следующий подвиг назначен на полночь. Чуток поработаем сверхурочно, если ты не против. А пока хватит. Мне нельзя помногу, у меня синдром детренированности, понял?

Валюшок кивнул и остаток пути размышлял, что именно у Гусева могло детренироваться.

В офисе Центрального они поднялись на второй этаж и прошли в «рабочую», которую Валюшок до этого видел лишь мельком – огромную комнату, заставленную личными столами командиров групп и ведущих. На столах громоздились кучи бумаг, стояли канцелярские наборы и всяческие финтифлюшки. Особенно Валюшка поразила чья-то здоровенная кружка с надписью «Это я убил Леннона».

– Данилов выдрючивается, – бросил через плечо Гусев, когда пораженный Валюшок уставился на сие произведение искусства. – Данила всем направо и налево объясняет, что «Битлз» – розовые сопли, а вот хеви-метал – это да! Кстати, а твое мнение?

– Ну, в принципе, «Битлз» действительно не «Металлика», – пробормотал Валюшок. – Только не до такой же степени...

– Вот именно, что не до такой.

Гусевский стол оказался совершенно гол и покрыт толстым слоем пыли. Вокруг притулилось три стула, явно знавших лучшие времена.

– Кресла поперли, разумеется, – вздохнул Гусев. – Даже мое. Совсем обнаглели. Ладно, садись. Или, вот что, иди-ка за соседний. Хозяин в отпуске, не обидится.

Валюшок послушно сел, включил компьютер и вывел на монитор стандартную форму отчета.

– Что писать? – спросил он.

– Как было, так и пиши. Тебе легко.

– А тебе?

– Мне сейчас целый трактат рожать придется. О том, что в следующий раз я не намерен спасти потерпевших от несуществующей опасности. Либо пусть дадут третьего, чтобы наши задницы прикрывал, либо на фиг такие выкрутасы. Я еще разберусь, какого черта на это задание послали двоих. Он же еще, зараза, передо мной и извинялся! Мол, простите, я все понимаю, но больше никого рядом...

Гусев открыл ящик, порылся в нем, достал тряпку и принялся обтирать пыльную столешницу

– Кто извинялся?

– Начальник смены, кто еще... Не диспетчер же, тому до лампочки.

– А кто сегодня начальник смены?

Гусев повернулся к Валюшку и внимательно его оглядел с ног до головы.

– Утихни, – посоветовал он. – Никто нас подставлять не собирался. А начальник смены – Корнеев.

– Я просто тоже хотел бы отметить...

– Сказано – утихни. Тебе не положено. Знаешь выражение: «по сроку службы не положено»?

– И тут дедовщина, – вздохнул Валюшок.

– Везде дедовщина. Каждый раз, меняя работу, ты проходишь заново путь от «черепа» до «деда». Везде, где собирается больше одного человека, дедовщина есть в том или ином виде. А уж у нас-то, в Воинстве Христовом, – сам бог велел. Хотя некоторые считают, что АСБ – армия Тьмы. Но таких мы почти всех поубивали. И чего ты сюда подался, Валюшок?

– В архангелы захотелось, – отрезал Валюшок. – Кстати, а ты-то сам как считаешь, что такое АСБ?

– Необходимое зло, – мгновенно ответил Гусев.

Видно было, что ответ у него заготовлен давно.

Глава десятая

Он сражался за независимость своей родины, оставаясь тираном и человекоубийцей.

Когда отчеты были закончены, Гусев согнал их в архив, а свою докладную записку не только куда-то отправил, но еще и распечатал. Буркнул Валюшку: «Сиди, кури, играй», забрал бумажки и ушел. Валюшок перебрался за гусевский стол и с огромным интересом полез в компьютер ведущего. Эта машина сразу показалась ему куда быстрее соседней и вообще гораздо круче, чем положено для простенького офисного рабочего места. Припомнив немудреную команду, Валюшок ознакомился с конфигурацией и аж присвистнул. Здесь стоял мощный видеоакселератор, а оперативной памяти было просто немерено. Заинтригованный Валюшок сунулся под стол и обнаружил, что пломба на корпусе сорвана. Похоже, Гусеву никакие права были не писаны. А еще он, судя по всему, проводил на работе куда больше времени, чем полагалось. «Ну, сейчас порезвимся!» – обрадовался Валюшок, полагая, что игровой раздел на диске битком набит трехмерными «стрелялками»: беготня, пальба, кровяща. Однако Гусев и тут своего ведомого удивил. Игрушек действительно оказалось вагон, но все они были стратегические или ролевые, нелокализованные, на английском, и очень сложные. Валюшок было затосковал, но потом нашел один-единственный автомобильный симулятор и принялся гонять.

Гусев отсутствовал почти час. В «рабочей» стояла тишина, разве что Валюшок иногда скрипел резиной на поворотах. Центральное отделение трудилось на вечерних улицах, и, судя по отсутствию тревожных сигналов, никого покамест не убило. Развешанные там и сям большие мониторы были мертвы, динамики оповещения хранили молчание. Ничего похожего на деловитую суету прежних лет, о которой с ностальгическими вздохами рассказывали инструкторы подготовительных курсов. Похоже, город исчерпал свои криминальные возможности. Как и вся страна в целом. Драконовские законы и невероятно четкое их исполнение сбили температуру почти до нуля. Преступления совершались в основном на бытовой почве, и уполномоченным АСБ предстояло вскоре раствориться в армии милиционеров и налоговиков. Об этом инструкторы тоже предупреждали: мол, кончается халява, повоюете немного, а потом станете как все. То есть без огромной страховки, высоченной зарплаты с роскошными премиальными, а главное – без прав, которые ветераны гордо зовут «лицензией на убийство».

И, гуляя по улицам, в это несложно было поверить. Валюшок еще помнил начало девяностых, когда в московском воздухе тяжелым удушливым смогом висела ненависть. Висела лет десять, всю его юность, а потом вдруг исчезла.

Исчезла потому, что сначала на одного выбраковщика приходилось сто уголовников, а теперь, даже при сокращенном штате АСБ, десяток уполномоченных с трудом откопает себе одного-единственного клиента. Кстати, но ведь штат собираются опять расширить... Странно – зачем?

«А действительно, – подумал Валюшок, – на фига нас так много понадобилось? То-то Гусев удивился, когда я ему рассказал, сколько народу было на подготовительных. У него аж глаза на лоб вылезли...»

Выбраковка давно уже не работала с полной отдачей. Раньше Центральное каждый день проводило специальные операции, но с тех пор уцелевшие бандиты попрятались, уличная преступность сошла на нет, а освободившиеся из мест заключения рецидивисты активно овладевали гражданскими специальностями и боялись лишней раз вздохнуть. «Указ сто шесть», согласно которому третье по счету преступление влекло за собой пожизненную каторгу, за неполных пять лет все поставил в стране на место. Упрощенная система дознания сделала правосудие молниеносным, а наказание поистине неотвратимым. И Агентство Социальной Без-

опасности – аналог ленинской ЧК, только направленный на борьбу с преступлениями против личности, – потихоньку отмирало, как рудимент крутых времен. Рабским трудом многомиллионной армии вымогателей, мошенников, насильников и убийц потихоньку выковалось местное экономическое чудо. Правительственные менеджеры уже готовили экономику к переходу на цивилизованные рельсы, потому что ряды каторжников таяли, а новых врагов народа просто неоткуда было взять. «Какой разумный термин – «враг народа», – думал Валюшок, выводя свой виртуальный автомобиль на прямую и давая полный газ. – Ведь действительно любой, кто нарушает права личности, – именно враг народа, всего народа в целом. Неважно, кража или грабеж, в любом случае это насилие, посягательство на территорию человека и его внутренний мир. И тот, кто сознательно решается на преступление... Его обязательно кто-то научил, что такое возможно. Какой-то ублюдок. Какой-то мерзавец. Верное было решение – давить уродов, давить, чтобы не могли размножаться, плодить себе подобных. Интересно, кто это придумал. Считается, что и «сто второй» и «сто шестой» указы – коллективное творчество. Но ведь был некто, подавший идею первым. Хотел бы я посмотреть на этого человека. Ежику ясно – у него очень больная голова. Но идею он подбросил блестящую».

– Очнись, гонщик, – сказал Гусев. – А то за настоящий руль не пущу. Ужинать пошли?

* * *

В столовой их прилично накормили, разумеется бесплатно. Валюшок рассчитывал, что сейчас они вернутся на маршрут, но Гусев снова пошел в «рабочую». Вытащил из ящика стола какие-то тряпки, фляжки, комплект инструмента, милостиво кивнул Валюшку на свой компьютер, а сам уселся рядом и принялся возиться с «береттой». Движения у Гусева были небрежные и быстрые, как у человека, который проделывает сборку-разборку и чистку ежедневно в течение многих лет. Особенно Валюшок поразился, когда на столе появилась специальная оправка и Гусев тщательно прокалибровал все патроны, даже те, что в запасных магазинах.

«Ты бы их еще в пескоструйную машину засунул», – подумал Валюшок.

Гусев взял один патрон и близко поднес его к глазам.

– В пескоструечку бы тебя, грязнуля... – пробормотал он.

Валюшок от неожиданности чуть не поперхнулся и зашелся в кашле. Гусев коротко на него глянул, ничего не сказал и принялся заряжать магазины.

– А мне такую дадут когда-нибудь? – спросил Валюшок, показывая глазами на «беретту».

– Не дадут, – отрезал Гусев, сделав ударение на слове «дадут», и у Валюшка как-то вдруг пропала охота задавать еще вопросы.

* * *

На первом этаже Гусев молча сунул руку в окно дежурки.

– Что вам? – спросил помощник дежурного, молодой парень, ровесник Валюшка, сидевший за пультом.

– Угадай с трех раз, – предложил Гусев.

Молодой надулся было, но его вдруг заслонил выбраковщик постарше и вложил в раскрытую ладонь Гусева ключи.

– Запиши, – бросил он молодому. – Пятнадцатую взял Гусев.

Гусев против ожидания руку не убрал.

– Бери, что дают, – сказали ему строго.

– А еще страшнее нету? – сморщился Гусев.

– Только страшнее и есть.

– Даже мне?

– Тебе – особенно. Пэ, не заедайся, ты же в резерве.

– Это в каком я, мать-перемать, резерве?!

– А разве нет?

– В чем, собственно, дело? – подал голос молодой.

– Группу поддержки ты высылал на Поварскую?

– Ну я...

– Знаешь, кто оттуда поддержку вызывал? Кто там пулю едва не поймал головой, на этой драной улице Воровского?!

– Стоп, стоп, стоп... Тайм-аут, – дежурный отодвинул помощника, заслоняя его от гусевского праведного гнева, и принялся листать растрепанный журнал, лежащий на пульте. – Спокойно, Пэ. В расписании тебя нет. Во всяком случае – нам не доводили...

– ДО НАС НЕ ДОВОДИЛИ! – рявкнул Гусев.

– Точно, – согласился дежурный. – Правильно говорится «до нас не доводили»... Так, а это что еще?! Ты почему разнарядку не сверил, бестолочь? Вот же дополнительный список!

– Да я... – начал помощник, но больше ничего сказать в свое оправдание не успел, потому что Гусев очень метко и больно швырнул ему ключами в глаз. Помощник взвыл и схватился за лицо.

– Первое внутреннее предупреждение тебе, – сообщил Гусев. – Дежурному просьба сделать отметку в журнале.

– За что-о?!?! – заорал помощник, вскакивая на ноги.

– Сейчас будет второе, – пообещал Гусев.

Дежурный взял помощника за шиворот и одним движением утрамбовал обратно в кресло.

– Извини, Пэ, – сказал он. – Недосмотрел.

– Из-за такого недосмотра люди пролетают мимо платежной ведомости! – фыркнул Гусев.

– Да что ты! Хочешь, я прослежу лично?! – замахал руками дежурный.

– Допустим, хочу.

– Обязательно. Честное слово. Ключи возьми, Паша. От двадцать седьмой. И с возвращением тебя. Душевно рад.

– Двадцать седьмая? Ну...

– От сердца отрываю.

Гусев помялся, но ключи взял.

– Салаге твоему предупреждение – не забудь, – бросил он на прощанье.

Дежурный в ответ только вздохнул.

Во внутреннем дворе Гусев окинул взглядом ряды машин и уверенно направился к «двадцать седьмой», которую неким внутренним чутьем вычислил.

– Ты бы еще мордой об пульт этого беднягу... – пробормотал Валюшок в спину ведущему.

Гусев на ходу запнулся. Оказалось – для того, чтобы со всей силы лягнуть ведомого в живот. Не оборачиваясь, на слух.

Валюшок от неожиданности упал.

– Ты идиот? – спросил он, лежа на асфальте и глядя в сумеречное небо.

Гусев не ответил, только впереди хлопнула дверца. Валюшок с глубоким вздохом поднялся. Отряхнул куртку, оставшуюся совершенно чистой даже в том месте, куда впаялся гусевский башмак. Мысленно поблагодарил мусорщиков за чистоту, а создателей легкого бронекompлекта за то, что жив-здоров, – и пошел к машине.

– Наша служба и опасна, и трудна, – пробормотал он себе под нос. – То ли еще будет ой-ёй-ёй...

Глава одиннадцатая

Мы уже никогда не узнаем, каким был наш ужасный герой в личной жизни. Шутил ли он хоть когда-нибудь, озаряла ли улыбка лицо этого изверга-патриота?

Двадцать седьмая машина с виду была «Жигули» как «Жигули», примитивная старая хреновина – дешевый автомобиль для битья. В городском потоке от таких старались держаться подальше. Но даже сидя пассажиром, Валюшок сразу почувствовал: что-то с «двадцать седьмой» не так. Аппарат доводили до ума, у него оказалась по-спортивному жесткая подвеска и двигатель куда мощнее обычного. Стрелка тахометра едва шевельнулась, а полбульвара уже было позади.

– Подшипник гудит, – сказал Гусев. – Или это не подшипник? Леха, послушай.

Валюшок демонстративно отвернулся.

– Нет, не подшипник, – резюмировал Гусев. – Вот что, Алексей. Я, конечно, зря на тебя замахнулся. Но и ты меня пойми.

– Если это называется «замахнулся»...

– Ну извини, пожалуйста. Очень уж ты неудачно под горячую руку...

– Руку?!

– Я больше не буду. Честное слово.

– Так я тебе и поверил, – фыркнул Валюшок. Понятно было, что Гусев не собирался причинять ему физический вред. Да и не смог бы, даже при большом желании. Ведущий просто хотел заткнуть молодого бойца, не ко времени раскрывшего пасть. А поскольку руки у Гусева были в карманах и вынимать их ему оказалось лень... Получилось весьма унижительно, одна надежда, что из окон никто в этот момент не таращился.

– Вообще-то в любом конфликте тебе положено занимать мою сторону, – заметил Гусев, сворачивая на Остоженку. – По штату положено. Не рассуждая и тем более не вякая. Живее будешь.

– Даже в конфликте внутри АСБ?

– Особенно внутри, дорогой ты мой! Особенно... Я понимаю, твое желание оградить молодого от произвола старших вполне естественно. Но ты уж, будь другом, постарайся это желание подавить. Ты ведь не шныряешь по отделению, не бегаешь с дурацкими бумажками, не сидишь на пульте. Тебя сразу поставили работать. А значит, друг мой Лешка, держись оперативников, и в особенности – стариков. На маршруте никто тобой помыкать не будет, наоборот, всему научат и даже поначалу защитят, если что. Здесь тебе не армия, у нас дедовщина только в офисах процветает. На поле боя молодых берегут.

– Ладно, – кивнул Валюшок. – Извинения принимаются. Хотя...

– Это все нервы, Леха, – Гусев цыкнул зубом и достал сигареты. – Это все гребаный пенсионный фонд.

– Он бы в тебя все равно не попал, – вспомнил охранника с карабином Валюшок.

– Еще бы он попал! – усмехнулся Гусев. – Нет, конечно. Но вот я... Я-то в него попал, Леха. И очень больно ему сделал. Такие дела.

– Ты в выбраковке с самого начала... – медленно произнес Валюшок.

– Почти с начала. Чуть-чуть не успел.

– ...и тебя до сих пор беспокоит то, что ты людям причиняешь боль?!

– Не злодей я и не грабил лесом, не расстреливал несчастных по темницам, – процитировал Гусев. – Кстати, упреждаю следующий вопрос: правда не расстреливал. Убивал – было, не скрою. Даже много убивал. Человек, наверное, тридцать. Но они бы меня тоже убили, дай им

волю. А вот насчет расстрелов – фигушки. Я знаю, про первые годы выбраковки много слухов ходит, якобы у нас в подвалах кровити было по колено. Вранье это все. Это наш отдел внешних связей пугал население. Мол, у чекиста должны быть длинные руки, кожаная куртка... И что-то еще – забыл что.

– А кто тогда расстреливал?

– У нас смертной казни нет, – напомнил Гусев.

– Ну это понятно, что ее у нас нет...

– На самом деле нет, – отрезал Гусев. Машина стояла на светофоре, из соседнего «БМВ» на убогую таратайку выбраковщиков презрительно косилась расфуфыренная барышня.

– Некрасивая и стервозная, – пробормотал Гусев. – Несчастный человек. И жалко мне тебя от души, и случай упускать не хочется... Ох, как смотрит! Думает, я про нее гадости всякие говорю...

«БМВ» всхрипнул мотором и слегка продвинулся вперед.

– Эй, агент Валюшок! – позвал Гусев. – Держись за шляпу. Нас только что с ног до головы уделали высокомерием. Предлагаю мелко и подло отомстить. Готов?

Вспыхнул зеленый. Как истинный джентльмен, Гусев позволил даме начать гонку. Он даже чересчур увлекся: иномарка уже пересекла стоп-линию, когда «двадцать седьмая» присела на все четыре колеса – и рванула.

Неизвестно, что подумала хозяйка «БМВ», когда мимо нее пронеслось эдакое пушечное ядро, но Валюшку пришлось туго. Опытный и умелый водитель, он невольно воспринимал все эволюции машины так, будто сам был сейчас за рулем. Короткий отрезок пути до Садового кольца Гусев пронесся настолько безопасно, насколько это было возможно при таком сумасшедшем темпе. Пришлось обогнать несколько машин, казалось застывших на месте, и ни одной аварийной ситуации Гусев не создал. Но все равно, сколько «Жигули» ни дорабатывай, в «Феррари» они от этого не превратятся. Поэтому, когда Гусев осадил «двадцать седьмую» у поворота с явным намерением дальше ехать спокойно, Валюшок облегченно перевел дух.

«БМВ» в зеркале отсутствовал. Выбраковщики, не веря своим глазам, синхронно оглянулись.

– А-а... Ползет, – Гусев вырулил на Садовое, и машина неспешно покатила в сторону Нового Арбата. – Знай наших. Покойник Федя Яковлев на такой же тачке «Субару Импреза» загнал. Простую, конечно, не турбированную. Но все-таки! В городе, да на сухом асфальте, от нас спасения нет. Дешево и сердито.

– И как же он ее загнал? – поинтересовался Валюшок.

– Натурально. Измором взял. Сел на хвост и не слезал, пока она сама не нырнула в Язу на нервной почве... А буквально на следующий день Федя переходил улицу на красный свет и попал под машину. Вот ты бы поперся на красный? Чтобы тебя насмерть задавили, и ты же еще остался виноват... Так вот, Леха, мы с тобой насчет расстрелов не договорили. Заруби на носу, выбраковка не расстреливает. Все, что ты слышал на подготовительных курсах, чистой воды правда. Наша задача – изъять из общества его врагов, обеспечить доказательную базу для суда – и все. Дальше работают уже судейские и ГУЛАК. А если мы кого-нибудь в процессе задержания уьем, значит, он использовал свое законное право оказать сопротивление. Исключений не бывает. Каждый занят своим делом. Милиция – розыском и профилактикой, мы – санацией, прокуроры э-э... прокурорят, а ГУЛАК уже конкретно истребляет всякую мразь. Путем создания ей невыносимых условий жизни. Между прочим, только строго между нами, пару раз случались запланированные побеги с каторжных работ.

– Запланированные? А-а... – Валюшок поежился.

– Кто-то должен был рассказать братве, какой это ужас.

– Слушай, это на самом деле так... Так страшно?

– Просто гибель, – кивнул Гусев. – Я ездил в командировки. Сопровождал дознавателей ко всяким узникам на допросы по вновь раскрытым делам. И кое-что смог увидеть. Они вкалывают как безумные. Там ведь можно пробиться в десятники, в бригады, устроиться на придурочную должность и этим немного облегчить свою участь. Читал Солженицына? Ничего похожего. А вот на фашистские концлагеря смахивает весьма. Малейшее неповиновение – тебя хватают под белы ручки и уводят. Только не в газовую камеру, а на парочку уколов. И возвращаешься ты потом в тот же барак – остальным в назидание. Тихий и смирный возвращаешься. Их бы всех химией глушили, только на всех таблеток не напасешься.

– Каторга должна быть прибыльной, – согласился Валюшок понимающе.

– Забудь! – усмехнулся Гусев. – В наши дни каторга не может быть прибыльной. В сталинские времена еще куда ни шло, но сейчас рабы больше съедают, чем производят. Это ты пропаганды наслушался. Все успехи Союза, дорогуша, зиждятся на трех китах. Каждый платит налоги – раз. Нет теневой экономики – два. И принцип «у нерусских не покупаем» – три. Конечно, не в том смысле, что мы кока-колу больше не пьем, а в том, что у нас турки Кремль не ремонтируют и чурки дачи не строят. А каторжники – это просто было подспорье в самом начале...

Мимо проехал, обгоняя выбраковщиков, давешний «БМВ» и круто спикировал к подъезду дорогого ночного клуба. Валюшок невольно засмотрелся на яркую вывеску. Он здесь не бывал, да и вообще давно перестал тянуться к навороченным кабакам. У него имелся свой любимый пивнячок в двух шагах от дома. С бильярдом, дартсом и теплой спокойной обстановкой. Как у любого нормального человека в этом городе. В неоправданно дорогих безвкусных заведениях наподобие того, куда направилась дамочка из «БМВ», тусовались, как правило, не совсем нормальные. Скучные пустые люди, измученные вечным ощущением, что им чего-то недодали в жизни. Валюшок понимал, откуда это. Он и сам когда-то не знал, чем заполнить щемящую пустоту внутри, которая никак не хотела проходить, хоть ты ее пейнтболом, хоть горными лыжами, хоть книгами хорошими. Бесился, на стенку лез в поисках новых ощущений... А потом все улеглось. Оказалось, нужно просто найти свою любовь и отыскать дело по душе. «Просто...? Черта с два это так просто. Многим до самого конца так и не удается. Интересно – Гусеву удалось?»

Гусев крутил баранку и разглагольствовал. Валюшок не без труда вернулся к действительности и прислушался.

– ...конечно, наши порядки не очень-то согласуются с Декларацией Прав Человека, – вещал Гусев. – Но зато в Союзе можно по-человечески жить. Совершенно без страха. Думаешь, почему наш режим так люто ненавидят все правительства мира, кроме совсем уж тоталитарных, а мы с ними по-прежнему выгодно торгуем, науку вместе делаем, экспедицию на Марс готовимся запускать? Да потому что любой, кого хоть раз ограбили на улице, у кого обчистили квартиру, угнали машину, кого просто без повода измордовала гопота... В тот момент, сжимая кулаки или утирая слезы, он мечтал переселиться в Союз, где такого не бывает в принципе. Нас давно бы стерли в порошок, даже ценой ядерной войны. Но общественное мнение не позволяет. Сколько ты его телевизором ни потчуй, сколько ни капай на мозги – люди хотят, чтобы Союз был. Хотя бы как недостижимая мечта, как символ. Мы создали утопию, Леха. Мы почти уже построили безопасное общество. Мы! Мы это сделали, понимаешь?

– Ну, я-то пока ничего не сделал, – потупился Валюшок.

– Уже начал. Да и успеешь еще, – пообещал Гусев. – Я же говорил, очередной подвиг назначен на полночь. Будет чем заняться. Круто пошел твой первый день – ну и закончим в том же духе...

Глава двенадцатая

Как уже говорилось, князь опирался на поддержку беднейших слоев населения страны. Но, конечно, антифеодальная политика Влада вдохновлялась совсем не любовью к простому люду и не состраданием – это чувство было ему неведомо, а стремлением к укреплению государства и собственной единоличной власти.

На стоянке у памятника Маяковскому Гусев пристроил машину рядом с несколькими такими же неприметными автомобилями, в каждом из которых лениво покуривало по три человека.

– Уж полночь близится, а Мышкина все нет, – сказал он, оглядевшись. – Непорядок. А-а, легок на помине...

От Садового поднимался огромный «дальнобойщик». Машины на стоянке дружно завелись. Фура свернула на Брестскую, и за ней тут же выстроилась целая кавалькада.

В тесном переулке грузовик притерся к обочине. Группа Мышкина кое-как запарковалась вокруг и полезла в трейлер, задняя дверь которого наполовину распахнулась, вывалив наружу короткую лесенку.

– Мобильный штаб, – объяснил Гусев. – Он же летающая крепость. Пошли, чего сидишь?

Внутри трейлер оказался похож на конференц-зал пополам с сельским клубом: проекционный экран, несколько столиков с компьютерами, ряды простецких деревянных скамеек человек на тридцать. Дополняли обстановку зарешеченные боксы для клиентов в ближнем ко входу торце и пара кондовых несгораемых шкафов. Это уже было явно не клубное оборудование. Валюшок заинтересованно вертел головой, Гусев его подталкивал.

Выбраковщики расселись, мягко захлопнулась дверь. В президиуме обнаружилась необъятная туша Мышкина, рядом с которой совсем потерялся мелкий неприметный человек. При всем желании Валюшок не смог бы описать его внешность: просто некто в галстуке. Да и галстук этот тип повязал, скорее всего, чтобы отвлечь внимание и стать, таким образом, вовсе невидимкой.

– Восемнадцать, – прогудел Мышкин. – Короче, все живы. И даже все на месте. Так сказать, более чем достаточно. Внимание, товарищи. Это, так сказать, наш старый знакомый, коллега, так сказать, из... Короче, неважно откуда.

– С Петровки коллега, – подал реплику кто-то в передних рядах. – Как его... Капитан Петров, вот.

– Майор Сидоров, – представился «коллега». Голос у него оказался тихий и бесцветный. «Хороший, наверное, специалист, – подумал Валюшок. – С такой внешностью хоть в разведку иди, сам бог велел. И не дурак. Готов поспорить, на самом деле он подполковник Иванов».

– Тамбовский волк ему коллега, – неожиданно в полный голос сказал Гусев. Все головы в «конференц-зале» тут же повернулись в его сторону. Мышкин предупредительно заворчал. – Расскажи, майор, как ты у меня Шацкого отнял. Этому маньяку самое место было на урановых рудниках. Кровавыми слезами плакать. А он вместо этого третий год тебе стучит. И на АСБ плюет при каждом удобном случае. И денег у гада немерено. Сколько ты ему платишь, майор?

– У вас еще что-нибудь по этому вопросу, товарищ Гусев? – учтиво спросил майор.

– У меня по этому вопросу есть именной патрон. На нем написано: «садисту-убийце Шацкому с приветом от Центрального».

– Никого он не убивал, – начал потихоньку заводиться майор. – А вот сколько мы всякой дряни изобличили с его помощью...

– Дай мне Шацкого, я его в пять минут изобличу. Он у меня сначала чистосердечное напишет, а потом добровольно удавится, – пообещал Гусев.

– У тебя, Гусев, чистосердечное написал бы даже, так сказать, Дзержинский, – сообщил Мышкин.

– Жалко, не дожил, – вздохнул Гусев.

Группа Мышкина одобрительно захихикала.

– Короче, Пэ, заткнись, пожалуйста, – попросил Мышкин.

– Виноват, старший. Разрешите вопрос к товарищу майору?

– Не дожدهшься! – почти выкрикнул майор, отвечая на еще не заданный вопрос. Голос майора наконец-то приобрел окраску – ехидную и мстительную.

– Да хрен с ним, с Шацким, все равно на пулю нарвется рано или поздно, – сменил тему Гусев. – Меня больше интересует, как продвигается дело Бобика.

Майор демонстративно посмотрел на часы.

– А действительно! – оживились в первых рядах. – Куда Бобика заныкал, начальник?

– Он где-то в Америке залег, – нехотя ответил майор. – Ищем. Вместе с ФБР ищем.

– Точнее, ФБР ищет, а вы к ним в гости катаетесь, – заметил кто-то. – Виски со льдом, клубника со сливками, зеленые бумажки с портретами...

Майора основательно перекосило. Теперь Валюшок смог бы его описать: «крепко обиженный человек в галстук».

– Сами же упустили, – буркнул майор. – А мы за вас отдувайся.

Группа угрожающе зашипела. Валюшок пригляделся: здесь не было его ровесников, в основном люди глубоко за тридцать, а то и за сорок. Ветераны Агентства. И чем-то пресловутый Бобик их всех здорово взял за живое.

– Хватит! – Мышкин хлопнул ладонью по столу. – Короче! Время. Отвели душу, и будет с вас. Так сказать, хлебом не корми – дай наехать на человека. А он, между прочим, нам халтурку подобрал. Короче, майор, рисуйте задачу.

– Опять за ментов говно разгребать, – буркнул плечистый дядька, сидевший от Валюшка слева. Валюшок его узнал: это был Калинин, один из мышкинских ведущих. Он еще зевал на планерке в отделении, чем навлек на себя гнев начальства. А может, и не зевал вовсе, просто не успел гадость сказать.

Майор, вместо того чтобы рассердиться, вдруг улыбнулся. Мол, именно это и разгребать. Каждому свое. Кому-то тонкая работа, а некоторым, которые полагают себя круче всех, лопату в руки. Для этого, собственно, и создавали АСБ.

– Итак, вот что у нашего ведомства есть для вас, – сказал майор. – Семь лет назад суд присяжных оправдал пятерых. Это была устойчивая преступная группа, за ними числится минимум одно убийство, множество фактов вымогательства, разбои, грабежи. Мы их ломали, как могли, а на суде все равно дело рассыпалось. Лидеру дали пятнадцать лет строгого, а остальных – за недоказанностью. Разумеется, после «указа сто два» они легли на дно. Мы их долго искали – и вот нашли. Снова лазают по городу. Похоже, ведут разведку, высматривают слабые места в нашей системе. Ищут, чем бы поживиться. Сейчас эта компания отмокает в сауне, отсюда пара кварталов. Пробудет там... Минимум еще часа два. Вряд ли они вооружены, но может быть всякое. И у охраны, понятное дело, какая-нибудь пукалка найдется. Сауна в прошлом бандитская, да и сейчас там народ собирается довольно поганый. В общем, можно не церемониться. Гребите всех. И побольше шухера. Чтобы те, кого потом отпустят, надолго запомнили и другим рассказали. А основные лица мы вам сейчас покажем...

Мышкин утвердительно кивнул и повернулся к видеопроектору.

– Вот так всегда, – заявил Калинин. – Как из уголовного признание выбить, так вы и лапки вверх. А честных людей запугивать...

– Закон суров, но это закон, – развел руками майор. – Всего лишь буквы. И мы этим буквам обязаны следовать. Не то что некоторые.

– Интересно, что ты будешь делать, майор, когда нас всех поубивают? – спросил Гусев. – Кому ты будешь это говорить – побольше шума, ребята, побольше страха на гадов нагоните... Омоновцам своим, которые под тем же законом ходят? И так же, как ты, зубами скрипят, когда адвокаты отмазывают убийц? Чего стоит твой закон без АСБ, а, майор?

– Если честно, Павел, я с самого начала был против «указа сто два», – сказал майор. – Я и сейчас против. Двухступенчатого правосудия не может быть в принципе. Где это видано...

– А где видано, чтобы ты ночью прошел сквозь огромный город и навстречу тебе попадались сплошь улыбающиеся лица? – парировал Гусев. – Где видано, чтобы на каждой скамеечке влюбленные сидели, и ни одна сволочь, ни одна... – он задохнулся и умолк.

– И чтобы простой работяга за год мог на машину накопить, – ввернул Калинин. – А бутылка трешник стоила?

– Кто о чем, а вшивый о бане, – откомментировали с передних рядов. – А действительно, майор, где еще так живут?

– В Европе, – скромно ответил майор.

– Хватил! – фыркнул Калинин. – И вообще, начальник, если ты такой принципиальный, какого черта к нам таскаешься?

– Вообще-то я не сам пришел. У меня приказ взаимодействовать.

– Хорошо, а что руководство твое думает?

– Да не нужны вы уголовке! – взорвался майор. – На фиг не нужны! И без вас справимся. Ясно?! Мы просто ловим момент. Пока вы есть – пользуемся.

– Паранойя какая-то, – помотал головой Калинин. – Верно, Пэ?

– Угу, – согласился Гусев. – У тебя раздвоение личности, майор. Ты готовый клиент одного нашего интересного департамента. Где двери без ручек и всем постоянно спать хочется.

– Короче, вы фотки будете смотреть? – поинтересовался Мышкин. – Пятнадцать минут до выхода. Большая труповозка уже на месте должна быть. И закрывайте, так сказать, дискуссию.

– Уже закрыли, – сказал Калинин. – Только вот... Ты это, майор. Ты правильно сказал: пока мы есть, надо ловить момент. Потому что скоро нас не станет. Ты-то, понятное дело, плакать не будешь. Но вот народ... Люди нас еще вспомнят. Потому что вы эту страну... Нет, не удержите. Попомни мое слово, не удержите вы ее. Здесь еще браковать и браковать. Каждого десятого выводить из строя и на Колыму. Вот так.

Майор что-то хотел сказать, но передумал и отвернулся.

– Короче, гасим свет, – подвел черту Мышкин. – Давайте, парни, запоминайте вражьи рыла. Чтоб их всех...

* * *

Сауна занимала длинный полуподвал жилого дома. В прежние времена Мышкин обкладывал такие заведения со всех сторон и устраивал спектакль с ультиматумом через мегафон и прочими театральными выкрутасами. Чаще всего осажденные прятали оружие и другие компрометирующие предметы и понуро лезли в руки выбраковщиков, уповая на то, что пронесет нелегкая. Местное население торчало из окон и ловило кайф от того, как его берегут и защищают. Иногда выбраковку даже подбадривали радостными воплями – сцены усмирения бандитов особенно воодушевляли пенсионеров из числа самых малограмотных.

Случались, конечно, эксцессы, когда захваченные врасплох подозреваемые оценивали шансы на жизнь объективно и упирались рогом. В таких случаях Мышкин произносил свое знаменитое: «Короче, если пидор не сдастся, его уничтожают!» Жителей просили убраться

от окошек подальше, и начиналась пальба. Увы, даже самый лояльный гражданин терпеть не может трупы и кровищу, пусть это все и бандитское. По телевизору он с великим удовольствием смотрит, как негодяев разделявают под орех, а от грубой реальности воротит нос. Поначалу АСБ такие мелочи не учитывало. Но однажды выяснилось, что рейтинг Агентства падает из-за явно видимой его кровожадности. Тогда упор был сделан на кошачью тактику скрадывания. Засады, скрытное проникновение, никаких битых стекол, и поменьше насилия, которое мог бы заметить посторонний глаз. На бумаге все получалось отлично. По жизни – не очень. Тем не менее все последние годы выбраковщики работали, скованные рамками строжайшего приказа: минимум беспокойства для частных лиц. Особенно в ночные часы, когда налогоплательщик обязан реализовывать конституционное право на отдых.

Поэтому Мышкин, вместо того чтобы блокировать входы-выходы и предложить клиентам сдаваться по-хорошему, выбрал другой путь, куда более опасный, зато относительно бесшумный.

Когда на экране появилась схема полуподвала, командир группы обозначил расстановку сил буквально двумя словами. Но непосредственно на объекте Валюшок поразился тому, насколько четко действовали люди Мышкина. Группа заняла позиции в считанные мгновения. И, сам того не ожидая, Валюшок оказался в двух шагах от парадного входа в закрытый спортклуб, который сейчас ему предстояло штурмовать.

Тут же, за углом, ждала своего часа и «большая труповозка» – фургон с надписью «Хлеб» на борту. Из нее кого-то вывели, но Валюшок так и не разглядел, кого именно.

Рядом с Мышкиным встали четверо из шести его ведущих; остальные развели группу куда-то вдоль дома и на черный ход. Неподалеку околачивался майор. И еще здесь был Гусев. Который обернулся и бросил Валюшку:

– Останешься на входе, перестреляешь всех, кого прикажут. Если что, позову.

Валюшок, надеявшийся на большее – обещали ведь подвиг! – разочарованно хмыкнул и вытащил игольник. Да так и застыл со своей пневматической игрушкой в руке. Потому что Мышкин, Гусев и ведущие тоже достали оружие. Но какое!

У Мышкина оказалась «беретта», похожая на гусевскую, только раза в полтора больше. Такое Валюшок видал только в кино: это был уже не пистолет, а целый пистолет-пулемет с удлиненным магазином и откидной рукояткой под стволом. А остальные... Здесь был «глок», здесь был армейский «кольт», хотя тоже какой-то странный, явно доработанный, мелькнул роскошный «зиг-зауэр», и еще одна неприличных размеров пушка, в которой Валюшок заподозрил «дезерт игл», хотя и не очень уверенно.

Затвор никто не передергивал. Значит, патроны уже в стволах.

«Господи, да что же это они такое замышляют?» – поразился Валюшок.

– Начали! – выдохнул Мышкин.

Быстрым шагом выбраковщики обогнули угол и оказались у двери спортклуба. Перед самой дверью переминался с ноги на ногу какой-то субъект, а неподалеку прижались к стене двое с игольниками. «Так вот кого привезла труповозка, – догадался Валюшок. – Член клуба. Как я раньше не сообразил, нам ведь нужно без шума войти...»

Тяжелая стальная дверь начала открываться. Стоявший перед ней мужчина шагнул назад, и тут же на его месте оказался Мышкин.

Следующие несколько секунд в памяти Валюшка отпечатались как всеобщая непонятная возня: приглушенное сопение, команды вполголоса и задушенная ругань. Дважды тихо хрустнул игольник. Под ногами слабо шевелилось живое и постанывающее. Ничего героического, даже как-то скучновато.

Выбраковка, подмяв под себя охрану, пробилась сквозь тесный коридор и оказалась в небольшом помещении с барной стойкой и кучей дверей. Взвизгнула размалеванная девица,

поддатый широкоплечий парень вытаращил глаза. Бармен, видимо битый жизнью человек, моментально поднял руки.

– АСБ! – прогудел Мышкин. – Имеете право оказать сопротивление!

Валюшок оглянулся: позади валялись на полу двое в форме секьюрити и курил майор.

Ведущие пинками распахивали двери и исчезали за ними. Барахтанье, удивленные возгласы, и отовсюду: «Сидеть! АСБ!», «Стоять! АСБ!», «Тихо! АСБ!». И после этого действительно тихо.

Негромкий свист. Валюшка сильно толкнули в плечо. Он обернулся – Гусев пихал его в ту сторону, откуда свистели. Валюшок нырнул за дверь. Это оказалась раздевалка, и один из ведущих держал на прицеле троих полураздетых молодых людей.

– Дай им одеться, – распорядился ведущий. – Не голых же тащить.

– Да, – кивнул Валюшок, поднимая ствол. Ведущий тут же потерял к своим жертвам интерес, приоткрыл дверь в тренажерный зал, на пару секунд за нее сунулся, потом вернулся и прошел в глубину раздевалки, где виднелась еще одна дверь, в душевую, откуда доносился плеск воды.

«Там, за душевой, – сауна», – вспомнил Валюшок.

– Одеваться, быстро, – приказал он. Молодые люди, бросая на него затравленные взгляды, подчинились.

В холле разговаривали на повышенных тонах. Потом снова завизжала девица, но как-то сдавленно. Опять несколько раз выстрелили из игольника. И сразу за спиной раздались шаги. Мимо Валюшка прошел Мышкин, за ним – остальной его авангард.

– Сделай, что положено – и сразу назад, к выходу, – приказал Валюшку Гусев.

Подопечные Валюшка трясущимися руками натягивали одежду. Вода в душевой зашумела сильнее. Выбраковщики скрылись за дверью. Валюшок с грустью разглядывал парней, которых ему сейчас придется обездвигить. «Неужели это необходимо? – думал он. – Ребята как ребята. Выглядят нормально. Испуганы, даже очень. Может, я их так выведу, без стрельбы? Ведь никакого смысла. Все равно наверху экипаж труповозки их встретит. Нет, не буду я стрелять. Глупо. Зачем? Это небось Гусев надо мной эксперимент ставит в воспитательных целях. А вот фиг ему. В конце концов, имею я право...»

Додумать, на что он имеет право, Валюшок не успел. В сауне начали с жутким грохотом стрелять очередями. Машинально все в раздевалке вздрогнули и повернули головы к двери, в том числе и Валюшок. И тут же трое задержанных на него бросились.

Что бы ни думал себе Гусев, настоящим адреналиновым наркоманом Валюшок не был. То есть он любил раньше пощекотать себе нервы, но в разумных пределах. Поэтому и кандидата в мастера спорта заработал не скалолазанием или там экстремальным парашютизмом, а вполне безобидной игрой в войнушку под названием «пейнтбол». Что его и спасло... Пошатываясь, он сделал шаг назад, не в силах оторвать глаз от распростертых на полу тел, срубленных одной длинной очередью. «Если бы этот попал мне ногой в голову... Я отклонился буквально на сантиметр. О боже! Если бы он попал мне в голову...»

«Он бы проломил тебе висок, чудила!» – услужливо подсказал внутренний голос.

Нетвердо ступая, Валюшок выбрался в холл. На полу без движения валялись давешние парень и девица. Бармен куда-то исчез. Майор сидел на высоком табурете и что-то потягивал из квадратного стакана с тяжелым дном. Рядом на стойке красовалась бутылка виски.

– Что, салага, тяжело пришлось? – спросил майор. – Сам виноват. Это публика такая...

– Какая? – пробормотал Валюшок, присаживаясь рядом и непослушными руками запихивая игольник в кобуру.

– Шакалистая, – объяснил майор. – Сразу чувствует слабинку.

Валюшок помотал головой, отгоняя дурные мысли. Его сейчас впервые в жизни чуть не убили, и он это слишком отчетливо понимал, чтобы реагировать на милицейские подначки.

– А вы давно Гусева знаете? – спросил он. Просто чтобы себя чем-то отвлечь.
– Живодер он, твой Гусев, – небрежно бросил майор. – Палач.
И снова налил себе выпить.

Глава тринадцатая

Те, кто сражался под командованием Влада, чувствовали себя причастными к княжеской славе и хранили неизменную верность своему полководцу.

Битком набитая «труповозка» укатила к себе домой, на «подстанцию» – в следственный изолятор Агентства. Настоящих трупов ей везти не пришлось, был только раненый: одному из клиентов попала в угол глаза щепка, и он чудом не окривел. Впрочем, клиент сам нарвался. Это из-за его неосторожного движения Мышкин открыл стрельбу поверх голов, и щепок настрогал препорядочно.

Валюшок сидел в машине и курил. Ему все еще было не по себе. Подошедший Гусев внимательно поглядел на своего ведомого и, вероятно, понял, что за руль его сейчас пускать не стоит.

– И какие же выводы мы сделали, товарищ Валюшок? – спросил он, усаживаясь на водительское место и вставляя ключ в замок.

– Какие еще выводы? – огрызнулся Валюшок.

– Не-ет, дорогуша, это я должен спросить – какие?

Валюшок раздавил окурочек в пепельнице и потянулся за новой сигаретой. Он никак не мог понять: то ли Гусев им недоволен и сейчас осчастливит заумной нотацией, то ли инцидент в раздевалке считается за естественную ошибку новичка и серьезному осуждению не подлежит.

– Я, кажется, понял, зачем нужно огнестрельное, – сказал он, надеясь уйти подальше от животрепещущей темы. – Опытный клиент не боится игольника. Верно?

– Угадал, – согласился Гусев, трогаясь с места и пристраивая машину в хвост колонне группы Мышкина. – Увидев игольник, клиент начинает метаться, искать укрытие. А когда заходит компания с большими красивыми пистолетами, тут сразу все впадают в ступор. Ты бы видел, какая там немая сцена образовалась, когда Мышкин очередь в стену засадил! Один деятель чуть в бассейне не утонул.

– Тех самых пятерых взяли?

– Угу. На редкость сплоченный коллектив попался. У них даже на всех одна девица была. Ну, про эту-то братию можно забыть, их, считай, нет больше. А вот те субчики, на которых ты напоролся, – занятный случай. Прямо руки чешутся узнать, кто такие.

Валюшок провел ладонью по виску. Голова болела именно с той стороны, куда чуть не попал вражий башмак.

– Я для себя выводы сделал, – сказал он. – Больше не повторится.

– Хотелось бы. Ничего, Леха, все самое интересное еще впереди. Как тебе первый рабочий день? Мало не показалось?

– Это уж точно. Часто так?

– Да что ты! Сегодня была просто фантастическая смена. Обычно тоска смертная. Оборванца нищего сгребешь, ментам передашь – и то праздник. Иногда до того скучно, что сам начинаешь на свою задницу приключений искать. Мы ведь действительно очень хорошо почистили Москву.

– А кто такой Бобик? – вспомнил Валюшок препирательства в мобильном штабе.

– Наемный убийца, бывший оперативник ГРУ. При задержании двоих наших застрелил, одного ранил. Его у нас менты выпросили, вот, как моего приятеля Шацкого. Хотели на заказчиков выйти. Так этот Бобик прямо по дороге в СИЗО удрал, да еще и в Америку. Одна радость – не вернется.

– Почему не вернется?

– Потому что он для начала всех своих заказчиков нам сдал. Раскололся как миленький. И заказчики эти ждут Бобика с распростертыми объятьями. Понял? Смотри не сболтни. Информация закрытая.

– Как раз ничего не понял, – обескураженно пробормотал Валюшок. – А зачем тогда он Петровке нужен был?

– Я же говорю – на заказчиков выйти.

– А... Э-э...

– У АСБ тоже есть свои интересы в этом мире, – усмехнулся Гусев. – И иногда они расходятся с интересами МВД. Бобик работал на таких людей, которых нет смысла трогать. Их выбраковка повлекла бы за собой новый дележ власти. А народу что нужно? Покой и стабильность. Ну, мы ему покой и обеспечили. Сделали кое-кому внушение, получили гарантии, что безобразия с заказными убийствами не повторится...

– ...и Бобика в Америку сплавил, – заключил Валюшок.

– Совершенно верно.

– Чего-о?

– Вот именно так, как ты сказал.

– Ничего не понимаю, – в очередной раз признался Валюшок. – Слушай, Пэ, а ты-то откуда все это знаешь?

– От верблюда, – дружелюбно объяснил Гусев.

– А мне зачем рассказываешь?

– А я вообще трепло. Болтун я известный.

Валюшок обиделся и надолго замолчал. Машина катилась по бульварам. За окном Москва наслаждалась тихой летней ночью, и количество обнявшихся парочек на скамейках предвещало скорый демографический взрыв.

– Господи, до чего же я люблю этот город... – пробормотал Гусев. – Иногда, знаешь, такое зло берет – ну почему, ну за что мне в нем не удалось вволю пожить, а?

– То есть? – хмуро буркнул Валюшок.

– Старый я уже, – вздохнул Гусев. – А когда был молодой, здесь и шагу нельзя было ступить, чтобы на какую-нибудь сволочь не наткнуться. Именно тогда, когда так хотелось всем улыбаться, всех любить, просто радоваться жизни... Теперь-то кругом одни улыбки, а мне это уже вроде и не надо.

«Еще как надо, – подумал Валюшок. Отвернулся, попробовал отвлечься – за окном действительно было красиво, – но перед глазами так и маячил проклятый ботинок. На толстой кожаной подошве с мощным рантом. – Интересно, предыдущих своих ведомых Гусев так же по-дурацки потерял? У него ведь тройка была».

– Слушай, Пэ, – начал Валюшок осторожно. – Заранее извини, если много на себя беру... Что случилось с твоими ведомыми? Ну, которые были до меня?

Гусев закусил губу.

– Прости, – Валюшок понял, что действительно рановато начал задавать такие вопросы. – Прости.

– Ерунда, – бросил Гусев. – Как сказал бы мой приятель Данила: «Расслабься, бывает...» Знаешь, Лешка, кажется, мне уже не больно это вспоминать. Хотя... Хотя ведь это я их угробил. Сам.

Он замолчал, и Валюшок не решился уточнить, что именно Гусев имеет в виду.

* * *

До того как заняться отстрелом бездомных животных, группа Данилова решала вполне серьезные и даже деликатные вопросы. Как-то само собой повелось, что именно Данилов занял

в Центральном примерно то же место, что отдел нравов у милиции. Среди других старших «Данила» выделялся относительно гибкой психикой и хоть каким-то подобием воспитания. Ему не ставили особенные задачи нарочно, скорее поначалу они сами его находили, а потом это уже закрепилось. Как и все нормальные группы, команда Данилова честно ходила на марш-рут, но специальные операции ей подсовывали такие, куда не пошлешь, допустим, Мышкина с его пулеметом и страстью к пальбе очередями. Данилов по-тихому ликвидировал подпольные дома свиданий и нелегальные абортарии, без ненужных издевательств прикрывал штаб-квартиры религиозных сект, аккуратными точечными наскоками выдергивал из богемной среды распоясавшихся наркоманов и даже браковал проштрафившихся милиционеров, умудрившись при этом не нажать в «ментовке» смертельных врагов.

А то, что он зверски избивал сутенеров и однажды в припадке злости поставил ведерную клизму шарлатану-целителю, считалось по меркам АСБ в порядке вещей.

Полное и безоговорочное исчезновение с центральных улиц города бомжей всех мастей и возрастов тоже было его заслугой. Конечно, группа Данилова в этой нудной, грязной и неблагодарной работе служила только руками загребущими. Дальше с каждым отловленным разбирались спецмедслужба и Реабилитационный Центр АСБ – громадные структуры, призванные установить, окончательно ли клиент потерял человеческий облик, и создать тем, кто хотел и мог вылезти из помойки, нормальные стартовые условия. Разумеется, если клиент соглашался на детоксикацию, психокоррекцию и пятилетний испытательный срок с проживанием в глухой провинции под милицейским присмотром. Это для взрослых – детей-то не спрашивали. Впрочем, беспризорники легко шли на помещение в интернат. С тех пор как воровство стало занятием смертельно опасным, а подавать нищим вся страна в едином порыве отказалась, выжить на улице стало не просто.

Но как бы много ни трудились на благо общества специализированные учреждения, ловил-то контингент именно Данилов.

Вот и в тот душный летний вечер он должен был вывести группу на операцию в район северных городских свалок. В прошлый раз у пьяного бомжа нашелся самопальный пистолет, и тот сдуру в Данилова жажнул. Поэтому старший группы попросил дать ему на усиление какую-нибудь тройку, у которой есть огнестрельные стволы. Так, на всякий случай.

Гусев в это время поджидал своих ведомых на станции «Кропоткинская». Был у них такой скромный церемониал: беззаботно пройтись по бульвару перед работой.

Наверху Костик сказал, что пойдет купить воды – пить очень хочется. Гусев и Женька закурили. Тут из метро вышла женщина средних лет, остановилась рядом с выбраковщиками и, глядя промеж них, в сторону огромного белокаменного храма, осенила себя размашистым крестом.

– Смотри, – Гусев толкнул Женьку локтем. – На нас уже крестятся.

– Странно, что еще не молятся, – подыграл Женька.

Женщина бросила на выбраковщиков укоризненный взгляд. Гусев, собственно, для этого ее и поддел: хотелось заглянуть человеку в глаза. Он весьма уважительно относился к религии как некой философской системе. Но в то же время недолюбливал религиозных людей. Было в них нечто такое, чего Гусев не понимал. Добровольное подчинение загадочной высшей силе казалось ему выбором как минимум странным. У него не укладывалось в голове, почему нельзя соблюдать десять заповедей просто из элементарной порядочности. Без непременно погружения в мир церковных психотехник, когда на тебя постоянно исподволь давят – если не православными мантрами, так самой внутренней архитектурой храмов. Да еще и поесть вволю не дают.

– Как не стыдно, молодые люди, – сказала женщина строго, но без агрессии. – Сами не веруете, тогда хоть не кощунствуйте.

Глаза у нее оказались именно такие, как Гусев и предполагал, – с легкой отрешенностью, почти незаметной, если не знать, что искать. Глаза человека, с которым Бог, и теперь ему море по колено.

В отличие от самого Гусева – беззащитного перед мирозданием, вечно сомневающегося, зато свободного.

Женщина отошла было, но вдруг повернула назад.

– Скажите, – мягко спросила она, заглядывая Гусеву в лицо, будто тоже проводя свой эксперимент, пытаясь разгадать душу безбожника. – Неужели вам не страшно?

– Мне? – удивился Гусев. – У меня перед ним, – он ткнул пальцем в небо, – никаких обязательств нет. Мы ни о чем не договаривались. Это вам, наверное, есть чего бояться, вы же ему душу продали...

Женщина вздохнула, покачала головой и ушла, мелко крестясь и бормоча себе под нос. Возможно, прося у божества снисхождения к идиоту Гусеву.

– А еще кто-то заявлял, что мы – Воинство Христово... – сказал Женька.

– Догони и предъяви значок, – предложил Гусев. – Спорим, она тебе в рожу плюнет. Хотя да, нам ведь какой-то мракобес грехи отпустил. Только объявили «Указ сто два», как он сразу и выступил. Отпускаю, мол, выбраковке ее предстоящие грехи оптом и в розницу. Видел я его по телевизору – препротивнейший мужик. И глупый. Надеялся, что мы первым делом всех евреев забракуем, а во вторую очередь за сектантов примемся.

– Ну, по сектантам мы хорошо прошлись...

– Да, было дело. Всякие неправильные церкви Данила разогнал. Страшенькие попадались, тоталитарные. Но он ведь потом двоих наших попов уконтрапупил. Одного за наркоту, другого за малолеток... Ну, где этот Костик, чтоб его... Кстати, Женя, могу поделиться опытом. Если не хочешь нажить лишних врагов, никогда с малознакомыми людьми не говори о религии, политике и футболе. Особенно о футболе... Константин! Сколько можно ждать?!

Подоспевший Костик на ходу жадно отхлебывал из бутылки. Гусев пригляделся и отметил: ведомый совершенно не в форме. Перебрал, наверное, вчера. Тройка снялась с места и пошла на работу. Не подозревая, что Бог на Гусева сильно обиделся и в самом скором времени кинет ему подлянку. Не поразит молнией, не разверзнет под ногами асфальт, а просто слегка замутит разум. И свехосторожный Гусев со всей своей хваленной тревожностью не заметит очевидного.

И случится большая неприятность.

* * *

Гусев как раз готовился идти на маршрут, когда ему сменили задачу. Он долго упирался: терпеть не мог бомжей, не выносил их запах и особенно мучился, когда приходилось трогать вонючек руками (бомжи любили, застигнутые облавой, падать и дожидаться, пока волоком не потащат). Да и ведомые Гусева не отличались лояльностью к типам, которые намеренно выводят себя за грань. Особенно Костик – тот вообще уверял, что один только вид такого отщепенца вызывает у него страстное желание стрелять промеж глаз и получать огромное удовольствие. Но тут позвонил сам Данилов, рассказал про дурака с пистолетом, и Гусев все-таки разнарядку подписал.

К гигантской свалке они вышли в сумерках, когда все ее обитатели собрались вокруг костров. Здесь влачили совершенно особое существование, непонятное постороннему. Со своим кодексом чести и своеобразными взглядами на стоимость человеческой жизни. Пожалуй, более жестокими, чем у выбраковщиков. Как раз в этот момент над свалкой разносился пьяный мат и, судя по оживлению, кого-то били. Лучшего момента для выхода к цели не придумаешь.

Разведка обнаружила двоих наблюдателей – бесформенные мешки грязного тряпья, почти слившиеся с высоченными мусорными терриконами. Часовых мгновенно сшибли иглами. Данилов подал знак, и первая волна загонщиков, спотыкаясь и кроя матом не хуже самых отпетых бомжей, рванула сквозь обломки и помои вперед.

Зажглись мощные фонари, стало очень светло, на окраине свалки заревели моторы «труповозок». В лучах света металась перепуганная клиентура.

Сразу несколько загонщиков врезались в небольшое поле аккуратно выстроенных пустых бутылок, еще кто-то прошиб насквозь ветхое строение из упаковочных ящиков, потом один из бомжей свалился задницей в костер, и шум достиг апогея. Гусев что-то несусветное орал, угрожал игольником потенциально опасным клиентам и старался не забывать о ведомых. Он привык ощущать их незримое присутствие немного сзади и по бокам. Если бы Костик или Женька вдруг исчезли, он сразу бы это почувствовал...

Сегодня его очень беспокоил Костик. Еще при встрече Гусев отметил, что у парня непривычно отрешенный вид, слишком плавные движения и расслабленная улыбка. «Ты что, поддал? – спросил Гусев, когда они пришли в Центральное. – Может, тебе не стоит идти на маршрут? Это ерунда, мы справимся, ты посиди в рабочей, поиграй, кофейку выпей». Костик усмехнулся и дыхнул. Ничем от него не пахло, даже возможным перегаром со вчерашнего. Гусев насторожился. Костик уже месяц вел себя странно. В первую очередь – утратил интерес к выпивке. И начал помаленьку отстраняться от коллег по тройке. Загадочно улыбаясь, отказывался, когда его звали дерябнуть пивка, слишком быстро исчезал из офиса после работы. Несколько раз не отзывался на контрольные звонки в свободное время. «Влюбился, что ли? – предположил Женька. – Хорошо бы». Довольно фальшиво это прозвучало. Женька тоже стал дерганый. Он принимал слишком близко к сердцу происходящее внутри тройки, которая для него была чуть ли не семьей.

А Гусев думал о другом. Ему вдруг припомнилось, как они раскопали на квартире у одного из клиентов небольшой склад белого порошка. Костик его нашел, в одиночку. Искал оружие, а обнаружил эту дрянь. И в тот момент рядом с Костином по дурацкой случайности (и в нарушение инструкции) никого больше не было... Гусев припомнил характерные симптомы наркотического опьянения. Решил, что они явно не выражены – сейчас, во всяком случае. И дал себе честное слово, что больше с левого ведомого глаз не спустит.

Будь на месте Костика другой человек, Гусев безо всяких телячьих нежностей потребовал бы от него сдать оружие и топать на экспертизу. Но они ходили вместе четвертый год. Конечно, Гусева беспокоила вероятность того, что ведомый, не выдержав постоянного напряжения выбраковки, обратился к более мощным психоактивным средствам, нежели водка с пивом. Но, как Гусев позже сообразил, на самом деле он просто боялся Костика потерять. Утратить это замечательное ощущение, когда за левым плечом стоит боевой товарищ – верная, надежная, проверенная частица тебя самого. Лучшее прикрытие от опасностей и неприятностей. Да, Гусев терял его в любом случае: вздумай он отправить ведомого на анализы, самолюбивый Костик не стерпел бы обиды. Но если без этого – оставался еще шанс. Поговорить по душам, пробиться сквозь невидимую стену, которую парень вокруг себя выстроил. Что-нибудь придумать.

Ни того, ни другого, ни третьего Гусев сделать не успел.

...Бомжей набралось штук сорок-пятьдесят. Их сбили в плотную кучу, обступили со всех сторон и попросили заткнуться. Клиенты выли и делали неприличные жесты. Данилову принесли «матюгальник», и он попытался бомжей перекричать, упирая на то, что сейчас всех перестреляет и это будет очень больно. «Труповозки» подтянулись вплотную, из них полез с довольным видом обслуживающий персонал – низшая каста выбраковки, клиническое дурачье и примыкающие к нему штрафники.

Задержанные наотрез отказывались утихомириться. Им было что терять: они тут вольготно устроились, соорудили какое-никакое жильё, имели в пригороде участки прикорма. Вероятно, они в этом году размечтались отгулять свое, пока холода не настанут, а там хоть трава не расти. Пусть даже выбраковка. Только до осени было еще далеко, и группа Данилова рухнула на аристократию помойки как гром небесный.

– Заткнитесь, гады! Палить начну – вспомните мою доброту! Маму звать будете! – надрылся Данилов, свирепо потрясая зажатым в руке игольником. – Мол-чать!!! Смирна-а!!! Уроды! Враги! Постреляю всех на месте!!!

Словно решив Данилова передразнить, один из бомжей дернулся всем телом, карикатурно всплеснул руками и опрокинулся назад. Толпа его не пустила, он съехал на землю. На лбу у «шутника» расплывалось красное пятно. И тут же рядом вскинулся еще один, которому пуля угодила в глаз. И третий начал падать на колени через долю секунды. И четвертый...

Ошарашенный Гусев напрягся и почувствовал: слева от него пусто. Так, а теперь и справа тоже.

За короткое мгновение, пока Гусев разворачивался и поднимал игольник, он уже понял, что сейчас увидит. И действительно: чуть позади на возвышении стоял Костик, в классической стойке для стрельбы с двух рук. Похоже, выбраковщик был абсолютно счастлив. Улыбаясь до самых ушей, он всаживал пулю за пулей в толпу.

Женька, рискуя схлопотать от друга выстрел в упор, уже лез по косогору вверх. Гусев подивился его глупости и нажал на спуск. Нужно было сделать это как можно быстрее, пока не подсуетился кто-нибудь чужой. Потому что ведущий за своих людей отвечает до конца. Короткой очередью по ногам он сбил Костика наземь. И чуть не прослезился от нахлынувшего отчаяния.

«Какой же ты законченный эгоист, Гусев! Потянуть время думал, поддержать при себе парня. А вышло – ты его убил. Пусть не сегодня. Пусть не своей рукой. Все равно убил. Прикончил. Угробил. Похоронил. Забраковал. Козёл!!!»

На свалке вдруг оказалось много тише, чем раньше, только дружный топот множества ног приближался со всех сторон. И еще Женька бессвязно ругался, хлопая Костика по щекам, будто не понимая, что случилось.

Гусев вскарабкался наверх. Женька оставил попытки оживить парализованное тело и сейчас тянул из кармана аптечку.

– Нет! – приказал Гусев. – Не надо.

– Как?! – глаза у Женьки были шальные.

– Очнись. Ты не понял, в чем дело? Костя под марафетом. Дурак я, нужно было вспомнить, как он рассказывал, что мечтает по бомжам пострелять.

– И ты... И ты с самого начала знал?!

Со всех сторон их обступили насупившиеся выбраковщики из группы Данилова. Только их здесь не хватало.

– Не знал, – коротко ответил Гусев. – Подозревал. Но доказательной базы не было, понимаешь? Хватит, Женя. Потом обсудим.

– Потом?! – взвился Женька. – Какое теперь «потом»?! Все, привет, он забракован!

– Может, еще и нет, – вступился кто-то. – У нас вот тоже был случай...

– Да заткнись ты! – смотрел Женька только на Гусева. – Ну, знаешь, Пэ... Ну, ведущий...

Не ждал я от тебя!

Гусев провел ладонью по глазам – никто, конечно, не выключал наплечных фонарей, и отовсюду бил яркий свет. Особенно зло слепил его Женька. Гусев почувствовал, что тоже начинает потихоньку терять над собой контроль.

– Заканчиваем дискуссию, – приказал он. – Берем его и несем в труповозку. Ну?!

Женька то ли фыркнул, то ли всхлипнул, но все-таки нагнулся и взял Костика за плечи.

- Извините, господа, – бросил Гусев в пространство. – Не хотели. Так получилось.
- Это ничего, Пэ... – сказал позади Данилов. – Бывает...

* * *

Служебное расследование завершилось для Гусева плохо, ему вкатили сразу два внутренних предупреждения: за невнимательность к подчиненным вообще и недосмотр в ходе спецоперации – отдельно. Еще одно – и будь здоров, отправляйся на черновую работу в «группу поддержки». А там единственный прокол – и окончательное падение, грузчиком на «труповозку». Конечно, Гусев мог в любой момент подать рапорт и уйти в отставку, но такой выход был для него смерти подобен. Он хотел остаться в выбраковке до конца – своего или Агентства. О том, как все будет, если АСБ прикроют, Гусев старался не задумываться. «Ничего хорошего точно не будет». Пока что Агентство гарантировало ему безопасность, и это казалось самым важным на свете.

Каждый день, каждый час, каждый миг статус выбраковщика защищал Гусева от себя самого. Работа держала его в узде, не позволяя спиться или потерять рассудок. И в первую очередь – не оставляя сил задумываться о том, кто он такой и зачем вообще живет.

Да, иногда на работе бывало невыносимо тошно. Но внутренний мир Гусева казался ему во сто крат страшнее. Иногда он с легким ужасом вспоминал свою предыдущую жизнь, до «январского путча» и образования АСБ. И каждый раз удивлялся: как не сошел с ума тот Гусев, прежний, молодой идиот, запивавший снотворное водкой, чтобы не видеть кошмарных снов.

Его отстранили всего лишь на неделю, но когда они с Женькой вернулись на маршрут, ведущий понял: «тройки Гусева» больше нет. Как физически, так и психологически. Женька нервничал, медлил и постоянно косился на Гусева неуверенным взглядом. Будто пытался рассмотреть в своем ведущем такое, чего раньше не замечал. Гусев пробовал вызвать Женьку на откровенность, но тот уходил от прямого разговора. Похоже, он перестал ведущему доверять.

И очень выразительно дергался, когда игольник Гусева случайно поворачивался вправо, туда, где по-прежнему нес службу оставшийся ведомый. Так дергался, что Гусев весь холодел. Не от страха – от стыда.

Он уже думал, не попросить ли Женьке замену, когда случилась очередная глупость. Рано утром они возвращались на машине с работы. Женька должен был, как обычно, выбросить Гусева на Фрунзенской и ехать дальше к себе. Но буквально в сотне метров от гусевского дома пришлось остановиться: впереди был затор. Прошел дождь, и на мокрой дороге случилась цепная авария, сразу четыре машины, что называется, догнали одна другую. И почти десяток разъяренных мужиков от души махали кулаками – слава богу, забыв про монтировки и прочий инвентарь.

Гусев слегка замешкался, отстегивая ремень безопасности, и теперь оказался чуть сзади, в роли прикрывающего. А Женька с криком: «Всем стоять! АСБ!» уже прыгнул в центр драки. Но услышали его далеко не все. Поэтому какой-то умник, решив, наверное, что не хрен тут делать всяким пацифистам-разнимающим, замахнулся, опасно целясь выбраковщику в голову. Женька вроде бы отреагировал, но мимо уже просвистело несколько иголок, и драчун в момент скопытился.

- АСБ! – проревел Гусев, выходя на свое законное место – вперед.
- Всем стоять!
- Ты что же это, гад... – прошипел ему в ухо с трудом узнаваемый голос. – Ты же меня чуть не зацепил! Хотел и меня тоже?! Не попал, да?

Гусев оторопело повернулся к ведомому. Тот стоял весь в поту и трясущейся рукой поднимал игольник.

- Заболел? – спросил Гусев ласково, внутренне обмирая.

– Я тебе больше не позволю... – пробормотал Женька. – Не будет у тебя второго раза... Хватит и Костика!

– Женья, опомнись! – попросил Гусев, машинально отмечая, что обрадованные заминкой водители прячутся по машинам в надежде по-тихому смыться. – Женья, этот придурок хотел ударить тебя. Я его снял. У меня не было другого выхода, я выстрелил из-за твоей спины. Это нормально, мы же всегда так делали. Ты все эти годы стреляешь из-за меня – и ничего. Успокойся, Женья...

Он сделал шаг к ведомому, совершенно невольно, искренне желая объясниться, и как оказалось – напрасно. Рука с игольником дернулась. Гусев упредил это движение – они выстрелили почти одновременно. У Гусева две иголки застряли в обшивке «комбидреса», а одна впи-лась в рукав, по случайности не оцарапав кожу. Женька получил столько же попаданий, но все – в плечо, и рухнул на асфальт.

И ушел из жизни Гусева навсегда.

Позже ему объяснили, что это было закономерно. Его правый ведомый страдал теми же комплексами, что и сам Гусев, но в куда более острой форме, почти болезненной. Он чувствовал себя комфортно только в составе хорошо притертой тройки, и именно на месте ведомого, прикрывающего. Нелепая трагическая потеря одного из коллег больно ударила по мироощущению выбраковщика и заставила искать виноватого. Разумеется, виноватым в разрушении тройки оказался Гусев, который мало того что проморгал Костика, так еще и собственноручно подстрелил его.

На этот раз наказывать Гусева не стали. Он просто угодил в резерв. С ощущением жуткой вины, дикой растерянности, полной беспомощности. И уверенности, что все в Центральном смотрят на него косо. Ни понять не могут случившегося, ни простить.

Наверное, так оно и было на самом деле. Но теперь его вроде бы простили. Кажется, приняли обратно в семью.

И уж с нынешнего своего ведомого он пылинки будет сдувать.

Глава четырнадцатая

Страна ужаснулась, но популярность Влада, как это ни парадоксально, росла, уже приобретая характер массового психоза. Такое положение дел – сочетание любви и страха – как нельзя лучше соответствовало его планам.

Трое молодых людей, пытавшихся удрать от Валюшка, молчали на предварительном допросе как партизаны. Хотя нелепая попытка бежать выдала их с головой: честный и психически нормальный человек не кидается на сотрудника АСБ. Агентство вообще редко задерживало невиновных, а уж тем более – надолго. Один укольчик – и сразу ясно, есть у тебя скелет в шкафу или придется извиняться да еще приплачивать за беспокойство. С тех пор как страховщики стали вносить в полисы графу «моральный ущерб от ошибочного задержания», трудовой народ перестал бояться Агентства напрочь – лишь бы спать не мешало. Да и АСБ, в свою очередь, старалось быть как можно незаметнее. Период громогласной борьбы с теми, «кто мешает нам жить», давно миновал.

Молодчикам вкололи какой-то адской смеси, развязывающей языки. И вскоре эмиссары екатеринбургской братвы, заглянувшие в Первопрестольную на разведку, уехали домой, на Урал, только уже не срубать бабки, а рубать породу. Валюшку хотели поставить на вид за халатное отношение к службе, выразившееся в подвергании себя неоправданному риску, но для первого раза простили.

Шеф Центрального ходил мрачнее тучи. Во-первых, начали оправдываться мрачные предположения, что в столицу потихоньку стягивается уцелевший криминал. Во-вторых, радужные мечты о скором приходе молодого пополнения развеяло категорическое заявление головного офиса: еще пару-тройку стажеров Центральное получит, но не больше. Поскольку Гусев, не удержавшись, рассказал шефу, сколько народу обучалось на потоке Валюшка, начальник отделения принялся размышлять, куда же делась такая прорва выбраковщиков. И, судя по всему, пришел к неутешительным выводам. Отчего сделался злобен и неприветлив.

Сам Гусев решил пока не пороть горячку и ждать развития событий. Тем более что в воздухе запахло осенью, и он, любивший это время года, так и рвался на маршрут. Москва в холодном золоте листвы была особенно прекрасна, и большего удовольствия, чем ходить по ней пешком, трудно представить. Свежий воздух улиц, спокойные лица прохожих, звучащие повсюду детские голоса, по которым Гусев за лето тоже соскучился... И неповторимое ощущение комфорта, душевного и физического, которое навевал один из самых безопасных и чистых городов планеты.

Пожалуй, ради этого стоило работать в выбраковке.

Следующая неделя выдалась спокойной – ничего похожего на события первого бурного рабочего дня уполномоченного Валюшка. Они с Гусевым шлялись по центру города, неприкажные и даже поначалу счастливые тем, что вокруг тихо и мирно. Особенно радовался Гусев. Но вскоре Валюшок заметил в ведущем некое внутреннее напряжение и вспомнил его фразу о том, что выбраковщик может со скуки начать искать неприятностей. Гусеву пора было совершать очередной героический поступок. Пока что они всего-навсего отыскивали заблудившегося в собственном дворе младенца, сняли с дерева застрявшего вниз головой kota и помогли симпатичной девушке завести машину. Гусев каждый раз говорил, что вот такие добрые небольшие дела и есть истинное призвание того, кто поклялся «защищать и служить». Но глаза у него становились все злее с каждым днем. Особенно он расстроился, когда выяснилось, что буквально в двух шагах от его маршрута случился грандиозный пьяный мордобой, но драчунов растащили и оприходовали менты.

– Из-под носа добычу увели! – плевался Гусев.

– Это ведь не наш профиль, – утешал его Валюшок. – Все равно пришлось бы их сдавать в ту же самую ментовку!

– А похулиганить? А вопли устрашения, стрельба в воздух, перекошенные лица? Когда еще случай представится...

В такие минуты Валюшок не мог понять, шутит Гусев или говорит серьезно. И поэтому он всерьез испугался, когда им прямо в руки попался молодой воришка.

Этот тип, взмыленный и растрепанный, вылетел из-за угла наперерез выбраковщикам, лениво бредущим по арбатскому переулку. Валюшок и дернуться не успел, а Гусев уже полностью оценил ситуацию – вплоть до того, что рядом удачно стоит урна. Он по-хоккейному бортанул парня, и тот кубарем полетел через голову. Урна, о которую парень споткнулся, обиженно зазвенела.

Валюшок уже достаточно нагулялся с Гусевым по маршруту, чтобы не делать большие глаза и не спрашивать: «Пэ, что это было?» Он вытащил игольник и приготовился страховать ведущего.

Парень с воем катался по асфальту, сжимая обеими руками лодыжку. Выражение лица у него было, как у футболиста, сбитого в штрафной перед пустыми воротами на финале Кубка мира. На земле лежала дамская сумочка, выпавшая из-за пазухи.

«Чутье, – подумал Валюшок, уважительно оглядываясь на довольного Гусева. – Вот это уже называется чутье. Я бы мальчишке посмотрел вслед и долго размышлял – куда он так несется?»

А Гусев улыбался. Он даже оружие не достал.

Из-за угла выскочила женщина средних лет, тоже основательно запыхавшаяся.

– АСБ! – бросил ей Гусев. – Ваша сумка? Вижу, что ваша. Посмотрите, все ли на месте.

Женщина, отдуваясь и бормоча слова благодарности, принялась копаться в сумочке. Поверженный воришка пытался было отползти подальше, но Валюшок его чувствительно пнул, и тот затих.

– Документы!

– Не-е-ту...

– Ах нету... – Валюшок отцепил от пояса сканер отпечатков и взял парня за руку.

– Ой, мальчики, – бормотала женщина, – ну какие же вы молодцы... С плеча у меня сорвал, подлец. И толкнул, вы представляете, так, что я чуть не упала... Ой, мальчики...

– Я старший уполномоченный Центрального отделения АСБ Павел Гусев. Это уполномоченный Валюшок. Вы готовы выдвинуть обвинение против человека, совершившего на вас разбойное нападение с целью грабежа?

Женщина вдруг замялась и поглядела на воришку с нескрываемым презрением во взгляде.

– Да он такой сопляк еще... – пробормотала она. – Вы же его...

Валюшок закончил сканировать отпечатки и, путаясь с непривычки в проводах, наладил «систему» – подсоединил сканер к ноутбуку, тот к трансиверу, вышел на сервер Центрального и полез дальше по сети АСБ.

«Сопляк», оправдывая характеристику, вовсю шмыгал носом.

– Сейчас узнаем, что с ним делать, – сказал Гусев женщине.

Валюшок сосредоточенно давил кнопки.

– Чист, – доложил он наконец. – Восемнадцать лет придурку... Оформлять?

– Погоди, – Гусев обернулся к женщине. – Так все у вас в сумке на месте?

– По-моему, все. Ой, мальчики, пожалейте его, а?..

– Вы отказываетесь предъявлять обвинение?

– Да ну его...

– Как хотите. Между прочим, кошелек проверьте, – Гусев говорил очень мягко, ласково, даже чересчур, и интонации его показались Валюшку немного фальшивыми.

– Точно все на месте. Ой, спасибо вам...

Гусев заглянул в кошелек.

– Я вижу, тут куча мелочи, – проворковал он. – Вы не одолжите мне немного?

Женщина подняла на него удивленные глаза. Молчание длилось буквально секунду, потом изумление сменил интерес. Как любой потерпевший, которого брало под защиту АСБ, эта женщина сейчас чувствовала себя в полной безопасности. И даже более того. На короткое время она стала частью большой и непреодолимой силы. Одно ее слово – как мальчишке.

– Да хоть все берите! – заявила она твердо.

– Мне чуть-чуть, – Гусев запустил руку в кошелек.

Задержанный издал то ли стон, то ли всхлип.

– А теперь до свидания, – сказал Гусев женщине.

– Спасибо. Большое вам спасибо! Вы только не очень его, ладно? Ну, поучите, чтобы запомнил, но не до смерти.

– До свидания, – повторил Гусев. И улыбнулся.

Задержанный лежал на спине и затравленно смотрел на Гусева, который неспешно к нему приблизился.

– Вставай, сынок, – сказал Гусев, глядя на дисплей ноутбука, где отразилась вся короткая биография вора. – Да, негусто. И сделать в жизни ничего толком не успел, а вот угробить ее – всегда готов. Ты же одет вроде прилично. Зачем тебе воровать?

Парень, спотыкаясь, встал на ноги и опять тихо всхлипнул.

– Я в армию... – пробормотал он. – Призыва жду...

– И тебе в военкомате сказали – грабь, вору, насилуй, армия все спишет? А?!

– Не-е-ет...

– Знаешь, что сейчас будет? – спросил его Гусев. – По идее мы и без заявления потерпевшей можем тебя оформить. Хватит того, что сами видели. И ты исчезнешь навсегда. Ты ведь серьезное преступление совершил, мальчик.

– Я... Я... Не хотел...

– Чего ты не хотел? Напасть на женщину и отнять ее личную вещь? Интересное кино. А знаешь, мальчик, почему за такое положена выбраковка? Потому что ты сознательно решил стать нечеловеком. Люди не нападают на людей и не отнимают их собственность. Получается, ты у нас нелюдь. Враг рода человеческого. Враг народа. Разве не так? Я неправ?

Воришка заплакал. А сам все косился по сторонам, прикидывая, как бы ловчее смыться. В переулке было пустынно, спрятаться не за кого. А игольник – это знают все – отлично бьет на полсотни метров. Да он и на ста метрах тебя уложит, если игла угодит в незащищенное место – затылок, например.

– Ты украл, ты хотел денег, – продолжал Гусев. – Отлично. Вот они, деньги. Посмотри... – он протянул раскрытую ладонь, в которой поблескивала россыпь монет. – Видишь? Я спрашиваю – видишь?!

– Угу-у...

– Я даю тебе шанс, мальчик. Я даю тебе возможность узнать, каковы они, эти деньги, которых ты так хотел. Ты ведь любишь деньги? Ты пошел ради них на преступление. Значит, любишь. Не можешь без них. Точно? Я угадал? Отвечай!

– Угу-у...

– Тогда попробуй, какие они, – мягко предложил Гусев.

И Валюшок, и задержанный непонимающе уставились на Гусева. А тот шагнул к парню вплотную и крепко взял его за глотку. И руку с серебром сунул ему под нос.

– Ешь, – все так же мягко приказал он. – Попробуй их на вкус.

«Ты с ума сошел, Пэ!» – хотел крикнуть Валюшок, но осекся. Сейчас они двое, ведущий и ведомый, находились в совершенно особых отношениях, когда поведение старшего не обсуждалось. Наоборот, старшего полагалось страховать, что бы он ни вытворял. Но страшно Валюшку стало. Даже не страшно, а как-то так... Нехорошо.

Это было словно в фильме Гринуэя: нереально и будто в другом измерении. Вор даже не попытался что-то сделать, он только давился и хрипел. А Гусев с руки кормил его деньгами.

– А теперь гуляй, – сказал он прежним безмятежным тоном, поворачиваясь к вору спиной и доставая сигареты. – Спасибо, Леша, прячь ствол. Пойдем-ка мы с тобой, дружище, врежем пивка.

Валюшок глядел через плечо Гусева, прямо в широко раскрытые глаза воришки. Тот стоял ни жив ни мертв. А Гусев смотрел на Валюшка и улыбался.

– Пойдем, Леша, – повторил он мягко. – Шоу окончено.

Валюшок медленно убрал оружие и бросил взгляд на сканер.

– Это стереть, запрос аннулировать, – махнул рукой Гусев. – Ложная тревога. Просто ложная тревога.

Он крепко обнял Валюшка за плечи, развернул и повел в сторону Арбата.

Позади раздался крик. Валюшок рывком освободился от гусевских объятий. Вор лежал на асфальте, конвульсивно содрогался всем телом и подвывал.

– Успокойся, Леша. Он не много съел, двух рублей не наберется. Пока ничего страшного не происходит. Это просто истерическая реакция.

– А что будет потом? – в ужасе спросил Валюшок.

– Откуда же мне знать, милый, – проворковал Гусев. – Кстати, интересно. Вернемся на базу, обязательно спрошу у доктора. Обязательно. Пойдем, выпьем по кружечке. В такую погоду отлично пойдет светлое и крепкое. Просто замечательно пойдет.

Вор колотился головой об асфальт. В окнах показались встревоженные лица, кто-то выбежал из арки двора и склонился над бьющимся в судороге телом.

– Видишь, уже все в порядке, – заметил Гусев, увлекая ведомого за собой. Сам он в это время нажимал кнопки, отменяя запрос.

Действительно, к чему запрос – ведь обвинения вору никто не предъявлял...

Глава пятнадцатая

...трагическая и страшная личность реального Дракулы, князя Влада III, не должна исчезнуть из людской памяти. Ведь его история – один из ярких примеров того, к каким преступлениям против человечности приводит соблюдение дожившего до наших дней принципа «цель оправдывает средства».

Некто по кличке Писец объявился в Москве внезапно. Раньше он был известен, как поразительно наглый оптовый наркоторговец. Продавал тоннами – и выходил сухим из воды. Задолго до появления АСБ его неоднократно брали менты, но у Писца все везде было схвачено, поэтому каждый раз его со скрежетом зубовным отпускали. Хотя на вопрос: «Чем занимаетесь?» – Писец всегда честно отвечал: «Работаю воров в законе». Когда пришла новая эпоха и за такие заявочки появилась реальная возможность схлопотать пулю в череп, не отходя от кассы, – Писец исчез. Его искали долго, а потом махнули рукой. Немало подобных негодяев успело сбежать за границу. Осело в более демократичных государствах, где с такими, как они, всячески церемонятся и в случае поимки не депортируют на раздавленную фашистской диктатурой родину.

И вдруг до измученного бездельем опера дошли слухи, что Писец со дня на день посетит столицу. Капитан встал на дыбы и принялся рыть землю копытом. В итоге милицейский информатор сообщил конкретное место и точное время, когда Писца можно будет забраковать. Опер пожаловал в АСБ лично, и Гусев отметил, что давно не видел настолько счастливого и гордого собой человека.

Грех было над таким не подшутить.

– У тебя двойка, тебе и идти, – сказал Гусеву шеф. – Чтобы не отсвечивать. А с улицы вас подстрахуют.

– Заодно и пообедаем, – хмыкнул Гусев. Брать Писца нужно было в ресторане, где тот назначил «деловую встречу». – И что за кликуха такая – Писец... Какое-то другое слово напоминает. Но какое?!

– Фамилия у него – Пипия, – сказал капитан, неприязненно разглядывая Гусева. Оперу Гусев сразу не понравился: мало проявил энтузиазма, узнав, какая ему предоставлена честь.

Гусев повертел в руках фотографию Писца, на вид совершенно русского человека. Толку от фотографии было чуть, скорее всего Писец кардинально изменил внешность.

– Готов поспорить, что пока этот урод не купил себе звание вора, то ходил всего-навсего в Пиписках, – сообщил он.

– Откуда подробности? – насторожился капитан.

– Считаю, интуиция. Насмотрелся на таких. Я этих героиновых баронов столько в расход пустил – тебе и не снилось.

– Ладно, Пэ, не заливай, – попросил шеф. – Никого ты к стенке не ставил. Что о нас люди подумают...

– Ну да?! – возмутился Гусев.

– Это формула речи такая, – заверил шеф капитана.

– Вы это... – опер погрозил Гусеву пальцем. – Вы, товарищ старший уполномоченный, не вздумайте только в людном месте расправу учинить.

– Как же, как же, превыше всего общественный порядок, – кивнул Гусев. – Не извольте беспокоиться, коллега. Голову сложу, но шума и кровищи – ни-ни.

– Хотелось бы, – сказал капитан с угрозой в голосе.

– Да и откуда шуму взяться? – осведомился Гусев невинным тоном. – Ситуация тихая и мирная. Сами представьте, заходят в кабак два идиота. Суются к этому Писцу, у которого всего-навсего пара телохранителей. И, разумеется, никаких друзей за столиками вокруг. Никакого контрнаблюдения из разных концов зала. На фиг такие премудрости господину Писцу? Кого ему бояться? Выбраковки, что ли?.. Так вот, наши идиоты подходят, достают игольники... Писец радостно улыбается и добровольно врезает дуба. Охрана покойника рукоплещет. Деловой партнер умершего достает мобилу и звонит в государственное унитарное предприятие «Конец настал» заказать венки. Все очень просто, коллега. Так оно всегда и бывает.

– Не понял юмора, – прорычал опер. – В конце концов, это ваша работа.

– Ага. Вдвоем против минимум четверых. С игольничком на пистолеты. Я это каждый божий день проделываю. Спасибо хоть похолодало...

Опер внезапно успокоился.

– Перестаньте нести ахинею, коллега, – попросил он. – Во-первых, их будет трое. Четвертый вам не помеха, это наш человек. Внештатный сотрудник, так сказать. Во-вторых, уголовные авторитеты по «Указу сто два» – клиентура АСБ. Наше ведомство дает наколку, ваше разбирается. Мы заманили Писца в конкретное место, рискуя жизнью информатора. Более того, посадили информатора с Писцом за один стол. Он не сможет долго поддерживать беседу. Вы должны максимум через пять минут войти и задержать клиента, пока он не понял, что это западня.

– То есть брать его на входе в ресторан – не успеем, а на выходе – опоздаем, – заключил шеф. – Понял?

– И вообще, «Указ сто два» не я придумал, – вернул опер. Ему, похоже, стало немного стыдно, что брать опасного вора идут какие-то чайники, к тому же связанные обязательством не пугать честных граждан. Вот он и оправдывался теперь.

– Зачем у нас снайперов разогнали? – вздохнул Гусев. – Влепили бы гаду иголку в ухо с ближайшей крыши...

– Пэ, ну какие теперь снайперы? К чему дармоедов содержать?

– Разумеется, когда есть Гусев, на все готовый... Ладно хоть с погодой удачно получилось. Шеф, распорядитесь, чтобы бухгалтерия денег подбросила. Нужно будет два костюма попримочнее, галстучки там, ботинки... И два стильных дорогих плаща. Что уцелеет – сдадим в каптерку. Ага?

Шеф едва Гусеву не ответил, и по выражению лица можно было понять, как именно он сейчас выразится. Но Гусев его очень ловко перебил, обернувшись к тихо млеющему оперу.

– А насчет общественного порядка, – сказал он, – это по обстановке. Извините, но гарантий никаких. Мы постараемся успеть первыми, честно, постараемся. Но вы сами понимаете, какой нюх на опасность у вора, который столько лет в бегах. Мы даже труповозку возле кабака поставить не сможем. И сами ждать будем не рядышком в машине, а на другой стороне улицы в подъезде. Тоже не подарок. Вдруг там только жилые дома? Бабушки-пенсионерки очень бдительные, вызовут милицию, та приедет нас брать, тут Писец идет, оглядываясь...

– Ничего лучше предложить не можем. Он появился буквально из ниоткуда. Вызвонил нашего человека, захотел встретиться, о цели встречи даже не намекнул.

– Может, он кончать его приехал, вашего стукача, – заметил Гусев.

– Ну ведь не в ресторане же...

– Яду сыпанет, и все дела.

– Не драматизируйте. И вообще, что еще делать? Такой шанс! Нужно брать его. Брать положено не нам, а вам. Ну и берите. Честное слово, я не понимаю, – опер оглянулся на шефа, который с глубокомысленным видом уставился в потолок. – Я свои функции выполнил. АСБ собирается в принципе выполнять свои? У вас других оперативников нет? Менее э-э...

– Благоразумных, – подсказал Гусев. – По-вашему, у нас одни психопаты работают? Которых хлебом не корми, дай под смертью погулять?

– Закройся, Пэ, – приказал шеф, возвращаясь из своего далека. – А вы не беспокойтесь, капитан. Мы у вас клиента приняли. Клиент будет подвергнут соответствующей мере социальной защиты. Бумаги я все подписал. Гусев, у тебя еще вопросы есть к капитану? Только не риторические.

– Да все ясно, – заверил Гусев. – Завтра сходим на место, присмотримся. Нажремся там как следует, чтобы хорошее впечатление произвести на обслугу. А послезавтра...

– До свидания, капитан, – вздохнул шеф. – Видите, у него вопросов больше нет.

Капитан холодно распрощался, забрал документы и вышел.

– Что же ты вытворяешь, Пэ! – накинулся на Гусева шеф. – Ну за каким чертом спектакль?!

– А пусть думают, что у нас бардак, – твердо ответил Гусев.

– Так это и есть форменный бардак!!! – заорал шеф.

– Вот пусть они так и думают. А мы последим за реакцией.

– Исчезни! – рявкнул шеф. – Актеришка! Плащ ему подороже, видите ли! А четыре доски не хочешь?

– Ну, этот прикид от меня никуда не денется. Кстати, я надена именно плащ. Или даже пальто. Человек, который ходит по дорогим ресторанам в кожанке, сразу вызывает ненужный интерес.

– Тебе виднее, – отмахнулся шеф. – Но соваться на место раньше времени не смей. Я уже вызвал ребят из Южного, их тут в лицо не знают, они проведут разведку по всем правилам.

– Сто лет не был в ресторане, – пожаловался Гусев. – А нельзя будет уже после выбраковки там немножко посидеть?...

В ответ шеф замахнулся на него пепельницей.

* * *

Напротив ресторана очень удачно разместилось отделение налоговой инспекции. Там хватило места засесть с полным комфортом не только двойке Гусева, но и доброй половине «группы поддержки». Нижние чины вели наблюдение, а Гусев, старший группы и примкнувший к ним Валюшок принялись всячески отравлять жизнь налоговикам. Они расхаживали по офису, открывая двери ногами, приставали к местным девицам и задавали начальникам дурацкие вопросы типа: «А если я в нерабочее время кого-нибудь убью, мне это нужно вносить в декларацию или нет?»

Инспектора зверели, но не подавали виду. Многие из них помнили те времена, когда для визитов к злостным неплательщикам приходилось брать с собой парочку выбраковщиков. Это называлось «на усиление». Так что они знали, какова выбраковка в деле, и предпочитали не ссориться. Хотят ребята нас поддеть – а мы плевали на их подначки. К тому, что их никто не любит, кроме близких родственников, налоговики давно привыкли.

За полчаса до назначенного Писцом времени Гусев утихомирился, взял бинокль и прилип к оконным жалюзи.

И почти сразу подскочил на месте.

– Мать твою! – воскликнул он. – Да это же... Ух ты!

– Приятеля увидел? – спросил лениво старший группы.

Гусев обернулся к нему и сверкнул глазами.

– Еще какого! Ты про Шацкого слыхал?

– М-м...

– Ну этот... Деятель шоу-бизнеса. Продюсер. Который всех своих музыкантов пересажал на кокс. Помогал талантливой молодежи раскрыться... А четыре года назад сам переборщил с наркотой и столовым ножом жену выпотрошил.

– А, тот волосатый? Помню. Редкостный урод. Так его же... Погоди, разве он сам?!

– Вот именно. Собственноручно. Тупым столовым ножом. Беременную. Он же великий продюсер, лучший в Союзе – нюхнул какой-то дряни, и из него мания величия полезла. Решил, что провинциальная соплячка недостойна носить его ребенка. Сам рассказал: я же брал его тепленьким.

– Ни фиги себе!

– Вот именно. Эх... Взять-то я Шацкого взял. Жалко, не убил на месте. Потому что его у нас менты забрали. И выпустили. Сказали, может быть нежелательный резонанс. Мол, артистам Союза положено нюхать исключительно цветочки и ширяться только витаминами.

– Соболезную, – вздохнул старший. – Четыре года... Слушай, а я ведь помню. Нас тогда гоняли в «Олимпийский» какие-то офисы шмонать. Мы человек двадцать всякой мелкой сошки там переловили. Не считая просто обкуренных и упоротых. Выходит, это Шацкий их сдал?

– Безусловно.

– Думаешь, к нему Писец идет?

– А к кому еще? Я в такие совпадения не верю, – твердо сказал Гусев. – Что у нас есть на Писца, помимо рэкета, которым он грешил по молодости? Оптовая торговля. А что такое Москва? Рынок сбыта, который замер в ожидании. Кто был господин Шацкий? Покупатель с большими деньгами. Отлично знающий конъюнктуру!

Старший откинулся на спинку кресла и уютно сложил руки за головой.

– Логично, – признал он. – Но будь я на месте Писца, я бы с Шацким не связывался. Допустим, Писец не в курсе, что Шацкого спалили. Ментовка умеет такие дела проворачивать по-тихому. Но он ведь сам наркоман! Опасно.

– После трагической гибели жены Шацкий завязал, – сказал Гусев, снова берясь за бинокль. – Убитый горем муж, любимая супруга которого была зарезана пьяным хулиганом в подъезде... Нашему отделу внешних связей памятник надо ставить! А мы тогда приехали по звонку соседей. Девчонка страшно кричала. Вскрыли дверь, а там – мама дорогая...

– Представляю.

– Он ее на самом деле выпотрошил. Это я не для красного словца, – сказал Гусев деревянным голосом. – Ты не подумай, что у меня к Шацкому личный счет. Просто такое прощать нельзя. Я уж молчу, сколько талантливых ребят из-за него коньки отбросили или угодили в лагерь. Хороший продюсер музыкантам вроде отца, плохого не посоветует, дурного не предложит... А Шацкий как раз хороший продюсер.

Старший тяжело вздохнул и сел прямо.

– Что ты предлагаешь? – спросил он.

– Есть у меня подозрение, что Писец убьет Шацкого.

Некоторое время старший молчал. Члены его группы притихли настолько, что не было слышно дыхания. Валюшок, присевший в углу в ожидании приказаний, тоже произвольно замер.

– Как именно убьет? – поинтересовался старший деловито и сухо.

– Вижу два варианта. Либо мы опоздаем, либо обнаружим себя на подходе... Нет, это все ненадежно. Устроим импровизацию, не знаю пока какую. Выдумаем.

Валюшок судорожно глотнул. В него еще ни разу не попадали настоящей пулей, и он не был особенно уверен в надежности своего «комбидреса». Хотя Гусев уверял, что девять миллиметров из пистолета броня выбраковщика держит неплохо. Только очень больно, и остается жуткий синяк.

Буквально за пару секунд весь многомудрый психологический тренаж, которым Валюшка задолбали на подготовительных курсах, полетел к чертовой матери.

– Тебе идти, тебе и решать, – заметил старший. – Только есть ли у Писца ствол?

– По «Указу сто два» Писец вне закона. Для него любой контакт с ментами или АСБ – верная смерть. Он просто обязан иметь оружие. Это его единственный шанс отбиться и уйти.

– А ведь ты маньяк, Гусев, – заметил старший ласково.

– Почему тебя это удивляет? – спросил Гусев, по-прежнему глядя в окно.

– Хм... Твое дело. Меня удивляет другое. Ты не учиываешь, что в ресторане может сидеть наблюдатель от ментов. И что там добрая половина столиков уже занята.

– Ну, тебя-то менты волновать не должны...

– Меня – нет. Мое дело – прикрытие.

– ...а честных граждан не заденет, обещаю.

– Телом будешь закрывать? – предположил старший донельзя язвительно.

– Конечно, – согласился Гусев на полном серьезе, отчего у Валюшка нехорошо защемило под ложечкой.

– Как знаешь, Пэ, – старший поднял руки, давая понять, что сдался. – Одно могу обещать: я – могила. Парни тоже. Верно, парни?

«Парни» хором промычали что-то утвердительное.

– Дело святое, – высказался сурового вида уполномоченный, матерый дядька лет пятидесяти. – Мочить надо гадов. Давно пора. Ведь лезут же, снова лезут из всех дыр, как тараканы! Сколько мы их в расход пустили, а они снова лезут...

– Слабину нашу почуяли, – бросил старший, и Валюшку показалось, что он эти слова уже не раз слышал. Конечно слышал. В Центральном.

– Есть! – выдохнул один из наблюдателей. – Вижу! Скорее всего – он!

По комнате прошла волна общего движения. Старший бормотал в микрофон, отдавая распоряжения второй половине группы, блокировавшей тылы ресторана. Несколько выбраковщиков быстро выскочили за дверь. Валюшок в который раз проверил игольник.

Никогда в жизни он так не нервничал.

* * *

Клиент подъехал к ресторану на потрепанной «десятке». Его сопровождала пара быкообразных типов, от вида которых Гусеву сразу полегчало. Он боялся увидеть в свите Писца телохранителей новой формации: симпатичных людей с дорогими прическами и без лишней мускулатуры, подмечающих любой намек на опасность, а в бою – резких и стремительных. Эта же парочка двигалась как коровы на льду и не сумела даже толком осмотреться.

Впрочем, сам Писец тоже оказался тот еще увалень. Он словно на машине времени прибыл из начала девяностых, когда Москву заполонили бритоголовые ублюдки. Рядом с ним современная охрана не выполняла бы очень важной своей функции – внешне походить на охраняемого.

И, против ожидания, пластической операции Писец не сделал. Только отпустил бороду, выкрасил ее заодно с волосами в светло-русый цвет да еще очки нацепил. Это точно был он, никаких сомнений.

Троица вошла в ресторан. Гусев вопросительно оглянулся на старшего.

– Все чисто, – сказал тот. – Контрнаблюдения не отмечено. Мои бойцы встанут на места, как только ты начнешь. Один нюанс. Клиента все-таки пасут менты. На солидном удалении. В ресторан не полезут.

– А уверяли, что понятия не имеют, откуда он едет... – протянул Гусев. – А если не менты? Проверь.

- Номера на машине ментовские.
- Тогда плевать. Леха, готов?
- Угу, – еле выдавил Валюшок, чем заслужил оценивающий взгляд старшего.
- За мной! – скомандовал Гусев.
- Живите, мужики... – напутствовал их старший.

* * *

Все свои действия Гусев и Валюшок расписали заранее. Более того, отрепетировали их в тактическом классе, где раз двадцать совершали разные эволюции вокруг парты, имитирующей ресторанный стол. Но теперь Валюшок понятия не имел, чего захочет Гусев. И поэтому решил не дергаться попусту, а ждать.

Как ни странно, животный ужас немного ослаб.

Спустившись вниз, к двери на улицу, Гусев остановил ведомого и привычно его оглядел.

– Хорош, – заключил он. – И красиво, и оборудование не торчит. А как тебе галстук идет! Не то что мне. Леха, почему ты не ходишь на работу в галстуке?

– Да ну его... – вяло запротестовал Валюшок. Сейчас на нем был красивый длинный плащ, костюм, белоснежная сорочка и галстук, который долго выбирала жена, уверенная, что ее Лешка идет с Гусевым валять дурака на какую-то официальную церемонию.

Сам Гусев драпировался в элегантное черное полупальто, сделавшее его похожим на убийцу из Чикаго тридцатых годов – только шляпы не хватало. Если судить по седине в волосах, Гусев давно и успешно работал на одну из тамошних «семей».

– Хорошо. Действуем четко по схеме. Выносим этих двух «быков». Только вот что. Фокус с разговором между нами – отставить. Я все беру на себя. Стреляй по слову «извините». Ясно? Потом ты держишь Шацкого, а я говорю с Писцом. Все, – он натянул тонкие лайковые перчатки.

– Есть, – поняв, что его функции особенно не меняются, Валюшок несколько воспрял духом.

– И не спрашивай меня, на фигу это нужно, – строго приказал Гусев. – Нужно, и все.

– Понял.

Послышался вызов, Гусев достал мобильный телефон. Штатный трансивер он сегодня бросил в отделении.

– Да? Понял. Отлично. Спасибо. Как только зайдём внутрь, сделай одолжение, позвони мне еще раз. Просто так. Все, мы стартуем.

Гусев сделал знак рукой, Валюшок открыл дверь и шагнул на улицу.

– Везуха нам, – сказал позади Гусев. – Рядом освободился столик. Нас за него и посадят. Все-таки нашли ребята выход на метрдотеля. А еще говорят, что в АСБ одни тупицы служат...

Ресторан был небольшой, уютный, здесь играла тихая ненавязчивая музыка и в воздухе плавали едва ощутимые вкусные запахи. Столики размещались в небольших закутках, рядом стояли вешалки. Насчет вешалок Гусев выяснил в первую очередь, без верхней одежды идти в обеденный зал он отказался бы наотрез.

На входе их встретил некто величественный, облаченный в смокинг.

– Господа, прошу за мной, – изрек он и царственным шагом проследовал вперед.

У Гусева в кармане зазвенело. Он тут же вытащил мобильник и на ходу с головой ушел в беседу, внимательно глядя под ноги, чтобы не споткнуться.

– А она что? – спрашивал он. – А ты? Не может быть! Ну, поздравляю от души. И когда? А почему не в «Праге»? Какая разница, что дорого, я добавлю, Мишка, не сомневайся! Ради такого дела...

Валюшок из-за спины Гусева уже видел Писца и компанию.

Безразлично мазнул взглядом по Шацкому – это оказался нервный мужчина лет сорока с длинными вьющимися волосами, – и сконцентрировался на красотке, удачно подвернувшейся справа. Даже голову повернул.

– Да ну! – вдруг заорал Гусев и расхохотался куда громче, чем предписывали хорошие манеры в публичном месте. «Быки» мгновенно им заинтересовались, Писец и Шацкий продолжали беседу. До них осталось всего ничего, шагов пять-шесть.

Гусев ржал, «быки» неодобрительно его разглядывали. Он мешал их боссу разговаривать. И полностью занял их внимание. Валюшок мысленно перекрестился. Они вышли на позицию, нужно было начинать.

Гусев поймал злобный взгляд своего «быка».

– Ой, извините! – смутился он.

Валюшок четко, как на тренировке, выдернул оружие из кобуры и всадил две иголки в массивное бедро телохранителя, торчащее из-под стола. Но Гусев все равно вырубил своего первым.

«Быки» медленно валились со стульев. Валюшок уперся игольником в грудь Шацкого.

– АСБ! – сказал он негромко, но твердо.

Шацкий очень натурально побледнел.

Писец, в свою очередь, налился кровью.

– Что ж ты руки на столе держал, идиот? – спросил его Гусев. Телефон он давно уронил на пол и теперь левой рукой придерживал стул, с которого все падал и падал «бык». Игольником Гусев небрежно помахивал у живота, не оставляя Писцу шансов потянуться и вырвать оружие. – А туда же – вор в законе, король наркотиков... Ты ведь был «ракетой» по молодости, неужто все забыл?

– Это нелепая ошибка, – сообщил Писец глухо. Выговор у него был немосковский, Валюшок так и не понял, какой именно.

– Я заявляю решительный протест! – с достоинством произнес Шацкий, честно отыгрывая роль. – Я директор продюсерского центра... – и тут его заклинило.

Валюшок понял: Шацкий узнал Гусева.

– АСБ! Специальная операция! – раздалось от входа. – Пожалуйста, оставайтесь на своих местах. Вам ничего не угрожает, с этого момента вы находитесь под нашей защитой!

Гусевский «бык» наконец-то сполз на пол, и тот занял освободившееся место, подсев вплотную к Писцу. Это была опасная игра, но это была игра Гусева, он сам ее себе выдумал.

– Хочешь скажу, кто тебя спалил? – предложил он. – Хочешь перед смертью отдать должок ментовской суке?

Писец судорожно моргнул. Что-то у них там под столом творилось, между ним и Гусевым. Скорее всего, Писцу в одно место уперлась «беретта».

Вокруг столика ничего особенного не происходило, только по напрягшимся лицам и спинам видно было, как остро посетители ресторана переживают напряженный момент. По залу уже бродили люди с игольниками в руках. Выходы были перекрыты. Несколько широкоплечих мужчин заслонили от посторонних взглядов столик. Подошел и старший группы, которому сейчас по инструкции полагалось руководить снаружи. Тут же оказался давешний матерый дядька, сверлящий жутковатым взглядом затылок Шацкого.

«А у подъезда уже стоит труповозка, – подумал Валюшок. – Интересно, что она повезет сегодня. Неужели и правда трупы?»

– Убей этого пидора волосатого! – вполголоса требовал от Писца Гусев. – Пока еще решаю. А потом я тебя по-быстрому кончу. Ты же не хочешь на каторге сдохнуть?

– Да пошел ты...

– Не верь ему! – прошипел Шацкий. – Кому ты веришь?!

– Убьешь? – настаивал Гусев.

– Да соси ты хер...

Шацкий начал затравленно озираться. Похоже, спектакль в режиссуре Гусева ему очень не нравился.

– Тогда пушку на стол. Очень медленно.

– Да имел я тебя... Сам доставай.

– Как жаль, что я в тебе ошибся, – сказал Гусев безмятежно.

Валюшок по-прежнему держал на мушке Шацкого и толком не разглядел, что произошло. А Гусев просто вlepил Писцу иглу в брюхо, и тот расслабленно сник.

Шацкий так вздохнул, будто у него петлю с шеи сняли.

А зря.

Потому что Гусев выдернул иглу, воткнул ее себе в лацкан, быстро спрятал игольник в кобуру и так же быстро достал у Писца из-за пояса «макаров». Вытащил из-под стола руку с «береттой». Взвесил оба пистолета на скрещенных руках. Примерно так обычно держали парочку «узи» всякие крутые из полузабытых в Союзе американских боевиков.

– Вот интересно, – сказал Гусев, – у него патрон в стволе? Если нет, я в гражданине Писце окончательно разочаруюсь.

– Что вы...?! – испуганно пискнул Шацкий.

– Коллеги, не дергайтесь, мне все отлично видно! – предупредил Гусев.

И принялся стрелять.

Шацкий получил две пули в область сердца и рухнул на руки выбраковщиков. Неподвижный Писец был убит двумя выстрелами в живот и переносицу. Гусев бросил оружие Писца на стол.

В зале сдержанно повизгивали женщины.

– Ну ты... – начал было старший, но передумал и только сплюнул под ноги.

– Я же сказал, мне все было отлично видно, – Гусев уже склонился над Писцом. Слегка ошалевший и малость оглохший Валюшок понял: он на всякий случай делает клиенту нейтрализующую инъекцию. Через небольшое время обнаружить в крови парализатор будет невозможно. А дырочку от иглы в животе Гусев расковырял пулевым ранением.

– А если бы ты его насквозь...?!

– Из «макарова»? Упаси бог. Ну, товарищи? Наш уговор в силе? Круговая порука мажет как копать?

– Естественно, – процедил старший. – Этот убийца прятал ствол в сапоге. У него как раз сапоги... Что тебе оставалось делать? Игольник-то твой заело.

– Вообще хреновое оружие, – согласился матерый дядька. – У меня клинило дважды в самый ответственный момент.

– Перекос, он и есть перекос, – вступил еще один голос.

Гусев подобрал с пола мобильник и с искренней теплотой улыбнулся выбраковщикам. В том числе и Валюшку, который все отдувался.

– Спасибо, коллеги, – улыбнулся Гусев. – Век не забуду. Помогли снять камень с души. Четыре года я ждал этого дня... Ну, поеду отчет рисовать. Если что – знаете, где меня найти.

– Живи, – сказали ему.

На улице Гусев с наслаждением закурил. И встряхнул за плечо насупившегося Валюшка.

– Если ты меня осуждаешь, могу в деталях рассказать, как именно Шацкий изуродовал свою жену. Ей было двадцать два года, Леша. Только двадцать два. Обыкновенная дурочка из провинции – нормальная женщина за такого бы и не пошла, – но это дела не меняет. Нельзя кухонным ножом резать беременных жен, понимаешь? И нет высших интересов, во имя которых можно оставить в живых такого убийцу.

Валюшок молчал.

– А то, что в Агентстве круговая порука, ты мог бы и сам догадаться.

- Да нет же!!! – взорвался наконец Валюшок. – Нет!
 - Что «нет»? – опешил Гусев.
 - Ты... Ты... Да ты чуть мне в руку не попал! Я едва отдернуть ее успел!
 - Лешечка! – воскликнул Гусев радостно. Похоже, он ждал чего похуже. – Дорогой ты мой! Сам посуди, если бы я мог попасть тебе в руку, уж, наверное, я бы тебя предупредил!
- Валюшок в ответ только сплюнул – как перед этим старший.
Наверное, они пережили очень похожий стресс.

Глава шестнадцатая

Лишь в молитвах и заукоинных службах изливалась скорбь по тысячам казненных, не обращаясь в ярость, направленную против тирана, – ведь его власть была освящена церковью, а цели – разумны и благородны.

Очередное испытание на прочность судьба подбросила двойке Гусева в один ничем не примечательный вечер. Началось все рутинно: просто на пульте лежала заявка, и дежурный передал ее Гусеву. Тот, привычно изображая лицом скуку и неудовольствие, заглянул в бумагу и сразу же покосился на Валюшка. Его ведомый, поигрывая на пальце ключами от «двадцать седьмой», мурлыкал под нос песенку и, судя по всему, пребывал в отличнейшем расположении духа. «Ну, сейчас посмотрим, какой ты гражданин, агент Валюшок, – мысленно вздохнул Гусев. – Поганая заявка. В последний раз я такую видел года два назад. Ясно, почему ее именно мне подкинули. Гусева ведь не жалко. А Валюшка? Хм... Может, не оставили надежды восстановить парня против меня. Какая же это сволочь наверху мутит воду? Понятное дело, не шеф. А кто?.. В любом случае надо будет за Лехой присмотреть. А то еще замочит старика Гусева по великой своей доброте. Обмялся он за последний месяц нормально, уже никакой работы не гнушается, но это...»

– Заводи, – скомандовал он. – Я сейчас, только вот труповозку закажу. Нам сегодня особенная понадобится.

Ехать пришлось на самую границу территории Центрального. Валюшок вел машину как обычно – быстро и надежно, не хуже, чем если бы за рулем сидел Гусев. С исчезновением знаменитых на всю страну московских пробок уровень водительского мастерства в городе неуклонно падал, и Гусеву было приятно, что хотя бы его ведомый не подвержен этому повальному расслаблению.

«Двадцать седьмая» идеально запарковалась у искомого подъезда – в двух шагах, но так, чтобы не привлекать лишнего внимания. Гусев достал рацию и вызвал «труповозку».

– Когда подъедете, во двор не суйтесь, – приказал он. – Стойте на улице. А то здесь бабуськи околачиваются, сразу выяснять начнут, к кому «Скорая» приехала.

«Труповозка» ответила, что все понимает, глубоко сочувствует и постарается не светиться. Гусев повернулся к Валюшку. Тот курил и ждал распоряжений, делая вид, что ему это дается легко. Ведь по инструкции Гусев обязан был сообщить ведомому содержание заявки если не в офисе Центрального, то хотя бы по дороге.

– Значит, так, Леха, – сказал Гусев. – Ты когда-нибудь задумывался, куда в нашей стране деваются младенцы с патологией развития?

Валюшок фыркнул было – кто ж этого не знает, – но потом насторожился. Гусев задал вопрос неспроста. Большинство патологий медицина определяла на ранних стадиях беременности, и уроды в Союзе просто не рождались. А в тех немногих случаях, когда медкомиссия находила отклонение от нормы уже после родов, младенца либо с согласия матери усыпляли, либо он пропадал в недрах интернатской системы. Сложнее было, конечно, с подброшенными детьми, у которых вдруг открывались серьезные нарушения психики – но и тех, как правило, удавалось из общества изъять. Если природа нарушения оказывалась наследственной – вместе с родителями. Все это Валюшку объяснили на подготовительных курсах с примерами из практики... Но раз сегодня они здесь и Гусев задает вопросы, значит, система дала сбой. И где-то в этом подъезде живет ненормальный ребенок. Валюшок поежился.

– Понял? – спросил Гусев. – Вижу, понял. Тяжелый случай, Леха. Соседи, гады, донесли. Участковый стал вести наблюдение и подтвердил. Мальчишка лет десяти. Ночью появляется

на балконе. Только ночью. Мать – учительница. Героическая женщина, думаю, сама рожала, втайне. Но и дура изрядная. Эгоистка чертова. И ребенку жизнь изуродовала, и себе. Так в фашистской Германии еврейских детей прятали. Но ведь не по десятку лет кряду... На что она надеялась?.. Вот тебе и диспозиция. Готов идти?

– Что мне делать-то? – спросил Валюшок. – Не в том смысле, что деваться некуда... А делать – что?

– Как обычно – держать мне спину. Пойдем.

Чистая и опрятная лестница вела их на пятый этаж.

– Ты раньше этим занимался? – буркнул Валюшок Гусеву в спину.

– Дважды, – ответил тот.

– И что было?

– Оба раза пришлось стрелять.

Валюшок тяжело сглотнул, кашлянул и снял игольник с предохранителя.

– А где этот участковый? – вспомнил он. – Как же мы на такое дело – и без мента? Дело не уголовное, гражданское.

– Он боится. Сказал, все, что надо, задним числом подпишет, а с нами идти – ни-ни.

– С-скотина... – прошипел Валюшок.

– Отнюдь, – мягко сказал Гусев. – Нас ведь разгонят, а ментам оставаться. Кому охота за чужие грехи платить?

«Вот именно – грехи, – подумал он. – Кто нас ждет там, наверху? Только бы не даун. Ведь не смогу же... Урод должен быть уродом, вызывать отвращение, желание сделать так, чтобы он исчез из нашего мира быстро и навсегда. Дауны, выросшие в семьях, другие. Они блаженные. Если, конечно, родители хорошо ими занимались. Их словно лишили ненужной части разума специально, чтобы оставить счастливыми. Детьми. Нужно признаться, с даунами выбраковка промахнулась. Обществу нужны убогие. Не бесноватые и юродивые, а именно убогие. Чтобы жалеть. Как раз жалости нам сейчас не хватает, не осталось ее в стране ни на грош. Вот давешняя тетка, которая грабителя пожалела... Встал на дороге суперагент Пэ Гусев со своей лицензией на убийство – и всю проявленную гражданкой жалость низвел даже не до нуля, а в минус загнал. Переработал в ненависть. Уфф... Нет, это не может быть даун. Их вычисляют стопроцентно на ранних сроках».

Гусев позвонил в дверь и отстегнул с груди значок.

– Не вздумай разговаривать, – бросил он через плечо. – Молчи и держи мне спину. Увидишь, я все сделаю наилучшим образом. Стыдно не будет. И вообще, это не Гусев с Валюшком, это государство пришло. А государство, как известно, – аппарат насилия.

– Кто там? – спросила из-за двери женщина. Голос у нее был настороженный.

– Извините пожалуйста, это Агентство Социальной Безопасности, – сказал Гусев, демонстрируя значок дверному глазку. – Старший уполномоченный Гусев, уполномоченный Валюшок. Мы должны задать вам несколько вопросов.

За дверью повисла гробовая тишина. В Славянском Союзе правило «мой дом – моя крепость» позволяло забаррикадироваться даже от милиции, если та припрется без постановления на обыск. Но в отношении АСБ никакие правила не действовали. Жать на кнопку и разговаривать с жильцами Гусев был не обязан, он мог без лишних церемоний просто взломать дверь. Тем более эту, хлипкую и древнюю.

– Нам обязательно нужно с вами побеседовать. Это очень важно.

– О чем? – спросили из-за двери.

– Простите, через дверь такие вещи не говорят, – Гусев произносил слова очень мягко, но без знакомой Валюшку приторной ласковости, которая предвещала беду. – Впустите нас, пожалуйста. Если какие-то сомнения, позвоните в Центральное отделение АСБ, я вам продиктую телефон. Мы подождем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.